

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 9 ФЕВРАЛЬ 1988

ЗАКОН ВЕСНЫ- ПРОБУЖДЕНИЕ

**РОДНИК
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**РАССКАЗЫ
ФЕДОРА АБРАМОВА**

**РЕВОЛЮЦИОНЕР
РУССКОЙ ЖИВОПИСИ**

СУДЬБЕ НАПЕРЕКОР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года 27 ФЕВРАЛЯ — 5 МАРТА

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

№ 9 (3162)

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

**Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ**

(ответственный
секретарь)

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель
главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

Н. А. ЗЛОБИН,

С. С. ЛЕСНЕВСКИЙ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель
главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Иван Иванович Кухарь (см. в номере материал
«Власть земли»).

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

**ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ
ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯ-
ЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО
МЕСЯЦА**

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13.

**Рукописи объемом более двух авторских листов
не рассматриваются.**

Сдано в набор 08.02.88. Подписано к печати
23.02.88. А 00303. Формат 70 × 108 $\frac{1}{4}$. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл.
кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 1926.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица
«Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ

- СПУСТЯ 20 ЛЕТ...
- В МАРТЕ СОБЕРУТСЯ ДЕЛЕГАТЫ IV ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА КОЛХОЗНИКОВ.
- 60 ЛЕТ КОЛХОЗНОМУ СТРОЮ — О ЧЕМ ОНИ ГОВОРЯТ?

**Мария Мартыновна
Калабина —
одна из доярок
колхоза имени
Владимира Ильича.**

**Первой
встретила весну
Надежда
Парамонова.**

**Тракторист
Василий
Николашин
работает
на молочном
комплексе.**

**Фото
Марка
ШТЕЙНБОКА**

С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОЮЗНОГО СОВЕТА КОЛХОЗОВ ИВАНОМ ИВАНОВИЧЕМ КУХАРЕМ БЕСЕДУЕТ НИКОЛАЙ БЫКОВ

Подмосковная деревня Горки. Спят поля, заиндевели грозди на белых рябинах. Последние морозы. Солнце повернуло на лето. Тишину нарушают крики не улетающих птиц, мычание коров, возвращающихся с прогулки...

В Горках — правление колхоза имени Владимира Ильича. Колхоз известный, орденосный. В нескольких километрах от деревни за высоченными липами парка белоколонный дом, где умер В. И. Ленин. Но Ленин и жил здесь, отдыхал и работал, отдыхая. 9 января 1921 года вождь приезжал к жителям Горок. Тогда все собрались в избе Шульгиных — яблоку было негде упасть, дышали с мороза горячо, слушали дорогого гостя. Ленин рассказал о плане электрификации. Обещал электричество и для Горок, а еще озаботился, чтобы давали крестьянам семена, рассаду, машины... Мелким хозяйством из нужды не выйти — это понятно. Да что же было делать?..

Жизнь здешнего колхоза освящена тем присутствием Владимира Ильича — изба Шульгиных стала мемориальной, здесь все, как было, — его разговор о насущном, его идеями о благе крестьян. Усваивались же идеи социализации деревни неспешно и нелегко. Прошли еще три года, прежде чем в Горках достаточные мужики учредили машинное товарищество и стали сообща пахать землю, молотить. И прошли еще пять лет, прежде чем двадцать девять бедняцких хозяйств организовались в колхоз:

обобществили девять лошадей, отмерили себе двести шестьдесят десятин пахотных и еще угодий...

У колхоза имени Владимира Ильича земли сейчас более 2600 гектаров, из них пашни — 1672 гектара. В прошлом году продукции реализовали более чем на восемь с половиной миллионов рублей; два с половиной миллиона рублей составила чистая прибыль. Стало быть, рентабельность более 42 процентов. Колхоз в определенном смысле нетипичный: со дня зарождения ему уделяли особое внимание со стороны, как же — деревня, в которой Ленин беседовал как раз о житье-бытье крестьян!.. Историческое, мемориальное оборачивалось материальным. О чем сотням сел и деревень не снилось, здесь становилось явью.

Иван Иванович КУХАРЬ, давний знакомец «Огонька», не только дважды Герой Социалистического Труда, но и дважды председатель: он возглавляет, понятно, правление колхоза и союзный Совет колхозов.

— Иван Иванович, о нужде в обновленном Уставе колхоза на селе начали говорить сразу же после апреля восьмидесят пятого года. Очевидно, сам этот факт о многом говорит?

Иван Иванович КУХАРЬ: — Партия провозгласила путь ускоренного развития экономики — интенсивный. На смену администрированию пришли экономические методы руководства. А кто же больше колхозов, да и совхозов пострадал именно от системы командно-административных, волевых способов управления! Потому-то и была первой мыслью о том, что жить деревне по уставу, не отражающему перемен в обществе, нельзя.

— Но согласитесь, само слово «демократия» чаще всего, насколько я помню, прилагалось именно к колхозу! Откуда же тут явное противоречие?

— Я мог бы отшутиться, мол, вся жизнь состоит из противоречий. И в такой шутке была бы доля правды. Какая же это демократия, если за шестьдесят лет всего четыре съезда колхозников? Поговорить нам с глазу на глаз было не о чем? Любимый горожанин, не говорю уж о селянах, знает, что это не так. Многие беды миновали наше хозяйство, но ведь иные председатели криком кричали, просили не мешать им, просили уберечь от волюнтаристов всех рангов и разменов! Вспомните сентябрьский Пленум ЦК КПСС в 1953 году или мартовский в 1965 году — сколько правды они открыли! Сколько надежд сулили! Да и другие решения обещали колхозам самостоятельность... Вы правы, понятие «внутриколхозная демократия» было стойким, ходовым и столь же далеким от жизни...

Союзный Совет колхозов дважды обсуждал проект. Разница-то между ним и действующим пока Уставом колхоза не просто огромная — принципиальная. Судите сами, из 61 пункта всех разделов только восемь перешли из старого Устава — переписаны. Внесены изменения, которые, повторю, соответствуют переменам в государстве, большей демократизации общества. А вот теперь и надо его обсудить. Тут два очень важных слова — «проект» и «Примерный»! Проект — значит формулировки статей, пунктов неокончательные. Примерный — значит не незыблемый, не один для всех, а предлагаемый для уточнения и принятия на общем собрании членов конкретного колхоза. В стране десятки разных почвенно-климатических зон! Разные традиции, разные возможности, разный опыт... Сколько колхозов — столько путей эффективной экономики.

— А сколько в стране колхозов?

— В мощную систему Госагропрома СССР входят, по моему, 96 тысяч хозяйств. Среди них 26 700 колхозов, в которых двенадцать с половиной миллионов колхозников. Вот почему предлагаемый устав — Примерный. Худо, если кто-то где-то этого не поймет, этим не воспользуется для отработки модели хозяйствования в своем регионе, в конкретном селе... Проект предоставляет колхозникам права, которых, по сути, у них не было — прежде всего право на самоуправление. Правда, он и сейчас их не гарантирует юридически.

Кухарь в беседе со мной волей-неволей придерживался строгой линии на одобрение проекта. Хотя он не мог не согласиться с тем, что доработки, дополнения, редакция, конечно же, неизбежны. Сейчас даже сроки выдачи и нормы спецдождевы устанавливаются не сами колхозники, а деятели из района! И об этой несвободе самим решать говорили, обсуждая проект Примерного устава, птичники колхоза имени Владимира Ильича.

Или взять РАПО — это объединение, в которое входят и колхозы, так почему же не закреплено за ними право утверждать или не утверждать штат РАПО? А пока в объединении отсиживаются полста и более колхозно-совхозных нахлебников. Нужно четко сказать и о **выборности** председателя правления колхоза. До сих пор временщиков поставляет

область, в лучшем случае район. Да не одного из одного выбирать, а из трех-четырех кандидатов с их реальными интеллектуальными и физическими возможностями. И, может быть, даже **тайным** голосованием, если так решит общее собрание членов сельскохозяйственного кооператива.

Иван Иванович особо отметил в беседе, что сейчас важно разбудить в колхозниках, всех жителей сел и деревень интерес к новому Примерному уставу, а то ведь селяне привыкли, что все вопросы, даже для них жизненно важные, решались и решаются без них. Намолчались за долгие годы, привыкли к руководству приезжих да заезжих. Могут промолчать и сейчас, когда заново решается судьба деревни. Но эти свои откровенные суждения Иван Иванович как бы вынес за скобки целенаправленного интервью. А мне захотелось их развить.

Председатель мельком сказал об «интересе». Я сразу вспомнил, что Маркс и Энгельс писали: «идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса». Все шестьдесят колхозных лет подтверждают, что это **верно**. Идея коллективизации со школьной скамьи отождествлялась с ленинским планом кооперации — и то слово хорошо, и другое. Сама по себе идея коллективизации вроде бы ничего угрожающего не несла. То, что проводилась она второпях, насильно, всеохватно — «сплошная коллективизация!» — это еще не давало повода осознать подмену; и сопротивлялись не идее жить коллективистами, а натиску, требованию «не рассуждать», не выжидать, не сравнивать... Тем более что кооперативная сущность вводимых колхозов не отрицалась, а даже подчеркивалась. Да и заполошный натиск, нетерпение функционеров и уполномоченных по ходу «преобразования» называли мягко — «перегибами», «головомучением»... Умнячалось и то, что колхозы иногда величали **сельхозартельми**, это тоже приучало единоличника: артелью работать легче, давно известно. Сейчас-то мы, умудренные опытом наших дедов и отцов, знаем, чем обернулось отступление от ленинских идей новой экономической политики, продналога, кооперирования мужика по интересам, ремеслам, традиционным в той или иной местности производствам. Шестидесят лет колхозному строю (словцо-то казарменное!), а мы все еще бездумно повторяем, будто колхоз по самой своей природе предполагает демократию. «Предполагает» звучит как уступка. Все знают, что демократией-то как раз и не пахло; можно сказать, чем сильнее колхоз, тем меньше демократии, поскольку чаще всего ставился колхоз-маяк сильной личностью, сумевшей найти компромиссные решения в борении с районщиками. А ведь когда-то, шестьдесят лет назад, каждый вошел в колхоз со своим **паем**. Обобществляли все — до абсурда, все свое сносили под одну общую крышу. Стремительно росла **неделимая** часть хозяйства, так называемые неделимые фонды. Неплохая вроде бы придумка с трудом обернувшись скудными порциями от того, что оставляли колхозу на раздачу; а вскоре — «палочками». А двадцать лет назад взносы вступающего вообще ликвидировали; так что с принципом кооператива простились, не заметив дня прощания. Никогда не было реализовано и право выйти из колхоза. Вышел — значит враг. Вышел — лишаешься земельного надела, и без того мизерного (где пятнадцать, где двадцать пять соток). А пая твоего, доли твоей в общем нажитом добре тем более не вернуть... И к стати уж — в свое время все свершения и мечты советского народа провозглашались с присовокуплением одного определения: «сталинские пятилетки», «сталинская Конституция», «сталинский маршрут», «сталинский план преобразования природы»... И только коллективизация не удостоилась высокого покровительства. Почему? Выгоднее было представить ее продолжением ленинской идеи о кооперации.

— Таким образом, Иван Иванович, восстанавливается кооперативная природа коллективных хозяйств? Но бытует стойкое представление, что давно нет различий между колхозом и совхозом?

— Знаю это, сам, признаюсь, отвечаю, что различия давно утрачены... Однако если хорошенько подумать, да с обобщающими цифрами в руках, то ясно, что ликвидация различий между колхозом и совхозом попросту невыгодна, а преимущества колхозной формы собственности перед совхозной очевидны. Колхозы производят для страны половину зерна, половину молока, почти половину мяса, а сахарной свеклы почти **восемьдесят пять процентов, столько же хлопко-сырца, три четверти всего подсолнечника, карто-феля...** Заметили? Самые трудоемкие культуры, где все еще царит ручной труд, труд женщин и привлеченных горожан, — **сахарная свекла, картофель, подсолнечник, хлопок...**

— В преимуществах кооперативной формы собственности даже я, горожанин, никогда не сомневался, но правда и в том, что не все, далеко не все колхозы могут похвастать благополучной экономи-

кой, многие едва сводят концы с концами... В чем же причина той реальной ситуации, которая сложилась в конце шестидесятилетней колхозной дороги? Почему же колхозы не богатели в своей массе, лишились природного преимущества? Почему не устояли, когда их силком укрупняли-разукрупняли, переименовывали в совхозы, записывали их живые деревни в «неперспективные»?.. Из оставшихся колхозов большинство закредитованы, являются должниками государства, и даже после повышения закупочных цен почти каждый десятый колхоз кончил год с убытком. Иными словами — банкрот?

— **Причины сложившегося положения давно проанализированы и прокомментированы честными экономистами, социологами, передовыми писателями, вашим братом журналистом. Первая причина — игнорирование природы кооперативной формы собственности. Нарастали с годами субъективизм, вмешательство со стороны, окрики, команды, волюнтаризм, администрирование... Все это, чуждому кооперативно-колхозной природе, должен противостоять новый Примерный устав колхоза. Было утрачено чувство ХОЗЯИНА, надо его реанимировать. Член кооператива — каждый — хозяин, сохозяин общего дела.**

— Колхоза? Мне кажется, колхоз, каким он стал в конце концов, явно дискредитировал саму идею демократического сотрудничества социалистического государства с жителями и тружениками села, деревни. И еще кажется, что тут перестройка должна бы коснуться и формулировок! То есть юридической стороны дела. Если нет разницы между совхозом, предприятием государственным, и колхозом, то что же тогда такое — колхоз в современном его виде? Не случайно же менялись названия живого организма сельской солидарности — товарищество, сельскохозяйственная артель, коллективное хозяйство... Формальность? Не думаю... Не вернуться ли к понятию товарищества, артели, Иван Иванович? Сельский кооператив — в этом экономическом ранге деревня быстрее бы забыла унижительное, бесправное положение, в которое поставили колхозы...

— **Не так-то просто судить о затронутых вопросах с ходу... Категоричность, пожалуй, неуместна. Не забывайте, что и я один из соавторов нового Примерного устава колхоза. Когда мы пишем «колхоз», то имеем в виду никак не госпредприятие, а кооператив.**

— Но из проекта же видно, что его авторы многое взяли из Закона о государственном предприятии (объединении)! А ведь ленинский план кооперации исходил из идей продналога и новой экономической политики. Ленин и социализм в конце концов понимал как строй кооператоров! И сегодня, провозглашая перестройку, государство вступило на путь экономических методов управления народным хозяйством, во многом опираясь на идеи именно **кооперации** во всех ее формах и проявлениях. А колхоз, помоему, сродни «казарменному коммунизму», когда телефон диктовал, что и когда сеять, когда жать, а продукция и сверхпродукция попросту вывозилась в приказном порядке...

Колхоз переродился в предприятие, где недавний крестьянин отчуждался и от труда, и от продукции. Продукцию сдавали, сдавали даже тогда, когда сдачу называли «продажей». Устав? Да о нем никто никогда не вспоминал, колхозников и не учили жить по законам, ими для себя же и принятым. От «палочек» перешли к рублям, еще дальше отодвинули колхозника от кормила хозяйственной власти, да и рубли опять же платили не по труду, а по законам сделкины или твердого оклада. Натурой же вообще оплачивать работу перестали — оказался «хозяин» земли без земли, зерна, сена, корнеплодов плодов. Устав уставом, да не считались с ним ни РК, ни РИК.

А как бы надо? Вот одно из мнений, которое не раз приходилось слышать.

Надо бы принять Примерный устав **сельскохозяйственного кооператива**.

Надо бы узаконить **арендные** отношения с государством — пусть земля по Конституции нашей остается собственностью государственной. Но кооператив будет ее арендовать. И тогда жить будет от нее, от земли. От земли пойдет и вся продукция, которую кооператив села, деревни сможет реализовать по договорам с государством, — и то, что заранее заказано, и то, что получено дополнительно. Только по договорам!

Надо бы записать и следующее: сельскохозяйственный кооператив сохраняет право распоряжаться по своему усмотрению не только продукцией, но и средствами производства, в том числе и основными, например, арендованной землей, прочими угодьями, а также строениями, машинами. Пока же колхоз лишен права получше распорядиться с «лишней» землей или имеющимися лугами, лесом... Но много экономически слабых колхозов, которым пока не под силу взять максимум продукции со всей наличной земли; они временно не в состоянии довести до ума все свои поля. Надо узаконить их

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

17 и 18 февраля 1988 года в Москве работал очередной Пленум Центрального Комитета КПСС. Пленум открыл Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. На рассмотрение Пленума внесен вопрос «О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее осуществлению». С докладом по этому вопросу выступил член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев.

В первый день на заседании в прениях по докладу выступили: тт. В. И. Ситников — первый секретарь Иркутского обкома КПСС, Ф. Т. Моргун — первый секретарь Полтавского обкома Компартии Украины, Н. М. Ершова — наладчица производственного объединения «Машиностроительный завод имени Ф. Э. Дзержинского», г. Пермь, В. И. Мироненко — первый секретарь ЦК ВЛКСМ, В. Т. Сайкин — председатель исполкома Московского городского Совета народных депутатов, В. А. Коптюг — вице-президент Академии наук СССР, председатель Сибирского отделения АН СССР, К. М. Багиров — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, К. Г. Вайно — первый секретарь ЦК Компартии Эстонии, Г. А. Ягодин — министр высшего и среднего специального образования СССР, В. С. Шевченко — Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР, Н. А. Назарбаев — Председатель Совета Министров Казахской ССР, В. Г. Колесников — министр электронной промышленности СССР, Г. М. Марков — председатель правления Союза писателей СССР, Ю. Ф. Соловьев — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Е. Е. Соколов — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, А. В. Власов — министр внутренних дел СССР, Д. И. Патиашвили — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, А. А. Логунов — вице-президент Академии наук СССР, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Г. И. Усманов — первый секретарь Татарского обкома КПСС.

18 февраля на Пленуме ЦК КПСС продолжалось обсуждение доклада.

В прениях выступили: тт. Г. И. Марчук — президент Академии наук СССР, В. И. Зоркальцев — первый секретарь Томского обкома КПСС, А. Д. Лизичев — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, Е. М. Чехарин — заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, К. С. Демирчян — первый секретарь ЦК Компартии Армении, С. А. Шалаев — председатель ВЦСПС, З. И. Боровикова — первый секретарь Курганинского райкома КПСС Краснодарского края, А. П. Думачев — председатель Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию.

С большой речью на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Речь опубликована в печати.

Пленум принял по обсуждавшемуся вопросу развернутое постановление, которое опубликовано в печати.

Пленум принял по выступлению тов. Горбачева М. С. постановление, которое опубликовано в печати.

На Пленуме рассмотрены организационные вопросы.

Пленум избрал тов. Маслюкова Ю. Д. кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум избрал секретаря ЦК КПСС тов. Разумовского Г. П. кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум избрал секретарем ЦК КПСС тов. Бакланова О. Д.

Пленум освободил тов. Ельцина Б. Н. от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС т. т. Болдина В. И. — заведующего Общим отделом ЦК КПСС, Геллерт Н. В. — механизатора совхоза имени Амангельды, Казахская ССР, Мироненко В. И. — первого секретаря ЦК ВЛКСМ.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

право передавать отдельные поля, угодья более мощным соседям или иным кооперативам.

Устав в его нынешнем виде — проект — молчит и о праве члена колхоза на часть земли, помимо приусадебного участка. Да, я вышел из колхоза, забрал свое в коллективе нажитое в рублях, но хочу остаться на земле, остаться ее хозяином. Может такое быть? По нашим временам все может стать — ИТД на земле, а почему бы и нет? Главное, в Примерном уставе закрепить право каждого трудиться на земле. Сейчас приживается такая форма, как подряд или семейная ферма. Вообще формы кооперирования могут быть самые неожиданные — по интересам! А интересы могут быть экономические, социальные. Главное, чтобы человек стал хозяином положения, своей судьбы, своего шанса.

— Обсуждение покажет. В пору гласности все без исключения жители сел и даже городов, надеюсь, примут участие в разговоре: каким ему быть — колхозу, под каким флагом идти дальше?.. Я так скажу, мы своим новым уставом одного просим у государства — материально-технического обеспечения. И еще. Надо, чтобы все, что необходимо селу, можно было КУПИТЬ. Не одну эпоху мы прожили как доставалы, как нарушители буквально тысяч статей кодексов, инструкций — так больше нельзя. Нельзя больше селу жить в условиях централизованного планирования, планирования сверху, волевого. До сих пор нам говорят, что, мол, планируйте, как хотите, но при этом непременно подбрасывают две-три «обязательные» позиции да еще требуют по телефону: «Мое в первую очередь, а со СВОИМ планом, как хотите...» И еще. Вы затронули вопрос о жизнестойкости колхозов. Она действительно впечатляет. В народе хранится память о ленинских идеях повсеместного кооперирования — никогда эти идеи на селе не умирали! И вот сейчас растет движение обратное — от госпредприятий к кооперации. Например, слышал, что в Эстонии, Литве трудовые коллективы совхозов поставили вопрос о создании сельскохозяйственных кооперативов.

— Стало быть, хоть заново проводи коллективизацию? Только без насилия, спешки ради рапорта?

— Коллективизация — давно пройденный этап. На повестке дня — IV Всесоюзный съезд колхозников, который должен утвердить свой Устав, подтверждающий главное — кооперативный характер колхоза со всеми вытекающими из этого принципа положениями.

Замечаний к проекту Примерного устава немало. Напрасно, повторю, многое взяли из Закона о государственном предприятии (объединении). Если уж брать, то из Закона о кооперативах. Нет такого? Так нужно сформулировать, принять! Дабы двенадцать с половиной миллионов членов колхозов жили по своему закону. А не по заемным статьям, не по приспособленным. Зачем такая «уступка», например? Собственность названа «колхозно-кооперативной» — масло масляное? Или примирение двух разных понятий? Иначе чем же объяснить, что за двадцать лет после 1965 года сбор зерна, овощей, производство мяса и молока на рубль валового продукта уменьшились вдвое, картофеля в четыре раза?

В общем, согласен с председателем колхоза из Запорожской области В. Бутенко: «Колхоз на нынешнем этапе развития производительных сил села все не «добровольное объединение крестьян», как записано в проекте, а добровольная кооперация первичных подрядных коллективов для совместного ведения крупного социалистического сельскохозяйственного производства... Тут тоже не все точно, но к истине ближе! Меньше разрыва между формой (кооперативной) и содержанием (труда на земле). Хотя зачем уточнять — «крупного», а если не крупного? Во всяком случае, то, что записано сейчас в проекте, сельчане могут и не принять. Я бы не принял. А противоречие заложено юристами уже в пункте I: колхоз «...является кооперативной организацией добровольно объединившихся крестьян (?—Н. Б.) для совместного ведения» и т. д. Позвольте, какие сейчас — крестьяне? Пейзаны? Крестьянин, по Ленину, мелкобуржуазный собственник, с одной стороны, труженик-единоличник, а с другой — торгаш. Таких в деревне давно повывели.

А каков довод в конце того же, весьма противоречивого пункта II Судите сами: «колхоз — социалистическое сельскохозяйственное предприятие

(?!—Н. Б.), действующее в условиях полной (?—Н. Б.) самостоятельности и самоуправления на основе демократических принципов хозяйствования в сочетании с государственным руководством».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Самоуправление, полная самостоятельность — и все это сказочное, давным-давно обещанное в сочетании (как это?) с государственным руководством... Знают жители наших весей, что кроется за таким руководством. И как это могло случиться: в одном пункте два определения, что такое колхоз? Да знаем, что такое колхоз! Речь о другом: оставаться ему колхозом, социалистическим предприятием, как правило, бесприбыльным и чаще бесправным, или быть реорганизованным в кооператив? Осмыслить колхозное прошлое или оправдать? — вот в чем вопрос.

И последнее, точнее — принципиальное.

Не слишком ли оптимистична финальная фраза из преамбулы, а именно: «Колхоз — школа коммунизма для крестьянства». Звучит она более чем громко и кощунственно. Колхоз если и школа, то подчас плохая школа, далека она от обучения коммунизму. Ведь мечталось когда-то о добровольном объединении единомышленников с общими интересами. Целью такого добровольного объединения не могут быть вечные дотации, деградация почв, списанные долги, гибель рек... Когда-то действительно были крестьяне, их было много, их было море — пять шестых населения! Крестьяне помогли победе большевиков в Октябре семнадцатого года. Небескорыстно. Они верили, знали, что наступит новая жизнь в деревне, где все будут решать миром и по справедливости. Школа? Да. Но школа раскрестянивания, обезлички земли.

Владимир Ильич Ленин: «Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически». А колхозы оказались первой жертвой командно-административного метода управления. Экономический механизм более органичен для кооперации, ибо здесь один стимул производства — выгода, интерес личный во имя интереса государственного. Наши образцовые хозяйства — и колхозы, и совхозы — живут не благодаря, а вопреки Административной Системе.

Интерес в том, чтобы не посрамить идею. Идею лучшей, чем теперь, жизни в деревне.

СТРОЙКА — ХОРОШО, НО ГДЕ ЖИЛЬЕ? ● НИЛЬС БОР — СТАЛИНУ. НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ● ТАЙНЫЕ ТВОРЦЫ СЕГОДНЯШНИХ ЗАПРЕТОВ ● ПАЧКА СИГАРЕТ И «СОЮЗПЕЧАТЬ» ●

Я не участник войны, родился, когда она уже заканчивалась. Не испытывал в жизни бед и тягот, но считаю, что память — одна из важнейших наших нравственных ценностей. Вот и хочу рассказать, как эти ценности берегут в моем Верхошижемском районе.

Александр Николаевич Зайцев — инвалид войны I группы, на фронте потерял зрение. До 1983 года не давала ему покоя мысль увековечить память погибших друзей и знакомых из родной деревеньки Исаевщина. Из многих уголков страны откликнулись бывшие исаевцы — посылали деньги, а кто живет поближе, помогали в сооружении памятника. И вот в 1984 году состоялось открытие небольшого обелиска, который построили исаевцы на свои средства. Теперь каждый год в последнее воскресенье августа съезжаются к памятнику многие из них, вспоминают друзей, близких, соседей. Не стало деревни, и в то же время она как бы есть, всякий проезжающий прочитает: здесь была деревня Исаевщина. И, между прочим, не зарастает памятник бурьяном, хотя ближе чем в пяти километрах нет никакого жилья.

Еще один пример. Из нашего Верхошижемья ушли на войну семь тысяч мужчин. Половина домой не вернулись. Есть у нас, как и всюду, памятник погибшим воинам. Но решили жители сделать вокруг него мемориальную зону. Инициативу ветеранов поддержали и райком партии, и райисполком. В отделении Госбанка открыт специальный счет № 000142127, на который уже стали поступать добровольные взносы. Сейчас на этом счете 4998 рублей. И опять же деньги поступают не только из района, но и из других городов страны. Например, Лидия Ковалькова из г. Печоры послала 50 рублей, В. И. Сотнюкова из г. Ташкента — 100 рублей.

Прочитал письмо ветерана войны В. Н. Щепкина в № 52 и подумал, какое неуважение проявила председатель сельского исполкома не только к нему, человеку великой души, но и к памяти погибших односельчан.

Л. РЕШЕТНИКОВ
пос. Верхошижемье
Кировской области

Летом прошлого года решил поступать на заочное отделение философского факультета Киевского университета. Подготовил документы согласно «Справочнику для поступающих в вузы УССР» на 1987 год, однако в приемной комиссии мне объяснили, что этих документов недостаточно. Нужна еще рекомендация обкома партии. Я возмущался, сославшись на то, что ни в «Справочнике», ни на доске объявлений о приемах приема около университета об этом не сказано. Но мой голос, как говорится, был гласом вопиющего в пустыне. Так и не приняв мои документы, хотя я окончил среднее учебное заведение с красным дипломом и ни по работе, ни по партийной линии (я член партии с 1982 года) замечаний не имею.

В январе этого года я получил письмо из Министерства высшего

и среднего специального образования УССР, в котором официально подтверждена правильность действий членов комиссии. Как разъясняет начальник Управления общественных наук В. И. Даниленко, «в дополнение к существующим правилам приема с 1983 года в соответствии с установленным порядком прием на обществоведческие специальности, в т. ч. на философский факультет Киевского университета, осуществляется по рекомендации местных партийных органов». Вот так подводный камень! Правда, Даниленко не уточняет, кем установлен подобный порядок конкретно и почему об этом дополнении стыдливо «умалчивают» все справочники и объявления.

Не потому ли в сегодняшней общественной науке отмечается явление, именуемое застоем, что основной проверкой для поступления в вуз являются не знания, а рекомендации и характеристики, подписанные людьми, которые поступающего и в глаза не видели. Считаю, что это противоречит нынешнему курсу партии на оздоровление нашего общества. Только знания должны быть главным пропуском в вуз.

Л. В. ГУЛЯЕВ,
механизатор опытного хозяйства
С. Б. Александровка
Киевской области

Борьба с зеленым змием идет у нас повсеместно. Но есть и другое зло — табак. Тут что-то бороться не видать. Хотя бы потому, что даже в киосках «Союзпечати» продаются табачные изделия. Чего не скажешь об основном товаре — печатных изданиях. Да и вообще какое отношение имеет табак к печати? Разве что и то и другое из бумаги. Второй год мучает этот вопрос. Агентство «Союзпечать» ответило мне, что торгует этой отравой по распоряжению (или разрешению) еще от 1968 года. Но вот уже 20 лет прошло, сколько изменилось в лучшую сторону. Кто поможет изъять вышеуказанную продукцию из киосков, в которых наши дети покупают газеты, тетрадки и карандаши?

К. С. СЕМЕНОВ
Благовещенск Амурской области

В № 47 «Огонька» в материале об академике Н. И. Вавилове написано, что место его захоронения не установлено. Считаю своим долгом сообщить: видимо, я был единственным, кто случайно оказался на кладбище в момент захоронения и проводил в последний путь великого генетика.

Зимой в январе — феврале 1943 года (дату можно уточнить) командование 1100-го артиллерийского полка Резерва Главного командования направило меня в Москву и Саратов. В Саратове проживали мои родители на 3-й Дачной остановке. Отец работал в ремесленном училище в районе той горы, где теперь находится аэропорт. Он пригласил меня в заводской клуб на концерт, который давали артисты МХАТа (эту дату можно также уточнить). Кратчайший путь от трамвайной остановки Стрелка — кладбище до клуба проходил по дороге через тер-

риторию кладбища, затем по пустыню, через овраг и тропинкой выходил на гору.

Примерно около 3—4 часов дня я вошел на кладбище. Следуя вглубь его, увидел одинокую повозку. Поравнявшись с возницей, я невольно задержал на нем внимание. Это был мужчина примерно лет 50—60. Давно не бритая седая щетина торчала ключьями. Мы встретились взглядами. Его неподдельное горе, по-видимому, требовало человеческого участия, сострадания. Обратившись ко мне, он сказал: «Вот везу академика Вавилова... Из тюрьмы... Хорошенько...»

Я был поражен услышанным. В мои 23 года, когда за плечами только средняя школа и четыре года срочной армейской службы, в том числе полтора года войны, я не мог достаточно оценить все величие личности Н. И. Вавилова. О нем до войны я только слышал по радио, что-то читал. В моем сознании Вавилов представлялся какой-то глыбой, великим человеком. Я остановился и посмотрел на повозку. Сверху она была покрыта рогожей и куском старого брезента. Под ними проглядывали очертания человеческих тел. Метров через 20—25 возница подъехал к краю выкопанной ямы размером примерно 3×3 метра, которая находилась около дороги, и остановил лошадей. Он сдернул рогожу. Я увидел до предела истощенные тела. Мне бросилось в глаза, что в яме уже есть полуприкрытые смерзшимися комьями земли и снега несколько трупов, по меньшей мере пять или шесть. Я побежал. Через 10—15 метров вдруг остановился и увидел, как возница поддевал привезенные тела лопатой и сбрасывал их в яму, присыпая смерзшейся землей. Все увиденное меня поразило.

В настоящее время на старом Саратовском кладбище воздвигнут монумент академику Н. И. Вавилову, который находится в центре входа на кладбище, недалеко от могилы Н. Г. Чернышевского. Я часто бываю на старом кладбище, потому что там похоронен мой отец. Мне представляется, что я могу уточнить место, где происходило описанное мною захоронение.

Василий Федорович ЗУДИН,
доцент кафедры
уголовного права
и криминалистики
Воронежского
государственного университета

Осталась я без работы. Участок у меня был большой, я не успевала развозить почту сама, помогали дети. Почту развозили на лошадах, лошадь дает совхоз, а корм ей совхоз не дает. Шесть лет проработала на почте, и шесть лет сама содержала лошадь. Новый председатель сельсовета предложила на сессии сельсовета 21 декабря меня уволить под предлогом, что почту развозят дети, а начальник почты издал приказ об увольнении с 1 января. Сама я с 41-го года рождения, воспитывалась в детдоме. Вырастила восьмерых детей. Старший после армии окончил индустриальный техникум, работает в другом районе. Второй сын после службы женился, живет отдельно. Третий, отслужив, уехал в Днепропетровск по комсомольской путевке. Четвертый еще служит.

А остальные со мной. Муж больной, не работает. На какие средства жить?

Вы сами в «Огоньке» писали, что хорошо, если дети помогают, и пример приводили про почту. А вот в нашем селе так не считают.

Кайры ЖУНУСОВА
село Кызыл-Коргон
Ошской области
Киргизской ССР

В последние полгода в печати и на телевидении неоднократно публикуются и обсуждаются предложения об увековечении памяти жертв репрессий сталинского времени. С такими предложениями выступали по телевидению писатель Василий Быков и поэт Андрей Вознесенский. Об этом же писал в «Московских новостях» известный обозреватель Лев Воскресенский. Горячо поддерживают и рядовые читатели идею создания памятника. Их письма полны боли и горечи от того, что эта идея пока не осуществлена («Знамя» № 8, 1987 г.; «Лит. газета», 18.11.1987 г.).

Считаем, что сейчас время требует и предоставляет возможности приступить к созданию мемориала, посвященного жертвам репрессий сталинского времени.

Важно, чтобы такой мемориал стал не только выражением всенародной скорби о миллионах репрессированных, но и действенным материальным фактором выработки нового общественного правосознания, неприемлемого недемократические формы постановки и решения любых социальных проблем. Для этого в состав мемориала, кроме памятника, следует включить музей и библиотеку с воспоминаниями людей, подвергшихся несправедливому обвинению в те годы, с работами, разъясняющими, почему и в чем были нарушены демократические нормы в нашей стране. Несомненно, что сооружение и работа такого мемориала будет способствовать не только демократизации всей общественной и государственной жизни страны, но и упрочит международное доверие и интерес к инициативам нашего государства, направленным на достижение ненасильственного и безъядерного мира.

Л. А. ПОНОМАРЕВ,
доктор физико-математических наук,
Ю. В. САМОДУРОВ,
кандидат
геолого-минералогических наук
Москва

По образованию я строитель и всю свою сознательную долгую жизнь работал во всех сферах строительства. Был землекопом, каменщиком, плотником, столяром, электриком, мастеров, прорабом, начальником участка, инженером по труду и зарплате и последние годы инженером по технадзору района. Мною построено 4 сельские школы на 320 человек, кормозавод областного масштаба, ГПТУ-28, торговая база, керамзитовый завод, более пятнадцати жилых домов по области. Все не перечислишь.

Построил я детскую больницу на 120 мест, а с ней котельную, прачечную, гараж, аптеку. И ни одного квадратного метра жилой площади.

Больные есть, а лечить, ухаживать, отапливать, стирать некому. Построил в селе Ынырга коровник на 400 голов, и опять ни одного метра жилья. Люди живут в развалах, что остались от царя Николая. А разве они не такие люди, как в Москве и Ленинграде?

Мне приходилось видеть недоенных по несколько недель коров. Стоят по колено в навозе. Кругом сквозняки. За ноябрь — декабрь погибло около 150 голов крупного скота от простудных заболеваний. Вы думаете, хоть с кого-нибудь упал один волосок? Ничего подобного. На 200 голов дойного гурта работают всего две доярки и школьники. Вот и попробуйте выполнить государственные планы! Кстати, план обязательно будет, но только на бумаге. Врачи от доярки и скотника и кончая, думаю, самим министром, которые во всеуслышание убеждают в выполнении плана.

Как бы ни была страшна такая картина, но она устраивает район, область, край и само министерство. Все молчат, выжидают. Наше отвратительное отношение к людям заставило их потерять всякую веру, как бы их ни агитировали на подвиги. Они не выражают неудовольствие, а только молча кивают.

Вношу предложения. Не должно быть ни одного проекта без строительства жилья. Тогда мы всегда будем иметь кадры и безупречное честное отношение к трудовым обязанностям, здоровый моральный климат и веру в полнейшее улучшение производства. Для того чтобы это осуществить, предлагаю: регионам или областям первый год дать на полное восстановление всех производственных баз, которые бы смогли выполнить всю производственную программу, обеспечившую государственный план. Все вопросы решать только самим. Полный хозяйственный и самофинансирование.

Сейчас положение зависит от смежников, которые могут в любое время подставить ножку. Получается полный хаос, и, кроме убытков и потери веры в это святое дело, мы ничего иметь не будем.

Виктор Иванович БОГОМОЛОВ
село Майма
Горно-Алтайской области

«Собор», отодвинув к нему путь на два десятилетия. Книга в конце концов вышла, но стала, как эти «кто-то» сегодня мягко оговариваются, «произведением сложной судьбы».

Я был свидетелем этой кампании и считаю необходимостью назвать тех лиц, кто вершил судьбу книги. Вот их имена: А. Кириленко («Не соборы — люди», днепрпетровская газета «Прапор юности»); Г. Патока («С позиций педагога»), И. Мороз («Собор, революция и идейность»), Г. Дистяренко («Я вижу жизнь не такой») — статьи в днепрпетровской областной газете «Зоря»; К. Соловьев («Реализм наизнанку», «Днепровская правда»); В. Ходинков («Минушина и современные интеллектуалы», криворожская городская газета «Червоный гирник») и другие.

Но здесь, как говорится, все ясно. А вот дирижера по тайному сносу памятника классике украинской литературы, поэту-демократу, добровольцу сербско-турецкой войны Ивану Манжуре на его могиле, установленного по решению исполкома Днепрпетровского городского Совета (№ 459 от 11 июля 1967 г.), назвать не могу. Он остался неизвестным. Не знаю также, кто распорядился снять со здания средней городской школы № 10 вывеску с обозначением имени Ивана Манжуры. Имя присвоено ей по решению Совета Министров УССР (№ 248 от 16 мая 1968 г.).

По велению неведомого «кто-то» было убрано со здания университета имя поэта-бойца, учившегося здесь и погибшего во время Великой Отечественной, — Владимира Булаенко. Где-то должен быть и «творец» еще одного «подвига»: в украинском городе на Днепре он отнял возможность читать на родном языке уже вышедшую газету «Дніпро вечірній».

Чего не знаю, того не знаю. А вот о том, что это совершалось в застойные времена «всеобщей застенчивости», в ее зените — в 1973 году, сообщаю своим письмом.

В. ЗАРЕМБА,
журналист
Днепрпетровск

Если мужчина не имеет детей, он до преклонного возраста платит за бездетность налог. Довольно нелепо. Тогда, следуя логике, мы должны платить за то, чего не имеем, например, машины, дачи и т. п. Если же налог должен стимулировать рождаемость, то, как показала жизнь, в нем нет никакой необходимости. К тому же человек может не иметь детей по многим не зависящим от него причинам. Причем если незамужняя женщина не имеет детей, то она налог не платит, несмотря на так называемое равноправие. Помоему, это и есть социальная несправедливость. Если уж платить, то всем, независимо от пола.

Ю. АРТАМОНОВ
Харьков

Мое внимание как физика-теоретика, занимавшегося последние годы историей современной физики и, в частности, творчеством Нильса Бора, привлек материал А. Ливановой «Что было, то было» к 80-летию со дня рождения Л. Д. Ландау. Мне посчастливилось встречаться с этим замечательным ученым начиная с конца 20-х годов. Ценным дополнением к материалу о «трудных днях» Л. Д. Ландау может служить письмо Нильса Бора И. В. Сталину, копия которого хранится в архиве

Бора в Копенгагене и которое написано в связи с арестом Ландау в 1938 году. Посылаю читателям «Огонька» перевод (с немецкого) выдержки из этого письма.

«...В течение многих лет я имел большое счастье поддерживать очень тесную связь с проф. Ландау и систематически переписываться с ним о научных проблемах, которые нас обоих интересуют глубочайшим образом. Однако на мои последние письма я, к моей большой озабоченности, не получил никакого ответа, и, насколько я знаю, никто из других зарубежных физиков, следящих за его работами с величайшим интересом, не получал от него известий. Я также пытался связаться с проф. Ландау через Советскую академию наук, членом которой я имею честь состоять. Но ответ президента академии, который я только что получил, не содержит никаких сведений о местопребывании или судьбе проф. Ландау.

Это меня сильно тревожит, особенно потому, что недавно до меня дошли слухи об аресте проф. Ландау. Я все еще надеюсь, что эти слухи не имеют никакого основания. Если проф. Ландау действительно арестован, то я убежден, что речь идет о печальном недоразумении, потому что я не могу себе представить, чтобы проф. Ландау, который всегда себя всецело посвящал науке и которого я высоко ценю как искреннего человека, мог совершить что-либо, оправдывающее его арест.

Принимая во внимание большое значение этого вопроса как для науки в СССР, так и для международного научного сотрудничества, я обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой распорядиться о выяснении судьбы проф. Ландау, чтобы исключить одаренный и добившийся высоких результатов ученый, если действительно имело место недоразумение, получил возможность продолжать исследовательскую работу, столь важную для прогресса человечества».

Вероятно, А. Ливанова не знала об этом письме Нильса Бора Сталину. Было бы интересно найти и запрос Бора в АН СССР, о котором он упоминает.

Михаил Александрович ЕЛЬШАЕВИЧ,
академик АН БССР
Минск

Многие сотрудники нашего НПО, доработав до пенсионного возраста, считают кровной обидой, когда их не «просят» остаться в объединении. А оставив, уже никого не увольняют. Работают пенсионеры в разных качествах: если это ИТР, имеющие ученую степень, то в прежней должности; если без степени, — переходят на рабочую сетку, но продолжают выполнять свои прежние функции. Рабочие остаются на прежнем месте, выполняя меньший объем заданий, либо работая неполную рабочую неделю. Почему неполную рабочую неделю? А по оплате: пенсия у всех 132 рубля, а максимально возможная оплата пенсионерам 168 рублей. Вот и боятся переработать.

Проведя в свое время в жизнь постановление о работающих пенсионерах, заботясь о сиюминутном увеличении объема выпускаемой продукции не за счет производительности труда, а за счет численности работающих, прежние руководители государства забыли о кадровой политике в промышленности. Теперь же, когда идет борьба за сокращение, зачастую молодежь не принимают на работу, так как нет штатных еди-

ниц. А если принимают, то попадает она в сложное положение.

Сравните оклад молодого специалиста и ежемесячные триста рублей работающего пенсионера. У одной стороны — наличие жилья, техническая грамотность, материальная обеспеченность. У другой — койко-место, институтские знания и неплатежеспособность. Я ни в коей мере не хочу противопоставить поколение, пережившее пенсионный рубеж, и молодежь. У каждого возраста свои проблемы и свои возможности. Но я твердо убежден, что кадровый застой ни к чему хорошему не приведет. Кроме того, я считаю, что максимальное количество денег человек тратит в молодости, в период образования семьи. Но у молодежи нет этих денег. У нас в подразделении средний оклад ИТР в возрасте до 30 лет — 141 рубль.

Нельзя забывать, что пик творческой и производственной активности приходится на 24—40 лет. Но в окружении титулованных и всемогущих оппонентов трудно пробить себе дорогу, а топтаться на одном месте никому еще радости не приносило, а значит, и польза государству от таких работников невелика.

Я не призываю разом отправить всех пенсионеров на заслуженный отдых. Вопрос о занятости в народном хозяйстве людей пенсионного возраста явно не простой: огромная армия пенсионеров еще в состоянии приносить пользу государству. Но его и надо решать по-государственному.

Мне 40 лет, жене 39. Работаем инженерами. Оклады 200 рублей плюс кварталка. В свои отпуска я тридцать раз ездили на заработки. У нас двое детей, трехкомнатная кооперативная квартира, сад, машина, гараж. Все это сообщаю, чтобы стало ясно, что личной материальной выгоды в поднимавшемся вопросе у нас с женой нет.

С. И. ЩЕГЛОВ

С января этого года купить «Огонек» в розничной торговле невозможно. Нам четко объяснили, что розница на журнал резко сократилась: на наш город дают только десять экземпляров. В библиотеке тоже на него очередь. Гоняемся за номерами, переезжаем из рук в руки. Куда вы смотрите у себя в «Огоньке»? Помогите.

ДАНИЛОВА, ТИМОФЕЕВА,
ВИРХ, МЕНЬШИКОВА
Карпинск
Свердловской области

Февральская почта принесла много писем, содержание которых сводится к одному — в розничной продаже купить «Огонек» трудно. В № 1 мы сообщали, что подписка на журнал возросла почти в два раза при прежнем тираже. Увы, поддержки издателей и полиграфистов в увеличении тиража, на которую мы и сегодня весьма и весьма рассчитываем, пока нет. А потому еще раз напоминаем вам, дорогие читатели, что подписка на «Огонек» принимается без ограничений во всех отделениях связи до первого числа предподписного месяца.

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

К арабаться на пик Шлак-тау было нелегко. То и дело встречались осыпи, на которых ноги почти не находили опоры. К тому же неизменно пекло солнце и пот заливал глаза. Подозреваю, что ни один альпинист еще не ступал на вершину пика, и я тешил свое тщеславие мыслью, что буду первым. Напрасно, однако, искать Шлак-тау в каталогах вершин или на географических картах горных массивов. Все дело в том, что пик этот... рукотворный. Возник он лет пятнадцать назад на месте шлаковых отвалов чимкентского производственного объединения «Фосфор» и с тех пор становится все выше. Вот почему Шлак-тау переводится с казахского просто — шлаковая гора. Примерно через полчаса, покорив наконец ее вершину, я осмотрелся. Вдалеке в синей дымке, словно намеченные акварелью на картоне художника, виднелись отроги настоящих гор — Аксу-Джабаглы. А совсем рядом дымили трубы фосфорного гиганта. Дымили днем и ночью, потому что безостановочно шло здесь производство разных полезных человеку вещей. И так же безостановочно по-полняли Шлак-тау бесполезные отходы производства. Не мной подсчитано, что ежегодно шлаковые отвалы в Чимкенте и Джамбуле (там еще более мощные предприятия) тяжелеют на пять миллионов тонн, а всего их скопилось уже многие десятки миллионов тонн...

Но так ли они бесполезны? Этот вопрос задавал себе еще в начале 70-х годов академик АН Казахской ССР С. Т. Сулейменов, директор НИИ-стромпроекта в Алма-Ате. Он знал, конечно, что металлургические шлаки в качестве добавки давно применяются в производстве портландцементов, например, на Украине. Но как поведут себя при этом шлаки фосфорные? Никто этого не знал, но интуиция ученого подсказывала Сулейменову, что они вряд ли уступят металлургическим.

В институте начались глубокие лабораторные исследования... Звучит, конечно, красиво — исследования. Но представьте себе, что день за днем в течение нескольких лет нужно вручную смешивать размолотый в пыль шлак с различными компонентами бетона, заливать массу в формы, чтобы получались при твердении кубики, паривать их или помещать в автоклав, и станет понятно, что основой исследований была тяжелая, грязная, а иногда и нудная работа. Работа, превращавшаяся снова в пыль, потому что бетонные кубики в конце концов ставили под пресс и их давили до полного разрушения, чтобы определить прочность полученного бетона... Первые опыты не радовали, хотя и они приближали момент истины. Получалась довольно странная вещь: чем больше добавляли к шлаку цемента, тем менее прочным получался бетон.

— Вяжущие свойства шлаков загадочны и скрыты, — популярен объяснял мне академик Сулейменов, — они проявляются лишь при внесении добавок-активаторов, которыми могут служить известь, некоторые соли, цемент, жидкое стекло... Впрочем, последнее дефицитно и дорого, из опытов мы его исключили. Нам предстояло определить, какой из оставшихся активаторов наиболее склонен к союзу с фосфорными шлаками, какие химические реакции происходят при их соединении, какие пропорции составляющих окажутся наиболее оптимальными. Так

вот, наилучшим активизатором оказался цемент, с которым мы и экспериментировали затем несколько лет. Эксперименты привели к поразительному результату, которого мы и сами, признаться, не ожидали. Да вот, посмотрите...

Академик передал мне серый бетонный кубик, на котором значились цифры: 95 + 5. Кубик тяжело лег на ладонь, даже на ощупь он казался необыкновенно прочным.

— Ничего удивительного, — улыбнулся Сулейменов, — у него марка четвертая, и, значит, бетон этот годен для изготовления самых ответственных конструкций.

— Но что означают эти цифры?

— Так в них же вся суть, весь смысл наших многолетних исследований...

Через минуту я уже знал значение этих цифр, а узнав, ахнул от удивления. Я понял, что держу на ладони кубик, который мог бы стать более знаменитым, чем всем известный кубик Ру-

довольно скоро Жунисов также пришел к выводу, что цемент — лучший активизатор фосфорных шлаков. Здесь надо сказать, что ячеистый бетон намного капризнее, чем обычный тяжелый бетон, что в его технологии больше тонкостей, больше непредсказуемого. Тем не менее уже в 1974 году Жунисов получил на основе вяжущего из фосфорных шлаков опытные образцы ячеистого бетона. Для этого на свой страх и риск он поставил мельницу для тонкого помола шлака, а для его сушки (что требовалось по технологии) приспособил АВМ — агрегат для приготовления витаминной муки, который выпросил в соседнем совхозе. К тому времени он уже знал об экспериментах НИИ-стромпроекта, получал консультации и поддержку ученых института, уверявших Жунисова, что его исследования по применению фосфорных шлаков в ячеистом бетоне потянут на кандидатскую диссертацию... Пройдет несколько лет,

что от осуществления своей мечты Жунисов почти так же далек, как и десять лет назад, когда полукустарным способом делались первые панели из нового бетона. Ведь серийное их производство началось совсем недавно.

Дело в том, что завод требует реконструкции, которая в принципе не очень сложна: нужно заменить шаровые мельницы для размолла шлака, поставить две настоящие сушилки, четыре газобетонмешалки и несколько автоклавных тележек. Однако существующий порядок таков, что получить названное оборудование невозможно без проектно-сметной документации, которую никто не сделает, пока не откроется финансирование, которое нужно включить в текущий план, в котором еще нужно предусмотреть расходы, которые... И. т. д. и т. п.

Меня восхищает оптимизм Жунисова. Продвигаясь по служебной лестнице (сейчас он управляющий трестом «Промстройматериалы» в Чимкенте), он не забывает о своей идее, пытается продвигать ее на разных инстанциях и твердо верит, что у его легкого бетона рано или поздно кончится тяжелая жизнь...

Не менее поразительны свойства кубика, продемонстрированного академиком Сулейменовым, избранным коллективом НИИ-стромпроекта. Теперь, по аналогии, легко догадаться, что в том кубике только пять процентов цемента, а остальное — шлак. Но вы еще не знаете, что с течением времени тяжелый бетон, изготовленный по такой технологии, продолжает набирать прочность, что он очень устойчив в агрессивных средах (это последнее качество характерно и для ячеистого бетона Жунисова).

Чего бы лучше, спрашиваете? И дешево (стоимость тонны цемента доходит до тридцати рублей, а тонна вяжущего из фосфорного шлака — около пяти рублей), и прочно, и громадная экономия цемента, которого, кстати, постоянно не хватает на стройках. Но вот парадокс: ни одно министерство, ни одно ведомство не заинтересовалось разработками института, хотя все давно о них знают, а Госплан и Госстрой республики, координирующие техническую политику в строительном деле, не особенно их торопят.

Между тем еще в 1979 году НИИ-стромпроект сделал технико-экономическое обоснование полного использования гранулированных фосфорных шлаков. В него был заложен завод с проектной мощностью 1,3 миллиона тонн в год, который бы централизованно поставлял новое вяжущее различным строительным ведомствам. Вопрос долго изучался и в Госстрое, и в Госплане республики, но никак в то время не решился. И лишь не так давно вышло постановление о строительстве нескольких мелких предприятий по переработке шлака. Ни ученого Сулейменова, ни инженера Жунисова такое решение не удовлетворило, потому что оно не казалось им по-настоящему государственным. Они справедливо считают, что это приведет к удорожанию конечного продукта, к ненужным перевозкам и экономическим потерям. Ни инженер Жунисов, ни ученый Сулейменов не понимают, почему строители не хватаются за их разработки обеими руками. Я тоже долго размышлял об этом и, кажется, понял, в чем дело, поговорив с самими строителями. Получается, что им просто невыгодно строить из дешевых материалов, поскольку их стоимость входит в объем работ (в план), исчисляемый в деньгах. Значит, чем дороже строительные материалы, тем выше плановые показатели. Вот так. И пока это положение не изменится, Шлак-тау может вырасти до облаков, хотя в принципе гора-то золотая...

Сейчас такой бетон выпускают на 32 заводах и цехах республики. Дело, казалось бы, сдвинулось с места. Но объемы — пока всего ...50 тысяч тонн за прошлый год. Что и говорить, мизер для огромной республики.

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

КУБИК С СЕКРЕТОМ

ЕЖЕГОДНО ПО СТРАНЕ
УХОДЯТ В ОТВАЛЫ
ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ ТОНН
ФОСФОРНОГО ШЛАКА,
КОТОРЫЙ, ОКАЗЫВАЕТСЯ,
МОЖЕТ СТАТЬ
НЕ БРОСОВЫМ МАТЕРИАЛОМ,
А ВОИСТИНУ ЗОЛОТЫМ, СБЕРЕЧЬ
МИЛЛИОНЫ ТОНН БЕТОНА.
ОДНАКО...

бика. Но вот парадокс... Впрочем, об этом, как и о тайне бетонного кубика, чуть позже, поскольку к ней имеет отношение еще один человек...

Примерно в то же самое время, когда начались эксперименты НИИ-стромпроекта, в далекой от Алма-Аты Чардаре — небольшом районном городке, расположенном на краешке пустыни Кызылкум, появился еще один энтузиаст, веривший в полезность фосфорных шлаков. Молодой инженер-технолог, специалист по силикатам Сейткамал Жунисов был известен на Чардаринском комбинате строительных материалов Главрессовхозстроя стремлением к новым, прогрессивным технологическим решениям, подчас довольно неожиданным и смелым. Так, став директором силикатно-бетонного завода (входившего в состав комбината), он предложил отказаться от привозного песка, требующего к тому же обогащения, а использовать барханные пески пустыни (по сути, даровые и в неограниченном количестве). Пришлось, конечно, внести кое-какие изменения в технологию, однако новшество себя вполне оправдало. Затем возникла смелая идея: заменить дефицитную известь, которая использовалась в качестве вяжущего в производстве ячеистого бетона, фосфорными шлаками... Вскоре начались эксперименты, к которым подключился химико-технологический институт в Чимкенте. Не вдаваясь в технические подробности, скажу лишь, что

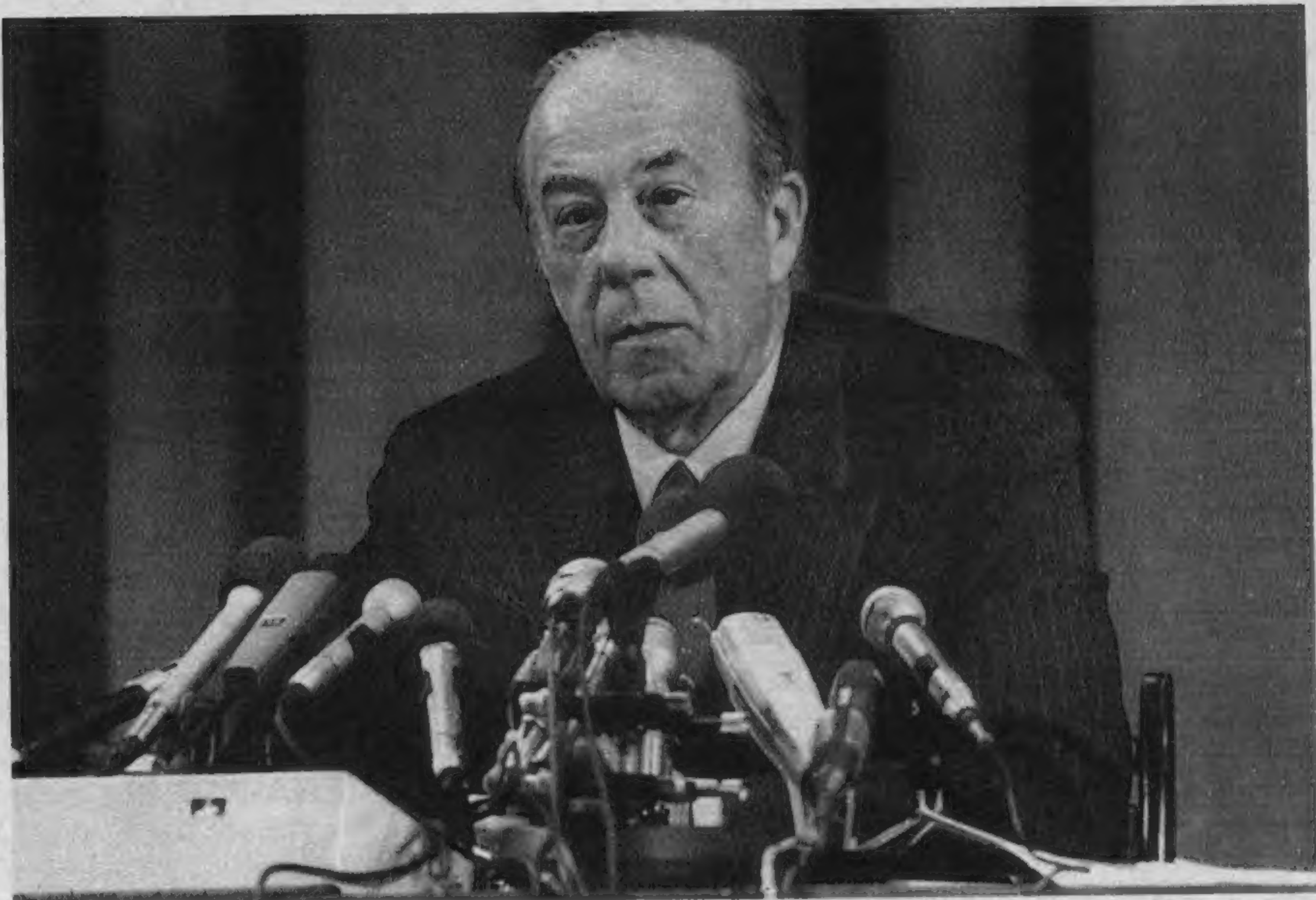
и он действительно защитит кандидатскую. Но это будет не скоро, а тогда, получив первые образцы нового бетона и захватив с собой один из кубиков, он отправился в Алма-Ату к тогдашнему начальнику Главрессовхозстроя Э. Х. Гукасову (ныне председатель Госагропрома республики). На том кубике значились цифры: 85 + 15...

Нет, не ждите здесь традиционной схемы: талантливый изобретатель и бюрократ-руководитель. Вникнув в суть дела, начальник главка поддержал Жунисова. И вскоре в Чардаре из нового бетона стали для пробы строить автобусные остановки (они стоят в целости и до сих пор), а с течением времени наступила очередь блоков и панелей для жилых домов, лотков оросительных сетей...

Вот теперь самая пора раскрыть секрет загадочных кубиков. Он прост. В ячеистом бетоне Жунисова содержится всего пятнадцать процентов цемента и 85 фосфорного шлака. Другими словами, на каждом кубометре такого бетона экономится 200—250 килограммов цемента по сравнению с традиционным способом. На каждом! Жунисов подсчитал, что экономическая эффективность от внедрения новинки составит четверть миллиона рублей при объеме производства 140 тысяч кубометров бетона в год (такова производительность комбината в Чардаре). Он хотел перевести на новую технологию весь комбинат. Парадокс состоит в том,

«НЕ НАДО ВПАДАТЬ В КРАЙНОСТИ...»

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»: **ИНТЕРВЬЮ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ США
ДЖОРДЖА ШУЛЬЦА**

«Огонек». За последние двенадцать месяцев вы посетили СССР три раза. Каковы ваши впечатления от последнего визита?

Дж. Шульц. Он явился продолжением нашего позитивного диалога. Мой первый визит в СССР состоялся в 1973 году. Сейчас мне даже трудно сказать, сколько именно раз с тех пор я посещал вашу страну. Но неоспоримо то, что сегодня здесь царит совершенно иная атмосфера. Общество стало более открытым, легче общаться с людьми и вести результативные переговоры. Беседы, которые я имел с Генеральным секретарем ЦК КПСС и министром иностранных дел СССР, были плодотворными. Есть вопросы, по которым наши мнения расходятся. Однако у нас есть и общие позиции. Словом, мы достигли прогресса.

«Огонек». Сегодня много говорят о необходимости нового мышления в ядерный век. Какова ваша точка зрения на сей счет?

Дж. Шульц. Мы полагаем так: необходимо постоянно менять свои подходы для того, чтобы поспевать за процессами, происходящими в мире. Мы всегда старались делать это. Нам представляется это естественным. И я думаю, так должно быть везде. Ведь, оценивая сегодняшние события и их возможные последствия, мы неизбежно приходим к мысли о том, что все будет выглядеть совершенно иначе уже через 5—10 лет по сравнению с тем, как это было, скажем, 5—10 лет тому назад. Если не оценивать каждый раз свежим взглядом происходящее или, используя ваше слово, не перестраиваться, то идти в ногу со временем просто невозможно.

«Огонек». Нам кажется, что один из путей к лучшему взаимопониманию и доверию лежит через сотрудничество в экономической и других областях. Каковы, на ваш взгляд, перспективы советско-американского сотрудничества?

Дж. Шульц. Нам кажется, что наиболее важные области для установления взаимопонимания таких стран, как наши, — это права человека, а также урегулирование региональных конфликтов. Мы полагаем, что в соответствии с Заключительным актом, под которым подписались наши страны в Хельсинки, такие понятия, как свобода слова, свобода вероисповедания, свобода эмигрировать и путешествовать, весьма важны для улучшения взаимоотношений. Но также необходимо исключить агрессивность в отношениях между государствами. Ваше вторжение в Афганистан вызвало шок в мире, а продолжающееся присутствие там советских войск препятствовало нормальным отношениям Советского Союза с большинством стран. Конечно, с другой стороны, сейчас вы собираетесь выводить оттуда свои войска. Это явится стабилизирующим и укрепляющим доверие фактором.

Вы упомянули экономические отношения. Они, конечно, важны. За последний год мы были свидетелями роста контактов между СССР и США, что соответствует Женевской договоренности между Генеральным секретарем Горбачевым и президентом США Рейганом. Мне самому довелось посетить несколько советских выставок, балет... И мне все это нравится. Мы смотрели, как ваши фигуристы завоевали золотые медали в Калгари. Они выступили прекрасно.

«Огонек». Вы говорили об Афганистане. Не кажется ли вам, что процесс урегулирования конфликта в Афганистане зависит и от США?

Дж. Шульц. Мы помогаем этому процессу нашей приверженностью принципам, в которые мы верим. Мы думаем, что народ Афганистана имеет право быть свободным от иностранного присутствия, а также — право на самоуправление. Кроме того, афганские беженцы — их число достигает трех — пяти миллионов, большинство находится на территории Пакистана — должны получить возможность вернуться в Афганистан и жить там. Кстати, именно это они и хотят сделать. Мы будем и впредь исходить из таких принципов и поддерживать борцов за свободу в Афганистане. В связи с начавшимся процессом урегулирования важно то, что США, являясь потенциальным гарантом выполнения Женевских договоренностей, собираются действовать и действуют в соответствии с соглашениями и взятыми на себя обязательствами. А они касаются прекращения поставок вооружений, когда в последних не будет необходимости, то есть когда мы убедимся в том, что СССР действительно выводит свои войска из Афганистана, чей статус неприсоединившегося и нейтрального государства мы намерены уважать. Не менее важно и то, чтобы международное сообщество, включая СССР, помогало беженцам по мере их возвращения в Афганистан преодолевать разруху. Ведь им будут необходимы поставки продовольствия, сельскохозяйственных продуктов, словом, все то, что нужно для возобновления нормальной жизни.

«Огонек». В одном из интервью вы сказали, что предстоящий раунд афгано-пакистанских переговоров может стать завершающим. Что вселяет в вас эту надежду?

Дж. Шульц. Мы почувствовали, что подготовительный этап переговоров прошел хорошо. Важную роль сыграло Заявление М. С. Горбачева о готовности СССР вывести войска в соответствии с представленным графиком. Веря этому заявлению, я считаю, что шансы урегулирования высоки. Тем не менее, когда меня спрашивают об успехе тех или иных переговоров, я всегда отвечаю, что об успехе можно говорить лишь тогда, когда он достигнут. Заранее ни в чем нельзя быть уверенным. Но сегодня есть все предпосылки для успешного завершения переговоров. Если к этому приложить волю, решимость и последовательность, задуманное будет реализовано.

«Огонек». Ситуация на Ближнем Востоке продолжает оставаться чрезвычайно напряженной. Какие шаги намерены предпринять США для урегулирования регионального конфликта там?

Дж. Шульц. Мы постоянно работаем в этом направлении. Если окинуть взором прошедшие годы, мы увидим значительный прогресс. Важным является то, что существует и действует соглашение между Израилем и Египтом, который выполняет все условия договоренности, что друзья Египта в арабском мире восстановили с ним дипломатические отношения. Все это весьма позитивно. Достигнут небольшой прогресс в ситуации на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Я имею в виду создание Арабского банка и ряд других шагов. Очевидно, что население западного берега и сектора Газа ощущает сильную необходимость распоряжаться собственной жизнью, и поэтому мы полагаем, что важно воспользоваться, по-видимому, имеющимися у многих новыми подходами, чтобы убедиться, нельзя ли предпринять что-нибудь для улучшения их жизни. Поэтому нам предстоит сделать большие усилия. Это означает, во-

первых, найти возможность быстро изменить существующее положение. А во-вторых, в ближайшем будущем рассмотреть вопросы, связанные с окончательным разрешением арабо-израильского конфликта, с тем чтобы люди согласились жить в мире и свободе.

«Огонек». Читатели «Огонька» задают нам вопросы, некоторые из которых, как нам представляется, логично адресовать вам. Вот, например, один из них: США приступили к производству бинарного оружия. Означает ли это, что Америка не намерена подписывать конвенцию, запрещающую химическое оружие.

Дж. Шульц. Дело обстоит иначе. Во время администрации президента Никсона, в которой, кстати, работал и я, было принято решение не производить химического оружия. Однако никто не последовал нашему примеру, хотя мы призывали всех сделать то же, что и мы. Но другие страны продолжали накапливать арсеналы химического оружия, поэтому мы были вынуждены возобновить его производство. Мы выступаем за запрет химического оружия, и мы будем готовы его уничтожить, как только другие страны будут готовы поступить аналогичным образом. Мы хотим всерьез продвигаться в таком направлении. Но так же, как и в области стратегических ядерных вооружений, проблема проверки и здесь выходит на первый план. Мы тщательно ищем пути к ее решению. Химическое оружие легко производить — это в состоянии сделать многие страны. Поэтому, если мы хотим, чтобы запрет на химическое оружие был эффективным, к соответствующему соглашению должны присоединиться все страны. Нам нужно выработать программу и идти по пути ее реализации.

«Огонек». За последнее время многое было достигнуто в советско-американских отношениях. Есть ли у вас уверенность в том, что эта тенденция сохранится и при следующей администрации?

Дж. Шульц. Я надеюсь. Новая администрация придет к власти уже через 11 месяцев. Думаю, на протяжении этого времени мы сможем поддерживать такую тенденцию. Трудно предсказывать, в каком направлении будут развиваться наши взаимоотношения. У нас ведь бывали срывы, которые могут повториться. Однако я думаю, одним из ключевых элементов поддержания наших отношений на должном уровне должна быть способность проводить разумную и последовательную политику. Если вдруг что-то пошло не так, не стоит сразу же впадать в депрессию. А если достигнут успех, не надо впадать в крайности при его оценке. Мне думается, при таком подходе можно решать любые проблемы.

«Огонек». И последний, быть может, несколько личный вопрос. Чем вы планируете заняться после того, как администрация Р. Рейгана покинет Белый дом?

Дж. Шульц. У меня есть профессия, даже несколько профессий. Например, я могу преподавать в университете. Не так давно, кстати, Стэнфордский университет предложил мне занять почетное кресло. Обдумав это приглашение, я ответил, что мне приходится столь напряженно работать сейчас на моем нынешнем посту, что кресло для меня не подходит... Нужен скорее диван, и спросил, не найдется ли у них дивана. А если у них есть диван, то почему бы мне не податься в университет?

Интервью взяли **Дмитрий БИРЮКОВ**
и **Артем БОРОВИК**

ТРИ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Период художественной жизни России с 1900 по 1930 год, несмотря на то (а может быть, благодаря тому), что он разделен посредине великим событием XX столетия — Октябрьской революцией, во многом самостоятелен, он сильно отличается и от предшествовавшего, и от последующего. Все три десятилетия скреплены центральным событием — революцией; сюда стянуты силовые линии художественной культуры, достигшей в России того времени высоких точек взлета, обретшей удивительную скорость развития и революционный пафос. В начале века Россия жила ожиданиями глобальных перемен, затем она эти перемены свершала. Та энергия, что раскрылась в обществе и в народе, передалась искусству, зарядила его и всколыхнула.

Разумеется, 1900 годом не отгородишь русскую живопись от XIX века, как 1930-м не проведешь черту между искусством 20-х годов и последующих. 1900 год застал Репина в период его последнего расцвета, Врубеля в момент создания лучших творений, Серова где-то на середине пути. Речь в этих подборках не пойдет о Репине: он принадлежит прошлому веку — всей системой мышления, живописными принципами, пониманием задач, стоящих перед искусством. А Врубель, хоть он и прожил большую часть своей сознательной жизни в прошлом столетии, вводит нас своим творчеством в XX век, потому именно с открытых им новых берегов мы и начнем наше долгое путешествие.

Что касается верхней границы выбранного нами исторического отрезка, она для многих мастеров — таких, как Дейнека или Сергей Герасимов, — не была переломной вехой, а скорее начальной порой. Потому и эти художники пока окажутся за пределами нашего обзора. За 30 лет сменилось два-три поколения художников. Те из них, для кого именно эти десятилетия оказались временем наиболее полного воплощения таланта, станут нашими героями.

Довольно долго в нашей критической литературе господствовало ложное представление об искусстве этой эпохи. Речь шла о том, что художники новых направлений, пришедших на смену передвижничеству, изменили реализму, отошли от народных интересов, впали в эстетство, заразились формализмом. Чем дальше отдалялись художники новых поколений от формальных приемов Репина или Сурикова, тем большее количество бранных слов валилось на их головы. Кульминация брани достигала при упоминании Малевича и Кандинского, Ларионова и Филонова, Шагала и Татлина. Но не следует думать, что лишь эти художники были поставлены под сомнение. «Трудно приходилось» Кузнецову и Сарьяну, Фальку и Лентулову, Малявину и Сомову. Невольно вспоминается время, когда в Третьяковской галерее из всех произведений М. А. Врубеля, хранившихся там, висела одна-единственная — «Демон». Константин Коровин был представлен тоже одним небольшим холстом — «Зимой». О Петрове-Водкине вообще забыли. Лишь на рубеже 50—60-х годов появившийся на художественном горизонте его «Красный конь» взбудоражил любителей искусства и художников. «Провалов в памяти» в то время было более чем достаточно. Целый пласт русской художественной культуры первой трети XX века был практически перечеркнут.

С конца 50-х годов началось «отвоевание», возвращение утраченного. Десятилетия ушли на этот процесс. Многие искусствоведы моего поколения положили на него жизнь. За это время критика переосмыслила роль русского (да и французского) импрессионизма, который перестал наконец-то быть в глазах невежд и в руках бюрократов неким пугалом. Полному оценили русских символистов во главе с Врубелем и Борисовым-Мусатовым Павла Кузнецова, Петрова-Водкина, мастеров «Бубнового вальса», Ларионова и Гончарову. На выставке «Москва — Париж», открывшейся в залах Музея изобразительных искусств имени Пушкина в Москве в 1981 году и посвященной как раз искусству России и Франции первых трех десятилетий нынешнего века, появилась возможность довольно полно показать достижения русской живописи того времени. Однако это был единственный случай, когда авангард предстал в самых ярких своих произведениях рядом с другими,

**«ОГОНЕК» НАЧИНАЕТ СЕРИЮ
ПУБЛИКАЦИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ
РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
XX СТОЛЕТИЯ.
ВЕСТИ ЭТУ СЕРИЮ
МЫ ПОПРОСИЛИ ИЗВЕСТНЫХ
ИСКУССТВОВЕДОВ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
ДМИТРИЯ САРАБЬЯНОВА И
КАНДИДАТА ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА КАМЕНСКОГО.**

Дмитрий САРАБЬЯНОВ

в основном реалистическими, полотнами начала столетия. После выставки «Москва — Париж» пришлось прождать еще несколько лет, прежде чем свободно и беспрепятственно произведение «левой» живописи вышли из запасников и заняли свое место в экспозициях музеев или на тематических выставках. Для этого понадобился реальный опыт перестройки всей нашей жизни в том числе и художественной.

Бросая самый беглый взгляд на русскую живопись первых трех десятилетий XX века, мы сразу же ощущаем, как много событий в художественной жизни произошло в это короткое время, какой огромный путь прошло искусство, вся русская культура. Это было время расцвета личностей — поэтов, прозаиков, актеров, режиссеров, певцов, живописцев, скульпторов. Здесь собралась чуть ли не половина художников слова, книги, музыки из всех, что породила русская культура на протяжении нескольких столетий. Достаточно назвать Блока и Маяковского, Горького и Бунина, Станиславского и Мейерхольда, Стравинского и Прокофьева, Шаляпина и Собинова, Фокина и Павлову, Врубеля и Серова — и вот перед нами образ русской художественной культуры, для сравнения с которой подобрать что-либо равное в других странах вряд ли удастся.

Величие личностей дополняется обилием событий, напряженной динамикой художественной жизни, остротой борьбы различных групп и направлений. Если взять только лишь живописные направления и группировки, то здесь мы сталкиваемся с небывалым их изобилием. По сравнению с недавним временем — последними десятилетиями XIX века — картина решительно иная. Тогда господствовали лишь два направления — академизм и передвижничество, и разнообразные явления располагались между этими двумя полюсами как бы в одной плоскости. Теперь же количество направлений и группировок стало увеличиваться в геометрической прогрессии, к середине 10-х годов оно разрослось, как снежный ком. Это не была лишь формальная игра — в реальной борьбе сталкивались разные позиции, творческие принципы, стилевые интересы.

Первое объединение, возникшее в самом конце XIX века, «Мир искусства», состояло в основном из петербургских мастеров — выходцев из культурных

семей, представители которых из рода в род передавали художественные традиции. «Мир искусства» был вне и передвижничества, и академизма. Эти мастера мечтали о «чистом искусстве», противопоставляли свободный дилетантизм школьному профессионализму, обретая при этом высокую графическую и живописную культуру и углубляя понимание специфики каждого вида художественного творчества. В общем стилевом развитии живописи «мирискусники» оказались в русле стиля модерн, широко распространившегося во всем мире. Этот стиль нес идеи синтеза разных видов искусства, свободно соединял реальное с фантастическим, обращался к символу, театрализации жизни, к преобразующей ее метафоре и художественной ассоциации.

Синтетические интересы «мирискусников» особенно последовательно проявились в сценографии и в книжной графике. Обе эти области творчества, долгое время пребывавшие в застое, начали новую жизнь. «Мирискусники» были прирожденными сценографами, больше того — режиссерами. Они помогли прославить на весь мир русский балет в годы знаменитой Дягилевской антрепризы. Что же касается искусства книги, то они утвердили его как некое самоценное явление, придав ему такое значение, какого оно не имело ни в одной стране.

Наряду с мастерами «Мира искусства» развивались живописцы (преимущественно московские) другого направления, бравшие за точку отсчета в своем движении импрессионизм. Еще в 80-е годы XIX века к ранним проявлениям импрессионизма были причастны Левитан, Серов, Константин Коровин. Последний с наибольшим успехом двигался по трудному, еще не изведанному тогда пути, поначалу вовсе не опираясь на опыт французов. В Товариществе передвижников молодые московские мастера не могли найти себе места и в 1903 году организовали собственную выставку под названием «Союз русских художников». Вскоре «Союз» слился с «Миром искусства», но потом вновь эти два объединения расстались, и на то были причины. Живописцы «Союза» предпочитали пейзаж, стремились к непосредственности передачи природы, в общем-то продолжали традиции реалистической живописи передвижников, но старались при этом обогатить ее свободным артистизмом. Они писали этюды или картины, в которых оживали древняя архитектура русского Севера, красота старинных усадеб, грусть скромного селенского пейзажа, романтический порыв перед величием природной стихии.

Их привлекали специфически национальные русские мотивы. Но всегда эти художники оставались верны натуре, не нарушали общения с нею. Эта линия довольно долго тянулась в русской живописи XX века, как бы минуя ее новейшие открытия и новаторские эксперименты.

Экспериментальный, авангардистский дух зародился в конце 1900-х годов и в течение всего предреволюционного десятилетия будоражил живописцев, заставляя их либо искать свое место в обстановке нарастающей борьбы за социальное переустройство, либо уходить в мир вымысла, в эстетическую утопию, заменяя несостоявшуюся гармонию жизни гармонией мечты.

В середине 1900-х годов сложилась группа художников «Голубая роза» — по названию выставки 1907 года. Собравшиеся под знаменем уже умершего к тому времени замечательного лирика и мечтателя В. Борисова-Мусатова, мастера «Голубой розы» стремились уйти от современной им городской цивилизации, искали спасения на Востоке, в жизни людей, объединенных общими чувствами и представлениями, лишенных болезненного субъективизма, как бы растворенных в природе. Многие из «голуборозовцев», продолжая линию «мирискусников», увлекались театром, чаще всего оформляли постановки режиссеров-экспериментаторов, но также и писали картины на театральные сюжеты, на мотивы маскарадов, карнавалов, праздничных действ. Символизм «голуборозовцев» и примыкавшего к ним Петрова-Водкина, казалось бы, вводил своих приверженцев от жизненной борьбы, от первородной стихии народного бытия. Между тем он знаменовал собой предчувствие, ожидание нового, был связан с всенародной мечтой о прекрасном. Живые связи с реальностью

Окончание на стр. 25.

К НОЧИ. 1900

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВРУБЕЛЬ

(1856—1910)

СКАМЬЯ (фрагмент)

Это «вместе» как раз и характеризует вклад Врубеля.

Перед его полотнами и человек, мало просвещенный в живописной науке, и тонкий знаток искусства в равной мере испытывают «священный трепет». Они захватывают, завораживают, поглощают душу. Но, кроме того (или благодаря тому), Врубель — великий революционер русской живописи. Еще в 80-е годы он утвердил в ней символизм, и притом до того, как это мощное направление мировой культуры нашло свое выражение в русской поэзии. Не случайно поэты-символисты Блок, Брюсов, Белый почитали Врубеля своим предтечей. Его символизм нашел свой язык, свои формы, свой мир образов, свой стиль...

В конце XIX века художественная культура России переживала период формирования нового стиля, получившего у нас название «стиль модерн». Его приверженцы задались целью вернуть всем видам пластического искусства единство, возродить идею синтеза, создать эстетическую среду, способствующую раскрытию возможностей человеческой личности. Что касается живописи, то ее язык в этом стиле приобретал черты декоративности, твердую линейно-структурную основу, охотно соединял реальное с условным, даже фантастическим, не просто изображал, но и преображал натуру.

И здесь Врубель был первым. Вместе с ним в русском искусстве утвердился новый тип художника-уни-

Звание «великого» давно присвоено этому художнику, и никакие перемены во вкусах не могли и не могут это звание поколебать. Оно присуждается историей за исторические заслуги. Гением художника могут сделать картины, выходящие из общего ряда, живущие как бы над искусством, или произведенные им художественные реформы, открывающие новые пути, или и то и другое вместе.

ЖЕМЧУЖИНА. 1904

ДЕТСКАЯ ПЕЧЬ-ЛЕЖАНКА
(фрагмент)

версала. Он писал картины и большие панно, расписывал стены храма и делал витражи, создавал иллюстрации и книжные знаки, занимался сценографией и прикладным искусством, скульптурой и архитектурой, делал эскизы гребешков и росписи на балайках для оркестра народных инструментов. Он работал «на среду».

Как истинный художник нового стиля, Врубель неустанно стремился к воплощению красоты. Он возвышал повседневность: в обыденности привычного он не находил предмета для своего творчества, отрицал бытовой жанр, интересовался «вечными» героями — Демоном и Пророком, Гамлетом и Фаустом. Среди «моделей» художника мы находим прекрасные, извечно ценные предметы — ковры, раковины, великолепные платья, редкие цветы — азалии или компанулы. Культ красоты был своего рода религией. Художник-творец упивался красотой, поднимался к вершинам творческого экстаза. А падения с вершин были сопряжены с отчаянием и тоской, с меланхолией и «божественной скукой». Жизнь проходила между этими двумя крайностями, была полна противоречий, неразрешимых конфликтов. Красота подчас оказывалась эфемерной; падения отрезвляли, но от этого отрезвления хотелось воспарить еще выше.

Продолжение на вкладке 3

Федор АБРАМОВ

Рисунок
Петра
ПИНКИСЕВИЧА

В последние годы мне часто приходится слышать от самых разных людей — читателей, друзей, критиков: как не хватает Федора Абрамова, его время наступило, сколько он мог бы еще сказать сегодня... Бесспорной истиной стали уже слова, повторяемые в печати, что Абрамов, как и многие его современники (В. Овечкин, А. Твардовский, А. Яшин, В. Тендряков, Ю. Трифонов, В. Шукшин), подготавливали своими книгами и судьбой нынешние перемены.

Федора Александровича всегда волновали острейшие проблемы времени. Он многое прозревал, о многом говорил раньше и смелее других, зачастую подвергался за это разностной и проработочной критике. «Меня били! Крепко били, — говорил он. — Но те произведения, за которые меня били, — проходили годы, проходило время — и их причисляли к положительным явлениям советской литературы». Так было с повестью «Вокруг да около», с романами «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья», «Дом», с повестью «Пелагея». А многие произведения вообще не могли увидеть свет при жизни. Лучший его рассказ — «Старухи», который побывал во многих редакциях журналов и который все хвалили, пролежал в столе восемнадцать лет. Он был опубликован только в 1987 году журналом «Наш современник». Но ничто не могло сломить волю и свободомыслие Абрамова. Он был человеком, жадно влюбленным

в жизнь, в работу, в слово. Он был неустанным тружеником и подвижником-ратоборцем, воителем за правду и справедливость.

В архиве писателя остались сотни набросков, заметок, зарисовок к будущим романам, повестям, рассказам, статьям. Почти тридцать лет собирал он материалы к задуманному роману «Чистая книга». В архиве сохранились законченные рассказы и рассказы, над которыми он еще поколдовал бы как художник.

Из трех публикуемых рассказов один («А у папы были друзья?») он предлагал в печать еще при жизни, но никто не напечатал.

Два других создавались в разное время: «СОЭ» — в 1964 году, «За земляков» — в 1979-м. Они родились на основе услышанного. Потому и форма их особая — сказовая, в них сохранены интонация и манера речи, слово тех, кто рассказывал Абрамову эти «были-небыли». Их, безусловно, еще отшлифовал бы сам автор. Но и в таком незавершенном варианте они, думается, будут интересны читателю.

Все три рассказа созвучны нашему времени. Они — о болевых событиях нашей истории, в которых мы только начинаем разбираться. Федор Абрамов помогает увидеть не только трагедии прошлого, но, как всегда, одновременно открывает нам те светоносные силы русских людей, которые помогали им выстоять даже в самых невероятных ситуациях.

Л. КРУТИКОВА-АБРАМОВА

«СОЭ»*

Елка была громадная — целая ель.

Ее, должно быть, вырубил где-то в лесах Коми и сюда привезли на специальной платформе. Крепкий смолистый аромат шел от елки — в клубе было хорошо натоплено.

И пока Евгений Казимирович, задумчиво похаживая вокруг лежащей елки, с наслаждением вдыхал в себя этот живительный, полузабытый запах, крестовина-подставка — два толстых обструганных кряжа — была уже готова. Ее быстро сколотил его помощник.

Теперь надо было поднять елку, украсить — и гуляй начальство. Работенка нетрудная — ведь как-никак Евгений Казимирович был художником на воле.

А пока что начальника клуба нет, не мешает запастись теплом.

Они сели с Нестером — так звали его помощника — к горячей печке, закурили — добрую жменю табачку отсыпал им начальник.

— По какой статье? — спросил Евгений Казимирович.

Нестер посмотрел на него. Твердые, спокойные глаза.

— За что, говорю, сидишь?

— А вот за эти самые, — Нестер медленно выложил на колени руки. Огромные мужичьи руки.

— Что же натворили твои кувалды?

— Руки-то? Социально опасные.

— А если без сказок? Пришил кого-нибудь?

Нестер искоса посмотрел на Евгения Казимировича.

— Да разве я похож на тех, которые убивают?

— Понятно. Из кулаков?

— Эх, вы... А еще интеллигентный человек. С образованием. Кулаков-то мой отец еще в гражданскую душил...

Евгению Казимировичу ничего не оставалось, как только пожать плечами.

И тогда, помолчав немного, Нестер начал рассказывать о себе.

Вот его история, как запомнил ее Евгений Казимирович.

Ранней весной 30-го года он со своим дружкой-односельчанином возвращался из Красной Армии. Ехали на подъеме, с песнями. Славно послужили отчизне. А впереди — встречи с родными, с невестами. Одним словом, сплошные радости.

Вечером Нестер подходит к своей хате. Света в окнах нет. Никто его не встречает. Да что за чертовщина? Ведь он же писал отцу. И где собака? Почему не лаает? Почему не бросается ему на грудь? Но все это еще пустяки по сравнению с тем, что он увидел в хате. Все побито, поломано и ни единой живой души... Только кошка, когда он чиркнул спичкой, одичало метнулась за печь.

Нестер кинулся к соседу. Что случилось? Где его отец? Где мать с сестрами?

В Сибирь высланы.

Как в Сибирь? Его отец в Сибирь выслан. Краснознаменец. Из бедняков. В гражданскую войну Советскую власть тут ставил.

— Нет, это ерунда какая-то. Он сейчас же пойдет в сельсовет, в город поедет.

— Да лучше бы ты не ходил, парень, — посоветовал сосед. — А то и тебя загребут. И вообще, пока не поздно, сматывайся отсюда.

Нестер как в бреду вышел от соседа. Неужели все это правда? Неужели и в самом деле ему надо бежать из родного села?

Около своей хаты в темноте он услышал всхлипы-ванье. Подошел — Тимоха. Сидит на крыльчке и плачет. Оказывается, и ему судьба припасла такой же подарочек. Оказывается, и у него семья выслана в Сибирь.

А дело, как потом узнал Нестер, было так.

Стали в селе колхоз создавать, списки утверждать на раскулачивание. Называют одну фамилию, называют другую. И вдруг отец Нестера слышит — фамилия отца Тимохи.

— Братцы, да вы что? Ведь он же со мной воевал, всю гражданскую войну вместе протрубили.

— А, так ты за кулаков? Да ты сам кулак! Вон у тебя домина под железом. А сколько ты хлеба в прошлом году на рынок вывез?

— Братцы, да ведь я же приказ Советской власти исполнял. Владимир Ильич что говорил после гражданской войны? Покажите пример, сейте больше хлеба. Вот я и сеял, кормил Советскую власть, а когда надо было, защищал ее оружием.

В общем, как ни доказывал отец Нестера, заверстали в кулаки и повезли в холодную Сибирь. В теплых вагонах. В одной куче с теми, против кого он воевал в гражданскую войну.

— Что же нам делать-то, Нестер? Куда податься? — заговорил, захлебываясь слезами, Тимоха.

Решили ехать в Сибирь. Разыскивать родных. Документы при себе, красноармейская форма — авось не задержат.

Ехали долго. Но наконец в Сибири напали на след эшелона. И тут выяснилось, что не одни они в таком положении. Таких, как они, бедолаг, недавно демобилизованных красноармейцев, у которых разорены дома, набралось с десяток.

Договорились действовать сообща.

И вот нашли Нестер и Тимоха своих родных. Под открытым небом. Сбились, как цыгане, — видимо-невидимо людей. И почти без охраны. Сибирь-матушка — куда убежишь?

Но и на этом, оказывается, не кончается крестный путь этих людей. Погонят дальше, сквозь тайгу, в ледяной край. Золото рыть. И там-то уж им конец. Если с голоду не загнешься — цынга доконает. Еще никто здоровым оттуда не возвращался.

— А есть, есть в Сибири места, — сказал один дед из местных. — Жить можно по-человечески. Вольно. И так можно забраться, что и спокон веку не найдешь.

За деда взялись обеими руками. Кому хочется идти на верную смерть?

И вот родилась бредовая идея — бежать. Искать место, где можно жить. Людей, решившихся на такое дело, набралось немало. Все наиболее смелые, выносливые.

Разжились зерном, хлебом — все спустили, что можно было обменять. А потом небольшими группами стали уходить к реке.

Сколотили плоты, сели и поехали.

Плыли долго, больше ночами. А кругом пустыня лесная. Дико. Непривычно. Но и радостно — ни единой живой души.

Наконец высадились на берег. Плоты сожгли — попробуй найди их теперь, а потом еще несколько

* СОЭ — Социально опасный элемент.

дней шли лесами. И нашли место — небольшая речка с заливыми лугами: Рыбная. Зверья, птицы много. Орех, ягода есть.

И вот начали они обживать дикую землю. Начали рубить и корчевать лес, ставить первые избы.

Хлеб на первых полях убило заморозком. И что они перенесли, пережили за первых два года — знают, как говорится, только бог да сами они. Хлеба нет — половина людей умерли с голоду. Одежды нет. Обуви нет. И ко всему этому еще бич Сибири — гнус...

Но так или иначе они выстояли. Пустили корни в ту неласковую землю.

И тут перед ними встал вопрос: как жить?

Раньше, пока они бились за жизнь, об этом не думали. Жили скопом. И все, без погоняла, работали в одной упряжке. А вот теперь, когда они немного встали на ноги, страсти закипели. Начались ссоры, раздоры. А у кое-кого даже кулацкий дух воспрянул (были среди них и настоящие кулаки): нельзя ли, мол, поживиться за счет ближнего.

— Будем жить так, как жили наши отцы и деды, — сказали одни.

Но против них решительно восстали бывшие красногвардейцы и молодежь.

— Нет, — сказали они, — будем жить по-советски. Разве мы зря проливали свою кровь за Советскую власть? Так давайте — построим же настоящую Советскую власть.

И стали они строить Советскую власть. Выборность. Никаких привилегий начальству. Кто не работает, тот не ест. И еще многое другое в том же духе.

Со временем даже установили связь с миром. В ближайший населенный пункт — а он был от них километров за триста, за четыреста, — вывозили свои продукты, пушнину, рыбу. А там, в свою очередь, закупали все нужное.

В общем зажили, разбогатели. Хорошие дома. Хороший благоустроенный поселок. Завели клуб, завели школу и школу назвали именем Ленина. По-ленински живем!

Но по-ленински ли? Бывшие красногвардейцы задумались.

Одобрил ли бы их Ленин? Удрали в тайгу, отвернулись от мира, от борьбы. Да разве это Советская власть? За это шла борьба не на жизнь, а на смерть в 17-м году?

Неизвестно, как бы разрешилось все это, но тут случилось одно событие. Однажды летом в районе их поселка потерпел аварию самолет.

Что делать с летчиком? Ведь если отпустить его, то тогда конец их тайне. И на какие муки обрекут их?

Одни, наиболее решительные, предложили убить летчика.

— Нас не пощадили, а почему мы должны щадить?

— Нет, — возразили другие, — нельзя убивать невинного человека. Истинная Советская власть так не поступает. Давайте лучше расскажем ему, кто мы, покажем нашу жизнь. А потом посоветуемся с ним.

Так и поступили.

Летчику очень понравилось их житье. Да, говорил он, вот это настоящая Советская власть. И далее он поклялся: никогда, даже на смертном одре не выдавать их тайны.

Поломки у самолета оказались незначительными. Его быстро отремонтировали. И однажды летчик, трогательно распрощавшись с ними, улетел.

Теперь, когда у них побывал человек из большого мира, люди стали еще больше задумываться о своем житье-бытье. Нет, так нельзя больше жить. Жизнь отшельников — это не путь, начертанный Лениным. Надо идти с повинной, вернее, надо явиться в ближайший областной город и рассказать все, как есть, и все, как было.

Другие предлагали поехать прямо в Москву. Там Калинин. Сам бывший крестьянин. Он и рассудит. Он поймет нас. Мы ведь ничего плохого не сделали. Нас несправедливо обидели. Но мы и будучи в ссылке стали жить по-советски, колхозом. Мы распахали земли. Мы освоили тайгу. А ведь еще в старое время за это давали медали.

Так и порешили: отправить ходоков в Москву.

Но отправлять ходоков не пришлось.

Ночью поселок окружили войска. Людей — и старых, и малых — выгнали в одном белье на улицу. Отделили женщин и детей. Потом поселок запалили.

И вот была ночь. Люди стояли под винтовками с поднятыми вверх руками, а на их глазах горел их поселок, горела их Советская власть...

Нестер кончил рассказывать. И опять выложил на колени свои тяжелые мужицкие руки, посмотрел на них. И Евгений Казимирович тоже смотрел на эти руки, смотрел на Нестера. И он не знал, что подумать.

За семь лет в лагерях он наслушался всяких историй. Но эта... Неужели все, что рассказал Нестер, было на самом деле?

А может, это выдумка? Может, это один из вариан-

тов той неизбывной сказки о мужичьем счастье, которую на новый манер сочинил Нестер? Здесь, за колючей проволокой, не зная куда девать свои работающие руки?

Да уж больно все, что рассказал ему Нестер, походило на сказку, на чудовищную сказку, в которой самым невероятным образом переплелись и быть, и небыль.

1964

ЗА ЗЕМЛЯКОВ

(Рассказ пинежанина)

Артема Михайловича замучили за слово. Слово не то сказал. Николке Шалому да Ваньке-ундеру не понравилось. Ну и стукнули куда следует.

Ладно, доставили мужика в Архангельск, а там — в тюрьму. А начальником тюрьмы Алексей Максимо-

вич был, красный партизан, Советскую власть который на Пинеге ставил. Смотрит раз список заново пригнанных из районов — тогда густо гнали в Архангельск, этап не пустел — что такое: Малышев Артем Михайлович? Неужели Артемка из родной деревни, с которым в молодости гуляли? А ну, привести Малышева Артема.

Привели. Точно — Артемка! Тюрьма, конечно, краше не сделала, да и сколько лет прошло с тех пор, как вместе проказили? А узнал сразу. У Михайловича, знаешь, на каком столбе голова? Надо срубить, чтобы вниз глядела. А глазища — у «маза» фары слабые.

— Говори, Артемка, как контриком стал? — Это Алексей Максимович спрашивает.

Артемка за словом в карман не полез.

— Не я стал контриком, а меня сделали. Николка Шалый да Ванька-ундер.

— Понятно, — цедит сквозь зубы Алексей Максимович.

Горло прочистил, походил по кабинету. Решился.

— Вот тебе, Артем, пропуск, а из тюрьмы вый-дешь — прямо ко мне. На фатеру. Да первым делом — в баню. Жене скажешь — белье даст.

Артем Михайлович так и сделал. А вечером, когда Алексей Максимович домой вернулся, пир на всю ночь. Дружок закадычный, сколько лет не виделись.

Ну, о чем говорили друзья-приятели, Михайлович не рассказывал мне. Сказал итог:

— Две недели, говорит, — это Алексей Максимович, — живи у меня, наедай рожу да кожу, а потом сгинь. И не на родину. На родину тебе в ближайшие годы семафор закрыт — понял?

— Понял, — говорит Михайлович.

Вот так Михайлович и сохранился. А сам Алексей Максимович?

Приехал ревизор из Москвы, кто-то, конечно, брякнул. Такое уж сучье время было.

— Ну, говорит, рассказывай, как контриком стал? — Тот же самый вопрос, который Алексей Максимович Михайловичу задавал.

А как на него отвечать? Ревизор не друг-приятель, с которым в молодости гулял.

И вот Алексей Максимович, не долго думая, хватил из кобуры наган да и бах себе в голову. Выхода у мужика не было. Он, оказавшись, потом подсчитали, всех знакомых пинезжан выпустил. А сколько их было тогда посажено?

Вскорости, после того как Сталина не стало, был разговор у мужиков, которые сидели, — надо бы, говорят, как-то Алексея Максимовича помянуть, много добра землякам сделал, да что-то не слышно, чтобы что-то изменилось. Алексей Максимович, я поинтересовался как-то, доселе не в чести. А правильно ли это, а? Говорят, не на высоте оказался. Честь красного партизана и коммуниста замарал. А я дак иначе думаю, иначе на это дело гляжу.

1979

А У ПАПЫ БЫЛИ ДРУЗЬЯ?

Иду по набережной Невы, мимо Петровской кунсткамеры и белоколонной Академии наук, мимо университета, который, как всегда, в своей неизменной красной мантии, подхожу к моей alma mater — филологическому факультету...

Узкие, неказистые двери выстреливают шумной, горластой студенческой толпой — не иначе как кончилась общая лекция, волна молодости, волна смеха и буйного жизнелюбия захлестывает меня, затем пестрый поток растекается по асфальту тротуара, крапленному золотом осеннего листа, и кого я вижу? Кто идет мне навстречу?

Соня Красикова.

Не помолодела, не стала краше за эти двадцать с лишним лет, но и не старуха еще. По крайней мере на лицо — все такое же гладкое, бескровное, словно выбеленное ленинградскими туманами.

От радости обнимаю обеими руками, чего никогда не позволял себе раньше, забрасываю вопросами: как живешь? как дети?

— Хорошо живу. И дети хорошие. Да, да, детей своих я не только люблю, но и уважаю. Младший только что вышел из армии. А старший работает на заводе и кончает университет. Заочно. Самое главное — любят работать. С детства. Оба еще в школе почталюнами подрабатывали. Я ведь, сами знаете, на счетах всю жизнь играю, много ли зарабатываю, а хочется, чтобы не хуже, чем у людей. В шесть часов вставали — вот какие у меня ребята! Да сами. Без всякой побудки. И чтобы мама спала, дверью не хлопнут, на цыпочках выйдут.

От волнения на карих, таких чистых и безгрешных глазах у Сони выступили слезы. На мгновение она отвернулась, прямо рукой, по-бабьи вытерла глаза и вздохнула:

— Только вот все допрашивают меня: «Мама, а у папы друзья были?» Были, говорю, как не были. Только их сейчас в Ленинграде нету. Не буду же называть Л. и В. Один чокнутый, другой пьяница.

— А я?

Соня на секунду откинула назад голову, потом вся рванулась ко мне, схватила меня за руки:

— Так вы считаете себя другом Алексея? Так вы придете к нам?

— Ну, конечно, конечно.

— Тогда я сегодня же скажу им: вот вы все спрашивали да спрашивали, есть ли друзья у папы. Есть. Я сегодня встретила. И знаете, какой это друг? — И тут Соня в порыве благодарности на такие высоты вознесла меня, что мне стало неловко. — Вы даже не представляете, какой это для них будет праздник. Да и для меня. — И Соня расплакалась.

Я не сходил к Красиковым ни в ближайший выходной день, как обещал Соне, ни в последующий, ни через месяц, ни через год, ни через два. И не потому, что в суете, в житейской круговерти забыл о своем обещании — я и сегодня помню его, а совсем, совсем по другой причине.

Судьба свела меня с Алексеем Красиковым в конце сороковых годов, в ту пору, когда по вузам прокатилась крикливая кампания по ниспровержению научных авторитетов, зараженных вирусом космополитизма. И чьими руками часто делалась эта кампания? Руками молодых неучей, вчерашних фронтовиков, людей в серых шинелях и морских бушлатах, нетерпеливых, буйных, привыкших рубить с плеча, разговаривать на языке военных приказов.

К этим людям принадлежал и Алексей Красиков, невысокий, крепко сбитый блондин, экс-капитан флота, как любил он говорить о себе, всегда подтянутый, чисто выбритый, в синем, наглухо застегнутом кителе с безукоризненно белым подворотничком, человек в общем-то добрый, даже сентиментальный, когда дело доходило до стихов Есенина и фронтового братства, но одержимый, из породы шолоховских Нагульновых, готовый сам броситься на амбразуру, но и вокруг себя устроить пустыню.

Три или четыре года Красиков, аспирант по штату, держал в страхе целый факультет. Разоблачал, корчевал, чистил авгиевы конюшни, насаждал идейность в науке...

А потом мало-помалу в обществе наступило отрезвление, и что было ему делать? Сестра за книги, за ученые да начать все заново? Гордость не позволяла. Да и как искоренить, как задавить в себе руководящий зуд, когда он весь — как конь разогнанный?

Его бросили на библиотеку (очень почетная работа!) — не удержался. Бросили на кадры — тоже конец. И так повсюду, куда бы его ни назначали, ни ставили. И в конце концов кончилось тем, что его исключили из партии...

Таков был Алексей Красиков, с которым года полтора я был в довольно близких отношениях и который был отцом Сониных детей.

Я не отрекаюсь и никогда не отрекался от него. Но как обо всем этом рассказать сыновьям Алексея? Поймут ли они? Не живет ли в их сердцах другой образ отца, созданный их матерью?

Соня любила Алексея. Любила той всепонимающей и всепрощающей любовью, которую в русском народе издревле принято называть жалостью. Но смогу ли я в угоду ей забыть о том зле, которое причинил людям Алексей? Правда, Алексей сам жестоко расплатился за свой авангардизм (он спился, умер от алкоголя), но все-таки, все-таки...

Много, много разных вопросов встает передо мной, как только я начинаю думать об Алексее Красикове, и — зачем скрывать? — на некоторые из них я и ныне не могу ответить.

1976

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

В БУДУЩЕЕ — С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

Спасибо Даниилу Гранину, раскрывшему перед миллионами читателей страницу горестной жизни одного из самых лучших и любимейших наших писателей — М. Зощенко («Мимолетное явление», «Огонек» № 6).

В конце своего рассказа Д. Гранин пишет: «...Я обратился в архив, в один, в другой. Стенограммы выступления Зощенко нигде не было. Числилась, но не было. Она была изъята». Очень настораживает стремление изъять или хотя бы скрыть, не выпустить наружу или вывести из оборота документы, свидетельствующие, как все было на самом деле.

Не так давно в работе над статьей мне понадобилось сослаться на постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Перелистав сборник «КПСС о средствах массовой информации и пропаганды» (Политиздат, 1987), я с удивлением не обнаружил в нем изучавшегося мною поколением студентов документа. Представьте себе, «О работе партийных комитетов Ивановского меланжевого, Глуховского хлопчатобумажного и Ташкентского текстильного комбинатов», а также «О порядке распространения газет и журналов» есть, а печатавшееся ранее между ними «О журналах «Звезда» и «Ленинград» отсутствует. Неужели те, кто готовил книгу к печати, полагают, что, опуская в справочном издании известное постановление, они подадут пример развития гласности работникам идеологического фронта, студентам и преподавателям факультетов журналистики, рабочим и сельским корреспондентам, на которых рассчитан сборник? Или помогают им умолчанием (цитирую издательское предисловие) «умело отстаивать историческую правоту нашего дела, показывать привлекательность идей социализма и социалистического образа жизни, наступательно вести борьбу с буржуазной идеологией и моралью...»?

Ничего себе «наступательность» — спрятав голову в песок, «не заметить» постановления, существенно повлиявшего на прессу и на весь ход культурного развития в стране, документа, кстати сказать, никем, насколько известно, официально не отменявшегося ни в целом, ни в какой-либо своей части.

Его необходимо знать журналистам, работникам идеологии новых поколений тоже, если мы действительно хотим понимать прошлое и с открытыми глазами делать будущее.

Александр ЩЕРБАКОВ,
журналист

НА КОЛЕСАХ

*Его друг по летному училищу уже майор...
На тренировке вдруг ослабили руки, и он
сорвался с перекладины. Удар пришелся на
шейные позвонки.
— Испуг пришел, когда положили на носилки,
жесткие, деревянные,— вспоминает Юрий
Баусов.— Тело было, как холодец, мне
подчинялся только язык.*

Георгий РОЗОВ,
фото автора

о этого Юра был крепким парнем, самбистом. Вырос в гарнизонном городке, сколько помнит себя, мечтал о небе.

Но беда случилась с ним, когда курсанты Черниговского училища готовились к первым учебным полетам. Только и успел два раза прыгнуть с парашютом.

По дороге в госпиталь его растрясло, боль стала невыносимой. Три дня про-

держали на вытяжке, сделали рентген, потом операцию. Врачи приговорили к полной неподвижности. В палате, где лежал Юра, постоянно гости. Он не любил, когда его жалели: шутил, рассказывал анекдоты. Две молоденькие сестрички по очереди выхаживали весельчака. В одну из них парень влюбился, и не без взаимности.

Словом, обычная госпитальная любовь, много раз описанная беллетристами. Но не будь ее, остался бы, наверное, Юра Баусов «говорящей коло-

дой» и шутил бы над своей нелепой судьбой, покуда не иссяк запас природного оптимизма.

«Методику» придумала Марина. Юра лежал на спине. Она поднимала его безвольную руку вверх так, чтобы, падая, ладонь била по лицу. Появился стимул: не хочешь получить пощечину — либо отведи руку, либо поверни голову. Терпения и юмора влюбленному хватало на сотни ударов в день. Не сразу, но «методика» стала срабатывать: Юра взял ложку. Тарелку супа ел

целый день. Обливался, как младенец. Приехала мама. Ей хотелось все делать за него, а сын, как в детстве, боролся за самостоятельность, бормоча упрямое: «Я сам!»

Через полтора месяца Баусова решено было перевезти в Киев. Расставание с Мариной прошло по литературным канонам. Он припомнил, что настоящий мужчина ради счастья любимой жертвует своим счастьем, что калека не имеет права на любовь здоровой и красивой девушки. Юра наговорил Марине такого, что и самому сегодня вспомнить не хочется.

Баусов лежал еще полгода. Потом полгода учился садиться, разрабатывал руки, и только тогда удалось освоить инвалидную коляску.

Несмотря на упорные тренировки, на страстное желание вернуться к нормальной жизни, потребовалось три года, чтобы научиться самостоятельно одеваться. В специализированном санатории пробовал передвигаться на четвереньках — не вышло. Вернулся к маме в военный городок. Здесь его знали и старые, и малые. Жалость деликатно скрывали.

Не успел прийти в себя с дороги, как предложили поработать... машинисткой на полставки. Сначала тюкал по клавишам двумя пальцами, да и то не больше двух часов кряду: пальцы немели, руки ломило от усталости.

Колясочники, в зависимости от места повреждения позвоночника, делятся на спинальников и шейников. У первых обычно руки остаются сильными, а у вторых либо вовсе парализованы, либо, как у Баусова, частично. Сам Юра так говорит:

— Руки у меня были дохлые! Тридцать лет инвалидности — это стаж. Могу поделиться опытом. Занятия физкультурой при всей полезности не могут заменить целенаправленной деятельности, необходимой не только тебе лично, но и окружающим, обществу. Эгоистическая забота о своем здоровье, видимо, недостаточный стимул. Работа стимулирует: хочешь не хочешь — служебные обязанности исполнять надо. В деле забываешь о себе, восстановление органов идет быстрее и, я бы сказал, качественнее. Достигнутого хватает надолго. А «физкультурная

сила» улетучивается, как дым, стоит только прекратить тренировки. Мои руки, например, пытались бастовать и когда на машинке печатал, и когда белье выжимал. Кисти сводит. Боль — жить не хочется, но руки крепнут на глазах.

У Юры Баусова в то время были мудрые и добрые покровители. Год спустя инвалид полностью отработывал свои полставки.

В офицерском городке организовали клуб молодой семьи. Свободное от ра-

боты и тренировок время Юра проводил среди клубных активистов: помогал организовывать вечера отдыха. Иногда перепадала ему путевка в специализированный санаторий города Саки. Это крымская мечта для колясочника, надежда на выздоровление. Но получить туда путевку не легче, чем выиграть «Волгу» в лотерее ДОСААФ. Правда, у Баусова есть преимущества: «повезло» травмироваться в армии, что дает право пользоваться льготами ветерана войны.

Лечение в Саках надежд не оправдало: ноги по-прежнему бездвижны. Зато появился круг знакомых инвалидов. Опыт их жизни становился его опытом. Возникло желание найти более творческую работу, чтобы не одни руки были заняты, но и голова. Много думал: как жить дальше?

Он любил наблюдать за поведением окружающих, предугадывать их реакцию на разнообразие жизненных ситуаций. Это и привело Юру к мысли об инженерной психологии. Такие специалисты нужны в авиации. Это был последний шанс.

Правда, от зарождения идеи до ее воплощения у инвалида путь куда как длинный. Ближайший вуз, где готовили знатоков человеческих душ, находился в ста пятидесяти километрах. Недалеко, но там из рук вон плохие бытовые условия. Ленинград не подходил из-за климата — влажно. Решил ехать в Москву — все равно не дома, зато есть благоустроенные общежития. Снова, как в далеком уже детстве, уселся за учебники. В том, что сдаст экзамены, не сомневался. Мучило другое: сможет ли жить самостоятельно, без мамы, без друзей? Выяснить это помог случай.

После очередной поездки в Саки остался зимовать в домике знакомой бабули, которая с наступлением глубокой осени уехала в Москву к внукам.

Экспериментатор сам, без чьей-либо помощи, пилил и колол дрова, топил печку, убирался. С утра ездил (говорит Юра — «ходил») в спортзал санатория — тренировался. После обеда готовил еду на завтра. Вечером либо шел в кино, либо читал учебники.

К весне бывший курсант Баусов убедился, что снова готов к автономной студенческой жизни.

Со дня трагического происшествия прошло одиннадцать лет, полных надежд, разочарований, боли, самоистязаний. Все это повлияло на характер Баусова. Трудно представить тридцатипятилетнего Юрия весельчаком и балагуром. Говорит спокойно, ровно. Эмоции пробиваются наружу крайне редко. Как о самом заурядном событии, Юра рассказал мне о встрече с психологическим факультетом МГУ:

— Посмотрел на лестницы: крутые. Три этажа. Лифта нет — значит, придется каждый день «ездить на людях». Несерьезно! Развернулся и поехал на философский.

Прослушивая дома магнитофонную запись, я живо представил, как ловил парень такси в аэропорту, как ворчал водитель, перетаскивая его из коляски на переднее сиденье, как уставший инвалид высадился на проспекте Маркса и маленькая коляска остановилась у парадных лестниц старинного здания в стиле классицизма. Меня поразила мысль, что два десятка ступенек, которые резвый студент преодолевает в три скачка, могут изменить судьбу человека, что отсутствие лифта иной раз лишает смысла статью Конституции о праве на образование.

На философском факультете Баусова встретили холодно. Дали понять, что хочет невозможного, выстроили чап-стокол бюрократических барьерчиков: то нет медицинской справки, то опоздал с подачей документов на один день, то еще что-нибудь. Юра метался по Москве, преодолевал сопротивление, пока не добрался до кабинета заместителя министра. Только на этом уровне необычный абитуриент был вы-

слушан без предубеждения. Письмо из министерства заставило факультет принять «настырного» инвалида.

А «машинистке» Юрию Баусову пора было возвращаться на работу. За месяц московских каникул он проехал на такси все свои скромные сбережения. Самолет стал не по карману. Пришлось ехать в плацкартном вагоне. Путь неблизкий — два с половиной дня. И для здорового человека испытание. Представьте, чего стоила простая процедура утреннего туалета.

И дома, и на работе за Юру радовались. А он второй раз в жизни струсил: предстояло увольнение с работы, где окружающие любят и уважают, расставание с мамой, для которой он какая-никакая опора, испытание неустроенным бытом.

Для студентов инвалидов в диковинку. На первом курсе ребята по очереди возили Юру от общежития до учебного корпуса. Вряд ли можно было ожидать от юных студентов, что их хватит на выполнение даже добровольно взятых обязательств. В этом счастливом возрасте трудно жить по раз и навсегда заведенному расписанию. Хочется перемен, новых впечатлений. А тут рутинная, в сущности, работа — толкать тяжелую коляску с инвалидом. Энтузиазм иссяк к началу второго курса. За Юрой заходили все реже и реже. Сам он осенью докатывал себя до аудитории за пятнадцать минут. Зимой на эту процедуру уходило минут сорок. Я прошел этой «тропой инвалида», толкая коляску Баусова. Чтобы обойти помпезные гранитные лестницы главных входов в высотное здание МГУ, нам пришлось спуститься на лифте в глубокий подвал, куда на машинах привозят продовольствие и другие грузы. Спуститься оказалось легко, а выбраться снова на уровень первого этажа — задача для Юры непосильная: горка очень крутая. Хорошо, что на ней расположен милицкий пост. Добродушная охрана и без просьб помогает, но зимой эта горка становится препятствием и для здоровых постовых: она покрывается льдом. Скользят милицмейские сапоги, и шины тоже скользят. Что произойдет, если коляска покатится вниз, — представить страшно! Но вот мы на улице. Складное «чудо на колесах», сработавшее на львовском заводе, идет тяжело, и его почему-то все время тянет вправо. С восхищением смотрю на затылок Юры: если мне тяжело, то каково же ему?!

Зима в Москве не лучшее время. Руки остаются сухими считанные минуты: перчатки промокают от постоянного контакта с колесами. Кисти ломит от холода, мерзнут ноги. Каждая вылазка в город — испытание здоровья и мужества. Обласканный, а потом забытый группой, Баусов решил выяснить отношения. На собрании был произнесен гневный монолог. Ребята обиделись, решив, что не обязаны с ним нянчиться, а «возмутитель спокойствия» потерял моральное право просить о чем-либо товарищей. Есть вещи, которые он не в силах сделать сам: подкачать шины коляски, например. Однако пришлось во всем полагаться на собственные силы. И, странное дело, тут же появились настоящие друзья: Толя и Клара Чусовы, Димитрос Пателис. Они навещают Юрия, помогают убираться в комнате, покупают одежду в магазинах.

— Одежда для колясочников — особая проблема, — говорит Баусов. — Коляска просто сжирает ее. Горят кожаные перчатки. Зимой снашивают по две пары в месяц. Мгновенно протираются локти у курток и свитеров. Однажды подошел к витрине ателье. Войти нельзя: ступеньки высокие, а надо сдать свитер — локти заштопать. Стучу гаечным ключом по витрине — не выходят, кричу — не хотят замечать, и все тут! Обидно до слез! Хотел уже уходить, но тут девушка шла домой с работы. Вот она и сжалась.

Впервые мы встретились, когда Баусов пришел на просмотр фильма об инвалидах, в кинозале редакции. После сеанса он спросил дорогу до ближайшей станции метро.

— А как же вы сюда добирались? — поинтересовался я.

— На такси все время не поездишь, стипендии не хватит, — ответил Юра.

Я почему-то не сразу поверил, что московским метро можно пользоваться одинокому инвалиду. До ближайшей станции, кстати, надо еще одолеть по меньшей мере два километра. Была ранняя московская весна. Слякоть, мокрый снег, грязная каша под ногами и мрачные тучи над головой. Минут через двадцать, оторвавшись от дел, я взглянул в окно: сквозь пелену падающих снежинок, на фоне лоснящегося черного асфальта редкими толчками продвигалась вверх по эстакаде коляска упрямого студента-философа. Он шел до Новослободской полтора часа.

Метро Юра освоил, как свою коляску. Помнит лестницы всех переходов с линии на линию и моментально просчитывает оптимальный «колясочный» вариант пути в любую точку Москвы. Решив однажды, что преподавателю философии необходимо быть культурным человеком, Юра побывал почти во всех театрах Москвы, не пропускает выставки в Третьяковке, Пушкинском и Манеже. Администраторы Баусова жалеют. Контрамарки он получает за час до спектакля, в длинных очередях к «Сокровищам Тутанхамона» не томится. Всюду ему помогают передвигаться добрые москвичи, всюду он «ездит на людях».

Сами прохожие, правда, помощи не предлагают. Молодые не замечают колясочника с его проблемами. Пожилые жалеют, но боятся натолкнуться на грубость. Инвалиды ведь тоже бывают разные. Но стоит только обратиться за помощью, и люди бросают свои дела, тащат тяжелую коляску в подземные переходы, вталкивают на эскалаторы метро, бордюры тротуаров. В отличие от горожан исполком Моссовета, похоже, ни разу не напрягал мускулы своей власти для решения не столь уж и сложных проблем передвижения колясочников. Маленькая Эстония с ее полуторамиллионным населением уже пошла на пересмотр строительных норм, а огромный город с индустрией и населением среднего европейского государства не делает практически ничего. Если не считать провозглашенного недавно намерения создать Московское городское общество инвалидов. Сравнение не в пользу депутатов столичного Совета, которые почти ничего не сделали для десятков тысяч людей, и без того обиженных судьбой.

Сейчас Юра Баусов студент пятого курса. Он единственный известный мне колясочник, сумевший приспособить Москву для нужд одинокого инвалида. Он мечтает о пологих пандусах, которые позволили бы преодолевать бордюрные камни, подземные уличные переходы и переходы на станциях метро, роскошные лестницы и одиночные ступеньки стадионов, театров, цирков, библиотек, выставочных залов, поликлиник, магазинов, предприятий службы быта. О лифтах в метро рядом с эскалатором закаленный студент и не помышляет, а вот об одном широком турникете, чтобы коляска прошла, на выходах из вестибюлей станций он мне говорил. С точки зрения инвалида, телефоны-автоматы открытого типа лучше спрятанных в будках, а десяток специализированных микроавтобусов-такси, оборудованных подъемными устройствами для колясок и радиотелефонами, могли бы стать украшением «Мосавтолегтранса».

Вот и все, о чем мечтает скромный инвалид. Может быть, теперь, когда его пожелания стали достоянием гласности, депутаты Моссовета реально помогут тем, кто ведет жизнь на колесах?

Джек АЛТАУЗЕН

1907—1942

Родился в золотоприскальской семье на Лене. В 11 лет сбежал от родителей, в поисках приключений побывал в Харбине, Шанхае. В самой известной своей поэме «Безусый энтузиаст» (1929) создал мятущийся образ тоскующей по революционным идеалам юной души. Но последним всплеском этой романтической ностальгии была поэма «Первое поколение» (1933), ибо на ее страницах уже лежала вырастающая тень надвигающегося тридцать седьмого года. Погиб в сражении под Харьковом. Приводимое стихотворение крайне противоречиво, но не стоит с экстремистской запальчивостью считать его воспеванием братоубийства. Это трагический, но точный набросок реальности, когда гражданская война рассекала семьи, разделяла братьев.

БАЛЛАДА О ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЯХ

Иосифу Уткину

Домой привез меня баркас.
Дудил пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас,—
Один вхожу я на порог.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ • РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

Ведет Евгений Евтушенко

Сестра в изодранном платке
И мать, ослепшая от слез,
В моем походном котелке
Я ничего вам не привез.

Скажи мне, мать, который час,
Который день, который год?
Четыре брата было нас,—
Кто уцелел от непогод?

Один любил мерцанье звезд,
Чудак, до самой седины.
Всю жизнь считал он, сколько

верст

От Павлограда до Луны.

А сосчитать и не сумел,
Не слышал, цифры бороздя,
Как мир за окнами шумел
И освежался от дождя.

Мы не жалели наших лбов.
Он мудрецом хотел прослыть,
Хотел в Калугу и Тамбов
Через Австралию проплыть.

На жеребцах со всех сторон
Неслись мы под гору, пыля;
Под головешками ворон
В садах помились тополя.

Встань, Запорожье, сдуй золу!
Мы спали на цветах твоих.
Была привязана к седлу
Буханка хлеба на троих.

А он следил за пылью звезд,
Не слышал шторма и волны,
Всю жизнь считая, сколько верст
От Павлограда до Луны.

Сквозной дымился небосклон.
Он версты множил на листе,—
И, как ни множил, умер он
Всего на тысячной версте.

Второй мне брат был в детстве мил.
Не плачь, сестра! Утешься, мать!
Когда-то я его учил
Из сабли искры высекать...

Он был пастух, он пас коров,
Потом пастуший рог разбил,
Стал юнкером.
Из юнкеров
Я Лермонтова лишь любил.

За Чертороем и Десной
Я трижды падал с крутизны,

Чтоб брат качался под сосной
С лицом старинной желтизны.

Нас годы сделали грубей;
Он захрипел, я сел в седло,
И ожерелье голубей
Над ним в лазури протекло.

А третий брат был рыбаком.
Любил он мирные слова,
Но загорелым кулаком
Мог зубы вышибить у льва.

В садах гнездились лишай,
Деревни гибли от огня.
Не счистив рыбьей чешуи,
Вскочил он ночью на коня,—

Вскочил и прыгнул через Дон.
Кто носит шрамы и рубцы,
Того под стаями ворон
Выносят смело жеребцы.

Но под Варшавою, в дыму,
У шашки выгнулись края.
И в ноздри хлынула ему
Дурная, теплая струя.

Домой привез меня баркас,
Гремел пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас,—
Один вхожу я на порог.

Вхожу в обмотках и в пыли
И мну буденовку в руке,
И загорелые легли
Четыре шрама на щеке.

Взлетают птицы с проводов.
Пять лет не слезил я с седла,
Чтобы республика садов
Еще пышнее расцвела.

За Ладогою, за Двиной
Я был без хлеба, без воды,
Чтобы в республике родной
Набухли свежестью плоды.

И если кликнут — я опять
С наганом встану у костра.
И обняла слепая мать,
И руку подала сестра.
1928

Виссарион САЯНОВ

1903—1959

Родился в Сибири, в семье политических ссыльных. Стал затем ленинградцем. Лучшие книги стихов — «Фартовые года» (1926), «Золотая Олёкма» (1934). Автор многочисленных романов. Но самое сильное, написанное Саяновым, — это все-таки его стихи.

ЗОЛОТАЯ ОЛЁКМА

Много было громких песен, токмо
Где же ты, заветная Олёкма,
Нищая, хоть оторви да брось,
Золотом прошитая насквозь?
В кабаках девчонки запевали,
Золота-де много там в отвале.
Мы с одной особенно сдружились —

Балалайки-бруньки жарок грай,—
Пожениться с ней мы побожились,
И ушел я в этот дальний край.

Я увидел там зарю из меди.
За гольцами бурые медведи.
Соболиных множество охот.
На траве испарина, как пот.
Небо там совсем не голубое.
Ночь длинна в покинутом забое.
Ворон — по прозванью верховой —
Пробегаёт мятою травой.
Я потом тебе писал без фальши:
Ты меня обратно не зови,
До жилого места стало дальше,
Чем до нашей прожитой любви.

По тайге, гольцов шатаю недра.
Непокорней лиственниц и кедра,
Ходят зимы в быстром беге нарт.

Мне пошел тогда особый фарт —
Я нашел в забое самородок.
Разве жалко хлебного вина?
Весь в дыму и в спирте околото,
Вся Олёкма в синий дым пьяна.

Самородок отдал я в контору.
Получил за то кредиток гору.
Деньги роздал братьям и друзьям.
Сшили мне отменнейший азам.
Шаровары сшили по старинке,
Блузу на широкой пелеринке.

Заболел потом я страшной болью:
Год лежал в бараке, чуть дыша,
Будто десны мне разъело солью,
От цинги спасала черемша.

Как прошла тайгою забастовка,
Я со всеми шел, а пуля ловко
В грудь навывлет ранила меня.
Сто четыре пролежал я дня.

Пять годов прошло, как день.
Как парус
Раздувают ветры среди морей,
Сердце мне тогда раздула ярость,
Дух недоли призрачной моей.

Хорошо потом я партизанил,
С боя брал я каждый шаг и дол,
Этот край под выстрелы я занял,
На Олёкму торную пришел.

Ты опять мне поднялась навстречу,
Как тугая вешняя гроза,
Пегий бык бежит в людскую сечу,
По реке проходят карбаза.

Ради старой ярости в забое
Я стою. Совсем не голубое,
Все в дыму, как перегар пивной,
Небо распласталось надо мной.

Жизнь моя простая мимолетно
Не легла отвалом в стороне,
Ты меня прославила, Олёкма,—
Сколько песен спето обо мне!

От гольцов до озера большого
Каждый знает деда Кунгушова.

Вот она, моя большая доля,
Под кайлой гудит моя земля,
Ветер вновь летит с ямского поля
На мои дозорные поля.
1933

МУЗЕЙ, КОТОРЫЙ НЕ НУЖЕН...

ПОХОЖЕ, ЧТО В ЛЕНИНГРАДЕ СКОРО ПОЯВИТСЯ ЕЩЕ
ОДИН ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ МУЗЕЙ...
БОГАТСТВОМ СВОИХ СОБРАНИЙ, ИЗВЕСТНОСТЬЮ ОН
ВРЯД ЛИ УСТУПИТ ЭРМИТАЖУ, ОДНАКО ЛЕНИНГРАДЦЫ НЕ
СПЕШАТ РАДОВАТЬСЯ ТАКОМУ «ПРИБРЕТЕНИЮ».
В СВОЕМ ПРЕЖНЕМ ИСКОННОМ ЗВАНИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА (ГПБ)
ИМЕНИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА УСТРАИВАЕТ ИХ КУДА
БОЛЬШЕ.

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
Николай РАХМАНОВ (фото)

Без малого 175 лет верой-правдой служит она городу, став поистине неисчерпаемым родником его духовной культуры. Да и в истории Отечества не сыщется, пожалуй, заметных имен, чьи судьбы так или иначе не соприкоснулись бы с «драгоценным (по определению Н. Чернышевского) умственным капиталом», заботливо приумножаемым здесь.

Более 28 миллионов единиц хранения и 4 тысячи посетителей в день — таковы сегодня масштабы работы одной из крупнейших библиотек мира. Но и в компьютерный век цифры бессильны выразить главное — творческий итог

соприкосновения этих величин, оза-
ряющий нашу жизнь новыми книгами,
картинами, научными открытиями, про-
сто радостью от того, что здесь, в тиши
старинных залов, нам доступны все
вершины человеческой мысли.

Впрочем, будем откровенны: пока не
все и далеко не всем. Сейчас существу-
ют так называемые издания специаль-
ного хранения, ознакомиться с кото-
рыми непросто и вполне «остепенен-
ным» гражданам. Справедливо возму-
щаются наши читатели (их письма были
опубликованы в №№ 44, 48, 51 за прош-
лый год) совершенно необъяснимыми
с точки зрения здравого смысла запре-
тами на многие вполне безобидные по
содержанию книги.

Вот только гнев этот не по адресу,
поскольку не ленинградская ГПБ опре-
деляет, что можно, а чего нельзя

нам читать. И запреты едины для всех
библиотек страны. Так, во всяком слу-
чае, объяснили мне ситуацию в дирек-
ции «публички», а в официальном отве-
те редакции, в частности, сооб-
щили:

«В настоящее время в централизо-
ванном порядке идет пересмотр соста-
ва фондов спецхранов библиотек, нача-
та передача значительной части отече-
ственных и зарубежных изданий в об-
щие фонды».

Так что, будем надеяться, будет
и на нашей читательской улице празд-
ник. Если только не омрачат его иные
неприятности, тень которых, собствен-
но, и заставила меня взяться за перо.
Хотя какая там тень, скорее туча, уже
вполне реально нависшая и над пло-
щадью Островского, и над будущим

Окончание на стр. 18.

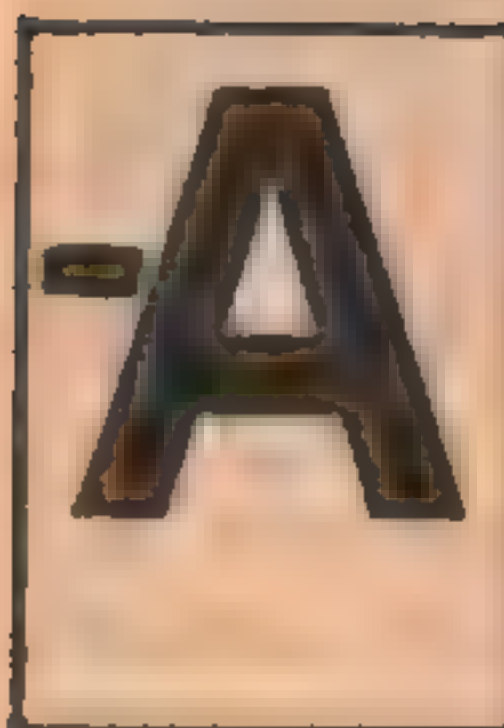

1978 ГОД. В КЕМБРИДЖЕ
В ЛАБОРАТОРИИ
АНГЛИЙСКОГО УЧЕНОГО
РОБЕРТА ЭДВАРДСА
ПОЯВИЛСЯ РЕБЕНОК,
ВПЕРВЫЕ В МИРЕ
ЗАЧАТЫЙ «IN VITRO»,
ТО ЕСТЬ «В ПРОБИРКЕ».
1987 ГОД. ЧИСЛО ДЕТЕЙ
НА ЗЕМНОМ ШАРЕ, РОЖДЕННЫХ
МЕТОДОМ ИСКУССТВЕННОГО,
ТАК НАЗЫВАЕМОГО
ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОГО,
ОПЛОДОТВОРЕНИЯ (ЭКО),
ПЕРЕВАЛИЛО ЗА ТЫСЯЧУ.
ЭТОЙ ВОЛНУЮЩЕЙ ПРОБЛЕМОЙ
ЗАНИМАЕТСЯ БОЛЕЕ
ДВУХСОТ КЛИНИК В АНГЛИИ,
ИТАЛИИ, США, ФРАНЦИИ, КАНАДЕ,
ДАНИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ...

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

у нас? — спросила я профессора, доктора медицинских наук Б. В. Леонова, руководителя лаборатории раннего эмбриогенеза Всесоюзного научно-исследовательского центра по охране здоровья матери и ребенка.

— Четыре клиники: две в Москве, одна в Ленинграде и одна в Харькове. В 1986—1987 годах родилось пять ребятишек: две девочки и три мальчика, причем два из них — близнецы, третий зарегистрированный в мировой практике такой случай. Четверо родились у нас тут, в Тропареве, пятый — в Ленинграде. И совсем недавно, в феврале этого года, шестой — снова у нас. Но что и как вы хотите писать? — забеспокоился вдруг мой собеседник. — Да и надо ли?

— *Опасаетесь натиска женщин, мечтающих о детях? А если без рекламы и по существу?*

По существу Борис Васильевич давно, более двадцати лет, занимается этой проблемой. Когда еще работал во Всесоюзном институте акушерства и гинекологии, преобразованном позже во Всесоюзный центр. Тогда полным ходом шли эксперименты, но культивировать вне организма оплодотворенные ооциты — яйцеклетки — удавалось лишь у мышей и кроликов. Отдельные исследователи, например, Ф. Мухаммад-галиев и Р. Абельдинов (СССР), трансплантировали их на овцах, а Т. Сугиэ (Япония) — на коровах.

Однако сам процесс оплодотворения яйцеклетки вне организма долгое время оставался тайной за семью печатями. Воспроизвести его «in vitro» не удавалось. Дело в том, что яйцеклетка может быть оплодотворена в тот единственный для нее момент, когда она будет готова к этому, то есть созреет. Очень важно не упустить тот краткосрочный момент, он измеряется иногда двумя-тремя часами, не опоздать. В противном случае потомство при искусственном оплодотворении, как показал опыт, может быть ненормальным.

Впервые оплодотворить человеческие яйцеклетки «in vitro» удалось американским ученым А. Гертигу, Дж. Року и советскому ученому Г. Н. Петрову. Но даже при благополучном исходе много испытаний выпадает на долю перенесенного в лоно матери эмбриона. Хватит ли у него сил внедриться, имплантироваться и прижиться тут? Даже при самом удачном стечении всех обстоя-

тельств развитие зародыша может прерваться и беременность не наступит.

Сегодня доктор медицинских наук Б. В. Леонов — он начинал под руководством академика АМН СССР Л. С. Персиянинова — один из пионеров внедрения в нашей стране так называемого экстракорпорального оплодотворения — ЭКО.

Суть его проста: взятая из зрелого фолликула яйцеклетка оплодотворяется вне организма, и дробящийся эмбрион через сутки-двое переносится в полость, где имплантируется и развивается естественным путем.

— Однако на практике методика довольно сложная и дорогая и доступна поэтому клиникам, оснащенным специальным комплексом лечебно-диагностического и лабораторного оборудования, — поясняет мой собеседник. — Если в начале восьмидесятых годов попытка экстракорпорального оплодотворения без гарантии наступления беременности стоила в США пятьдесят тысяч долларов, то в настоящее время обходится пациентке в шесть — десять тысяч... Само собой разумеется, что в нашей стране ЭКО производится бесплатно.

Профессор рассказывает о разработанной в Центре программе ЭКО. Ее освоение началось в 1982 году. От зарубежных она отличается тем, что все лечебно-диагностические манипуляции проводятся амбулаторно, за небольшим лишь исключением, когда приходится брать яйцеклетку при проникновении в брюшную полость. ЭКО проводится у женщин до 30 лет.

— *Какая же эффективность этой программы?*

— К сожалению, пока довольно низкая.

За четыре года в лаборатории эмбриологии побывали сотни женщин. Клиническая беременность была зарегистрирована более чем у десяти. Четыре завершились рождением пятерых детей, четыре продолжаются, остальные прервались самопроизвольно.

— Мы планируем в ближайшие три года попытаться помочь примерно тысяче женщин. Сейчас за неделю проходит обследование пятнадцать человек. Столько же сотрудников в штате лаборатории, что явно недостаточно. Принять больше не в состоянии. Работаем крайне напряженно, даже по субботам и воскресеньям. Сдерживает отсутствие гормональной экспресс-диагностики. Ее у нас практически нет. Работаем, как говорят, до упаду.

...Каждый день молодые посетительницы заполняют холл отсека на третьем этаже, где расположена лаборатория эмбриологии. Вот и сейчас оттуда доносится приглушенный раскатом гомон. И как только кто-то из врачей выходит, самые активные из этих жаждущих проникают в коридор, тихонечко сидят возле кабинета профессора, смотрят, когда показывается он, умоляющими глазами, только чуть не хватают за полы халата.

«Откуда вы приехали?..» «Из Ижевска». «Из Казахстана». «Из Мурманска»...

Есть даже из Якутска. Разве таким дальним гостям, прибывшим без вызова, в отпуск и за свой счет, — разве им откажешь?

А еще есть письма...

Леонов показал на конверты, что перед ним на столе.

— Это только часть сегодняшней почты. Поступило уже полторы тысячи.

Я взяла одно из них, лежащее сверху, из Мордовии. Читаю, и комок подступает к горлу. Три года назад эта тридцатилетняя, еще молодая женщина лишилась сына: родился мертвым. Операции, реанимация и заключение врачей, страшное, как приговор: «Детей у вас не будет»... «Я боролась за жизнь только одним — мыслью о ребенке... Окрепла. Работаю. Чувствую себя физически хорошо. Рядом любимый, за-

ботливый человек, мой муж. Все есть у нас, нет только самого главного в доме... И вдруг эта заметка, перепечатанная из зарубежной газеты. Счастливая Карин с близнецами, которых родила ей... бабушка. У меня три сестры. Каждая из них готова принять взятую у меня оплодотворенную яйцеклетку и выносить мне ребеночка. Пошли мы все вместе в женскую консультацию. Что же я услышала там? Бурю упреков и возмущения. «Это безнравственно! Как вам не стыдно! Юридически никто не оформит» и так далее... Поймите меня, дочитайте мое письмо, — ведь это один-единственный шанс для нас. А вдруг получится?..»

«Должно получиться», — комментируют, ознакомившись с этим письмом, Борис Васильевич и его заместитель, старший научный сотрудник кандидат медицинских наук Валентин Алексеевич Лукин.

— Дело в том, что у нас уже есть несколько подобных той женщине из Мордовии пациенток. Будем пытаться им помочь. Сложность вся в том, что процесс овуляции у донора-женщины и реципиентки должен протекать одновременно, синхронно, чтобы совпало у них время для взятия яйцеклетки. Эта научная тема — наши планы близкого будущего...

А ведь по нашей скромной статистике, — продолжает Леонов, — сотни тысяч женщин нуждаются в экстракорпоральном лечении. Отвечаем своим корреспондентам вежливо и извиняемся за то, что в ближайшее время принять не можем, и «кричим» сами: «Дайте нам экспресс-диагностику! Дайте нам пергонал (гормональный препарат, стимулирующий процесс овуляции)!». Закупаем его на Западе и с невероятными трудностями.

— *Значит, надо создавать больше таких клиник, как ваша. И тогда крика не будет?*

— Наоборот! Проблемы возникнут с особой остротой. Я ведь говорил, что для метода ЭКО нужны высокоэффективные гормональные препараты, стимулирующие процесс созревания яйцеклеток, диагностическая ультразвуковая аппаратура, фиксирующая момент созревания и определяющая, подходит ли для ЭКО данная пациентка. Такой аппаратуры отечественная промышленность еще не производит. Ультразвуковая установка стоит семьдесят пять тысяч инвалютных рублей, а нужна не одна. У нас в Центре она есть. Кое-что есть в Ленинграде, в Институте акушерства и гинекологии АМН СССР, во Втором медицинском институте имени Пирогова в Москве, в четвертой из клиник — в Харьковской. А во вторых, отечественные гормональные препараты настолько неэффективны, что и их приходится покупать за валюту. Поговорите с доцентом Здановским из Второго московского медицинского института.

В. М. Здановский, заведующий лабораторией по хирургическому лечению бесплодия, кандидат медицинских наук:

— Ничего не могу сказать утешительного о советских гормональных стимуляторах — аналогах пергонала. Действуют очень слабо. И даже этот гормон стоит бешеных денег, 150—200 рублей для одной стимуляции. Надо совершенствовать технологию, повышать качество.

— Записывайте, — продолжал Леонов, — телефон Никитина, заместителя директора ленинградского Института акушерства и гинекологии АМН СССР.

Набираю номер. А. И. Никитин: Мы очень бедны. Импортная зарубежная установка для слежения за ростом фолликул есть, но уступает все же тем, которые имеются в Москве, в Центре. Отечественный аналог пергонала не обладает активностью в той степени, как хотелось бы. Яйцеклетки получаем, но для положительного исхода их надо иметь в несколько раз больше. Да,

у нас получился ребеночек после ЭКО. 26 ноября 1986 года. Жив-здоров мальчик. Но мы считаем, что нам просто-напросто повезло. Мы, наша лаборатория и наш институт, в сущности, раньше других в стране стали заниматься ЭКО, имеем навыки и опыт и обидно, что не можем достичь того, на что способны. Работаем на чистом энтузиазме. Реально перспектив никаких!

Каково же мнение по поводу ультразвуковой аппаратуры заведующего отделом функциональной диагностики Центра?

Профессор В. Н. Демидов: Ультразвуковая аппаратура? Это глобальная тема. Она для современной медицины, что воздух для жизни... Особенно для диагностики. Аппаратура, имеющаяся в нашем отделении, не отечественная. Инженеры Вильнюса пытаются кое-что сделать, но им нужно математическое обеспечение. Наука тут отстает, опаздывает.

А что думает по поводу качества препаратов, необходимых для ЭКО, кандидат медицинских наук Н. Д. Фанченко, руководитель лаборатории эндокринологии Всесоюзного центра?

— Давно, в начале восьмидесятых годов, партия обсуждаемых препаратов, выпущенных Московским эндокринным заводом, проходила испытания. Терапевтический эффект их был очень низок. Я не знаю врачей, которые бы пользовались ими. Продукция этого завода не соответствует мировым стандартам и к нам в Центр не поступает.

Характеристика уничижительная, особенно в свете введения на предприятия госприемки и перехода отраслей промышленности на хозрасчет и на самоокупаемость. Позволительно спросить у Государственного научно-исследовательского института стандартизации и контроля лекарственных средств МЗ СССР: куда же он смотрит?

Итак, картина предельно ясна. Колоссальные преграды стоят на пути сотворения жизни — так можно назвать эту острую проблему. Она государственного значения и требует государственного подхода. От этого зависит, чтоб надежды семей и женщин, мечтающих о детях, не обернулись иллюзиями.

А ведь счастье кажется так близко, так возможно, так ощутимо...

Кудрявая светлоглазая Ксюша — московские газеты, не мы, обнародовали имя своей первой чудесно зачатой землячки — вполне земное прекрасное существо. Она уже хохочет, хлопает «ладушки-ладушки» и может, держась за палец мамы, пройтись вперевалочку по ковру. Пятого января Ксюше исполнился годик. Братишки — близнецы Руслан и Кирилл из Заполярья — постарше ее. А девочке из Донбасса скоро два годика будет. «Дети из пробирок» развиваются вполне нормально. Пусть же будет больше необыкновенных обыкновенно жизнерадостных ребят!

Ксюше
исполнился год.

Процесс
оплодотворения «in vitro»
(«в пробирке»)
контролируется
микроанализом.

Ультразвуковые
обследования
позволяют следить
за ходом беременности.

ПРЕМИИ «ОГОНЬКА» — МЕДИКАМ

Год назад в «Огоньке» (№ 6, 1987 г., репортаж «Оля, кератотомия и хозрасчет») сообщалось о том, что редакция в целях поощрения хозрасчетной инициативы МНТК «Микрохирургия глаза» учредила премии для его работников. Сегодня мы знакомим наших читателей с первыми лауреатами премии, удостоенными ее по решению совета трудового коллектива комплекса и жюри.

АНТОН АГРАНОВСКИЙ, врач. Работает в отделе профилактики и хирургической коррекции близорукости высокой степени. На автоматизированной линии прозрения он бригадир. Его задача — произвести «досечение до центральной оптической зоны» — сама говорит о том, насколько ответствен этот этап операции.

В институт микрохирургии пришел не сразу. По окончании вуза — хирург в московской больнице, не имеющей никакого отношения к офтальмологии. О профессоре С. Н. Федорове узнал из газет. Вскоре произошла и встреча, определившая судьбу Антона. Святослав Николаевич включил молодого врача в свою бригаду. Первую офтальмологическую операцию Аграновский выполнил самостоятельно в марте 1981 года. Сегодня производит до сорока операций в неделю. В центре его внимания отдаленные результаты, прогнозирование перспективы кератотомии.

ЕВГЕНИЙ ЛАРИОНОВ, научный сотрудник отдела экспериментальной хирургии и аллоимплантации. Тут разрабатываются различные биосинтетические системы, используемые для коррекции зрения, исследуются аутоиммунные процессы.

Евгений Викторович по образованию биолог, но не только. Есть и вторая специальность — медицинская. У него четыре авторских свидетельства, зарегистрированных Комитетом по делам открытий и изобретений. Кроме того, он соавтор двух заявок, претендующих на открытие. Одна из них посвящена механизму возникновения катаракты у млекопитающих и человека.

ГАЛИНА СМЕРНОВА, операционная медсестра. Крайне необходимый работник на конвейере здоровья, будь то имплантация хрусталика, кератотомия, склеропластика или глаукома. На первый взгляд ее обязанности несложны: обслужить больного и помочь врачу на трех этапах операции.

Глаза ее должны быть очень зоркими, не допустить малейшего отклонения, вовремя подать в руки врача инструмент. Все подобные действия настолько хорошо ею изучены и отшлифованы, что Галине Владимировне нередко доверяют сесть к конвейеру на пятом, завершающем этапе операции.

А начинала работать она со Святославом Николаевичем Федоровым еще в 50-й городской больнице.

...В тот день утром, как и во всякий рабочий день, в конференц-зале МНТК шла обычная медицинская конференция. Докладывали о происшедшем за сутки руководители отделов и служб. Неожиданно для присутствующих привычный ход конференции нарушился. В. А. Коротич, главный редактор журнала «Огонек», вручил дипломы победителям соревнования в 1987 году. Потом были цветы и персональные премии — по двадцать четыре тома литературных приложений к «Огоньку».

На снимке: Евгений Ларионов (слева), Галина Смирнова, Антон Аграновский

Фото Дмитрия ДЕБАБОВА

МУЗЕЙ, КОТОРЫЙ НЕ НУЖЕН...

Начало на центральной вкладке

ГПБ, девизом работников которой стали известные ленинские слова: «...Видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей... а в том, как широко обращаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу...»

Девиз замечательный, но вот следовать ему становится все труднее. Информационный взрыв, воспринимаемый большинством из нас как красивая, хоть и несколько отвлеченная метафора, обрушил на старые стены величественного комплекса главного здания, его филиалов вполне реальную, весящую сотни, тысячи тонн лавину печатной продукции, и объем ее продолжает неудержимо возрастать.

В красочном рекламном проспекте, изданном четыре года назад, не без гордости приводятся следующие цифры: ежегодно в библиотеку поступает более 900 тысяч различных изданий, годовых комплектов газет, рукописей и других материалов; в каталоги и картотеки только сотрудниками отдела обработки и каталогов включается более 2 миллионов карточек; библиотека ведет книгообменные операции более чем с 2600 организациями в 109 странах мира.

И хоть упоминается там же об экспериментальных работах «по опытной эксплуатации автоматизированной информационно-поисковой системы на базе предметного каталога и по переводу части справочного аппарата на микрофиши», по сей день львиная доля нагрузки по-прежнему падает на хрупкие плечи сотрудников. Подвижнический (но мизерно оплачиваемый) труд их заслуживает всяческого уважения, однако силы-то не беспредельны. И вот уже ропщут читатели, согласно с ними и Министерство культуры РСФСР, вынужденное констатировать, «что производственная мощность ГПБ значительно ниже необходимой для обеспечения постоянно растущих потребностей читателя».

Что же это за потребности такие?

Лет двадцать пять назад, надолго застряв из-за пурги в охотничьей избушке, затерявшейся в какой-то безымянной глуши на границе Тюменской области и Красноярского края, до дыр зачитал единственную, без конца, без начала книгу, живописавшую наше ближайшее будущее. Скука была отчаянная, а потому особенно понравились (и запомнились) прогнозы, касающиеся развития электроники. Нажмешь, мол, скоро кнопку цветного, стереофонического телевизора — и, пожалуйста, весь балет Большого театра у тебя в гостях, живи ты хоть на краю света. А захотелось леснику-охотнику, скажем, Камю на досуге почитать, расшифровать какой-нибудь папирус или узнать, как готовят филе из кузнечиков его коллеги, промышляющие на берегах Амазонки, — тоже не проблема: нажми другую кнопку — и зашептит страницами на экране любое, интересующее тебя издание из фондов столичных библиотек.

Мечты эти сбылись наполовину: благодаря «Орбите» с нашими звездами сейчас действительно можно встретиться даже там, где не ступала еще нога человека. А вот книгам не повезло, до них не то что таежнику, горожанину, имеющему на руках читательский билет, добраться бывает не так-то просто.

Представляю, с каким чувством слушала мои «электронные» фантазии ученый секретарь Е. Небогатикова, когда я расспрашивал ее про компьютеризованные информационные системы, видеодиски и прочие технические новинки, давно прижившиеся за рубежом, но, увы, не перешагнувшие еще отечественного порога. Собственно, я и сам понимал несвоевременность, что ли, своих вопросов: коли нет избытка компьютеров в стране, откуда же они возьмутся на площади Островского. Елена Владимировна сидела, закутавшись в шаль (опять прорвало отопление), и заботы ее тревожили куда более насущные. Догадаться о них было нетрудно — даже человека постороннего давно уже не обманывает внешнее величие величественных зданий: красное дерево кабинетов, хрусталь старинных люстр, антикварная бронза. Бросается в глаза другое: скрипучие полы, скудость освещения, плохая вентиляция, толпы в гардеробе, буфете, нехватка множительной техники и т. д.

Но не об этом шла речь — Елена Владимировна рассказывала о новом здании, что строится на Мо-

сковском проспекте, акцентировала внимание на усилиях сотрудников как-то решить нынешние и грядущие проблемы, советовала побывать в отделе механизации и автоматизации библиотечных работ, где вплотную занимаются интересующими меня вопросами. Претензий ни к кому не предъявляла, да и какой в них смысл: мало ли ответственных лиц, корреспондентов перебивало в библиотеке за эти годы, а толку что? Уж как горячились мои коллеги на страницах местных и центральных газет, какие бури ни затевали по поводу «затянувшегося» (с 1972 года!) ремонта бывшего Екатерининского института (Фонтанка, 36), где размещались общие читальные залы, отдел газет и другие подразделения библиотеки! Волны общественного возмущения, как водится, заливались маслом обещаний со стороны самых что ни на есть компетентных товарищей и организаций. Ну, а ремонт все еще толком не завершен.

Преждевременной при ближайшем рассмотрении оказывается и радость по поводу строительства нового здания возле Парка Победы. Живу рядом, вижу, как возводится его первая очередь (книгохранилище на 10 миллионов томов и читальные залы на 2000 мест), которую строители обещают сдать в 1990 году. Полностью комплекс запланировано завершить в 1993 году, но уже сейчас «публичка» может заполнить все обещанное 9-этажное хранилище. А книжная лавина растет, громоздит Эверест новых проблем.

Одна из них, по современным техническим меркам, вроде достаточно простая: как транспортировать эти самые миллионы томов, чтобы рассортировать их по отделам, быстро доставить читателям? Увы, на сегодняшний день четкого ответа на этот вопрос нет.

Ну, а как там с электроникой? Ладно уж с передачей видеoinформации на большие расстояния, эта техника, как понимаю, скорее доберется из Рио-де-Жанейро до джунглей Амазонки, нежели из новой библиотеки до моей, находящейся от нее в полукилометре квартиры. Но автоматизированные рабочие места библиотекарей — это уже не будущее — давно и в массовом порядке освоенное (за рубежом) настоящее, привычное и естественное, как телефон или телевизор.

— Библиотека Конгресса, которая примерно в три раза крупнее нашей, имеет 2,5 тысячи АРМ, — говорит заведующий сектором автоматизации отдела механизации и автоматизации библиотечных работ кандидат физико-математических наук В. Капустин. — Значит, нам нужно иметь хотя бы 800. Цена каждого примерно 10 тысяч рублей, следовательно, нам требуется вложить в это дело минимум восемь миллионов. Причем очень быстро, так как техника стареет за 3—5 лет. Мы же получаем порядка 500 тысяч рублей в год, но и те не в состоянии толком истратить, поскольку, даже располагая фондами, не можем почти ничего купить — техники не хватает.

— А что вы скажете по поводу вот этого, пришедшего в дирекцию письма: «Предлагаю установить на выставке новых поступлений ЭВМ «ДВК-2М» для электронного каталога. Тогда можно было бы быстро просмотреть выставку и даже отпечатать нужную карточку. Преподаватель информатики Павел Петрович Синельников».

— Чтобы установить эту ЭВМ, надо иметь минимум 40 таких машин, которые готовили бы для нее информацию. Объемы поставок подобных ЭВМ составляют примерно 10 штук в год, к работе на них нужно специально готовить персонал.

Вот так мы и беседовали: о миллионах, которых нет, машинах, которых мало...

Значение информатики ясно — это нервная система любой страны, и библиотеки — ее важнейшие узлы. Понимают ли это те, от кого зависит их будущее? Боюсь, что нет. Подтверждением тому может служить пример, приведенный В. Капустиным: библиотека Конгресса, занявшись в свое время автоматизацией, ежегодно вкладывала в нее по 200 миллионов долларов. Бюджет ГПБ «на все про все» — около 6 миллионов рублей в год. И как ни крути, именно бесхозность, приумноженная нашей безответственностью, — первопричина большинства сегодняшних, да и завтрашних бед ГПБ. Экономия на Знаниях, мы обкрадываем свое же будущее, и мелочность эта еще аукнется нам потерями, не сопоставимыми по масштабам с нынешними не бог весть какими миллионами.

В заключение позволю себе одну «заокеанскую» цитату. «Если библиотека не становится учреждением, способным отвечать современным потребностям, она превращается в музей», — сказал однажды директор Нью-Йоркской публичной библиотеки.

А именно эта участь реально угрожает сегодня ГПБ. Уверен, как и все мои земляки, что такой музей нам совершенно ни к чему.

ДЕБЮТ В «ОГОНЬКЕ»

ПРЕДЧУВСТВУЯ КАЖДЮЮ ПЯДЬ

Валерий МАЛЫШЕВ

ПРИГОРОД

Пора меж волка и собаки.
А. С. Пушкин

Вот: появился — исчез...
Волк иль собака мелькает?
Сумерки. Лыжники. Лес.
В окнах огни зажигают.

Время невнятных утрат.
Кто же мне душу вынает?!
Лыжно-астральный десант
Так одиноко ныряет.

Хватит, в глазах мельтешит!
Иль это чье наваждение?
(Тень по лицу пробежит,
Приостановит мгновенье.)

Света слиянье и тьмы?
Сгусток пространства живого?
Я же сказал, не томи!
Дай мне хоть вымолвить слово!

Когда-нибудь сможем на свете,
Уж коли на это пошло,
И петь, и смеяться, как дети.
Но время еще не пришло.

Какие же бездны дымились,—
Пространства кривилось стекло!
Мы, верно, такими родились.
Но сколько воды утекло!

Так крепни, упрямясь в морщинах,
На зависть врагам и на страх,
Гражданская твердость —
в мужчинах!
Державная мудрость — в мужах!

По запаху, вкусу и цвету,
Предчувствуя каждую пядь,—
В грядущее! Стало быть —

И незачем в детство впадать.

РУБЩИК МЯСА

Ремесло так ремесло!..
Долго ждал и вот — добился.

Прямо скажем: повезло —
В рубщики определился!

Всё на карту с ранних пор,
Грубой выгоде в угоду!
Снилось: ухаёт топор!
Снилось: ахает колода!

Думал так: «Возьму свое —
Обкорнаю ниву спроса,
Прицепясь за острие
Социального вопроса!

Просвищу! Поймаю миг!..
И прошло б, да вот, поди-к ты,
К виду мяса не привык,
Что-то хлябают инстинкты.

Тошнота или тоска:
«Братьев меньших!..» Где отвага?
Кровь — срывается рука,
Рефлексирует, бедняга.

Да, инстинкты в карантин
Вывести не хватило духу,
Рубит тушу, сукин сын,
Как Раскольников старуху!

Ко всему привыкший люд
Ждет, молчит, не суетится.
Мысли разные текут:
«Ничего, докопшутся!..»

Как мучительно слово «уже!».
Будто с неба на землю свалился.
Жизнь проходит, а он — о душе.
Да не поздно ли ты спохватился?

Возраст вышел в последнюю треть,
И осталось (о старчества блики!)
Долгим взглядом на небо смотреть,
Кротким взглядом — на детские

лики

Читал плохую книгу,
Потом не мог уснуть.
Зачем плохую книгу,
Скажите, издавать?

А если загубили
Хорошую сосну?!
Теперь от этой мысли
Я точно не усну.

А если правда сдуру,—
Кого теперь винить?
Нет чтоб макулатуру
На то употребить...

Измотанный, зеленый —
Вот так всю ночь лежу.
Наутро, обозленный,
В издательстве скажу:

— Читал плохую книгу!
Потом не мог уснуть!
Зачем плохую книгу,
Скажите, издавать?!
А если загубили хорошую сосну?! —

— Ну, это — наше дело.
Иди-ка ты домой.

Восхищались: «Реалист!»
И кивали головами...
Оставлял стандартный лист
С нестандартными словами.

Восклицали: «Футурист!» —
И стучали головами...
Оставлял корявый лист
С угловатыми словами.

Горный воздух свеж и чист.
Проживаем в этом мире.
Истлевает бранный лист.
Слово плавает в эфире.

ЧЕЛОВЕК НА ПЛЯЖЕ

Не знал? Ну так знай же (о — боже!),
Вот он — худощав, лысоват,
(Где зубы?) с облупленной кожей,
С которой наколки кричат.

Легит. С удивленьем читаю
Под надписью «Снова тюрьма»:
«Привет Туруханскому краю!»,
«Будь проклята ты, Колыма!».

И росчерком, будто бы жженым,
Средь этих, блатных мельтеша,—
«Ежова и иже с Ежовым!»...
И далее — шрам от ножа.

Проходят веселые мимо —
Косятся: «Как видно, субъект...»
Но это ж судьбы фотоснимок
Проявлен и плоть вопиет!

Все это — оттуда, оттуда;
Минувшей эпохи дела,
Когда психопатия культа
Еще в апогее была!

— Издержки двадцатого века...
Да что языками молоты!
Рука кропотливая ээка
Колола опальную плоть!

Не только ведь ради искусства,—
Старалась, иголки вводя,
Чтоб вышли и тело Иисуса,
И боль этих фраз безыскусных,
И абрис суровый вождя!

Она постаралась на совесть,
Впечатав всю боль немоты!
А после — война: «Рокоссовец!»...
Немецкие било фронты.

И ухнула тяжесть неправды
И — «в бога и в мать!» по врагам:
Ножи, кулаки и приклады
Гуляли по их черепам!

Не дожили. Многие пали.
Тот — в лагере, этот — в бою.
Купаясь в крови, искупали
Вину, но — чужую? Свою?!

Чего уж теперь разбираться,
Не в этом же главная суть!
На Родину грех обижаться,
Она не виновна ничуть!

А вы и тогда не роптали...
Вернули вам честь, партбилет,
Чины, ордена и медали...
Но глупая плоть вопиет!

Когда же все это сотрется?!
А он, приподнявшись, сказал:
— Эй, парень, не засти-ка солнце.
И нечего пялить глаза.

ПРОШУ СЛОВА

КОМУ ВЫГОДНА ЛОТЕРЕЯ?

Спортлото, спринт, тотализатор на ипподромах — разговор об этих играх давно, по-моему, назрел. Смысл всех этих мероприятий ясен: взять побольше денег у жаждущих выигрыша и поменьше дать «избранникам фортуны». Личные способности, тем более личный трудовой вклад тут ни при чем. Максимальный выигрыш в лотереи — 16 000 рублей, а в спринте и спортлото 5000—6000 на один билет. Максимальный, но не предельно возможный. Никто не мешает купить несколько или много билетов и карточек и на все выиграть! За какие такие красивые глаза столь щедрая самокупаемость? Ответ один — повезло. Иной выигрыш превышает денежный размер Ленинской премии, и таксе известно. Тем более превышает вознаграждения за открытие, изобретение или рацпредложение. Так что у рубля заработанного никакого преимущества над рублем дурным, случайным. Но и это не все: вознаграждение свыше одной тысячи рублей облагается налогом! Изобретателя тоже облагают подоходным налогом. А с выигрыша можно дополнительно получить немалые проценты, если поместить даровую сумму в сберкасса. Да и вообще лауреатов Ленинской или различных Государственных премий одного года можно пересчитать по

пальцам, а счастливых лотереи, спортлото, спринта многие сотни, а может быть, и тысячи.

В свете вышеизложенного смешны разговоры о социальной справедливости, оплате по труду, трудовых сбережениях... Красная цена им — 30 копеек.

Очевидно, что все эти игры с государством находятся в прямом противоречии с основным принципом социализма: «От каждого по способностям, каждому по труду». А лотерея, как и прочие игры на деньги, разжигает в человеке низменные инстинкты, мучения бессонницы: как за 30 копеек получить 16 000 рублей? Так мечта о нетрудовом доходе восполняется под официальным прикрытием. Не случайно, выигрышные билеты бывают иногда предметом спекуляции, сделок...

Мне могут возразить: «Без лотереи неинтересно жить...» Но «неинтересно жить» и без бутылки, табака, карт...

Что противопоставить лотерее? Вот что я предлагаю обсудить всем, кто читает «Огонек». Только не пишите, что на вырученные от билетов деньги государство строит стадионы и тому подобное, — еще недавно торговлю водкой тоже объявляли «выгодной»!

Сергей САПОН,
научный сотрудник
Ростов-на-Дону.

Гласность рассеяла тьму над великим множеством «неформальных объединений молодежи», хотя нельзя сказать, что она пролила свет на смысл происходящего. Словечко «неформалы», торопливо пущенное в телевизионно-газетный обиход, замечательно своей невнятистью, а также тем, что превращает абсолютное большинство молодежи в «формалов», что ли?

Кришнаиты дольше других группировок оставались в тени, привлекая к себе куда меньше внимания, чем горластые и попугайные рокеры, люберы, металлисты и всякие панки.

Они собирались по квартирам, вокруг воздвигнутых ими алтарей, воспаряя над повседневной скверной нашей жизни. Даже теперь, выйдя на улицы, они проповедуют высший смысл бытия с вежливым высокомерием приобщенных.

Себя они называют «преданными» — они преданы богу Кришне, приняв посвящение, берут себе санскритские имена, едят ритуальную пищу, стараются жить общинами. Нет, нет — никакого свального греха, никаких наркотиков. «Преданные» соблюдают строжайшую дисциплину: не курят и не пьют, запрещены даже чай, кофе и какао, не употребляют в пищу ни мяса, ни рыбы, ни яиц, ни лука, ни чеснока. У каждого есть четки, в особом молитвенном мешочке — 108 бусинок, перемежающихся узелками, 109-я — покрупней. Совершив омовение, они продевают указательный палец в мешочек, а большим и средним перебирают четки и поют свою мантру — не менее 728 раз в день. Можно больше.

Кроме повторения мантры, они обязаны беспрекословно повиноваться гуру и неустанно распространять Истину — в том окончательном и непреложном виде, как ее постиг Его Божественная Милость Шрила Прабхупада Бхактиведанта, основатель «Международного общества сознания Кришны», или по английской аббревиатуре ИКСКОН.

Общий смысл учения заключается в том, чтобы постепенным очищением тела и духа человека помочь ему приблизиться к проявлению в себе высшего сознания, абсолютным носителем которого является Кришна. Пение мантр особенно важно в этом процессе, ибо их звуки подобраны таким образом, чтобы вызвать космические волны, соединяющие «преданного» с самим Кришной.

В уставной книге «преданных» говорится:

«Слово «хара» — это форма обращения к энергии Бога, а слова «Кришна» и «Рама» — форма обращения к самому Господу. Слова «Кришна» и «Рама» означают духовное блаженство, а слово «хара», измененное на «харе» в звательном падеже, указывает на высшую энергию духовного наслаждения Господа. Энергия наслаждения Господа помогает нам прийти к Самому Господу...

...Эти три слова, а именно: харе, Кришна и Рама, — являются трансцендентными семенами «маха-мантры».

Стоп! Остановитесь, прежде чем у вас непроизвольно вырвется вопрос: что за бред? Остановитесь, ибо этим восклицанием вы рискуете поставить себя вне человечества!

Далее в кришнаитской книге сказано: «Только личность, которая следует этим принципам, может считаться человеком. Того, кто не следует этим принципам, вообще нельзя причислять к роду людскому».

Предположение, в корне противоречащее духовной традиции Индии, — в «Иша-упанишаде» шестая мантра гласит:

«Взирающий на все живое в свете Высшей истины, не способен ненавидеть, ибо видит себя во всем и все — в себе».

ВЫ ИХ ЕЩЕ НЕ ВИДЕЛИ? В ФИЛЬМЕ «ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МОЛОДЫМ?» ИЛИ НА УЛИЦЕ? ОНИ ПРИПЛЯСЫВАЮТ И ПОЮТ ИНДУССКУЮ МАНТРУ «ХАРЕ КРИШНА», «ХАРЕ РАМА». НА ЗАПАДЕ, ГДЕ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД ПОЯВИЛОСЬ ЭТО ДВИЖЕНИЕ, ИХ ТАК И ЗОВУТ ХАРЕ-КРИШНАМИ. У НАС — КРИШНАИТАМИ.

КАРМА-КОЛА или ОХОТА НА НОСОРОГОВ

Ну, а давая волю академическому занудству, надо уточнить: согласно санскритскому словарю, Кришна означает «черный», а Рама — «притягательный». Просто бог смуглых индийских аборигенов, покровитель пастухов и скотоводов Кришна после миграции в Индию светлокожих ариев был причислен к их богам, а цвет свой сохранил.

Но это так, к слову.

Кришнаиты здесь ни при чем, поскольку свое учение они позаимствовали не из соседней Индии, как можно предположить по его словесным и иным атрибутам, а из отдаленной Калифорнии — правда, через близлежащую Скандинавию.

Бог Кришна сильно изменился, уже когда его переселили в Америку, от туда — в Европу, пропутешествовав же из варяг в греки, стал почти неузнаваемым.

Скверно переведенные с английского книги «преданных», их рассуждения, пересыпанные неправильно произносимыми санскритскими терминами, соотносятся с Индией, как Мона Лиза на дерюжной базарной сумке с подлинным шедевром Леонардо.

Ну ладно, к Индии это имеет весьма слабое касательство — а к нам? Откуда они взялись — молодые, образованные, истово верующие в то, что их спасет иноземная вера?

Одиссея началась четверть века или пять веков назад — как посмотреть.

Ведь когда Колумб открыл Америку, он искал пути в Индию.

А в шестидесятые годы взбунтовавшаяся молодая Америка открыла для себя Индию.

В шестидесятых они стали появляться — молодые, расхристанные, расплатанные, наряженные в немые отшельники. Хиппи.

Дети-цветы, как они себя называли. Дети процветающей, благополучной Америки — американский образ жизни, самый лучший образ жизни! И вдруг — великий отказ: от философии потребления, от одномерности существования, от массового счастья, от кровавой бессмыслицы вьетнамской войны.

Волна, поднявшаяся в Америке, быстро разлилась по всему западному миру. Хиппи вошли в моду, на них обратились средства массовой информации, вокруг них мгновенно возникла прибыльная «индустрия бунта». Контркультура превратилась в еще одну форму массовой культуры, общество потребления тут же наладило потребление протестов против себя.

Это скоро надоело — чересчур аскетично и недостаточно зрелищно. Хиппи хлынули в Индию — в поисках нирваны и наркотиков, театральности храмовых обрядов и мистических озарений.

Спрос рождает предложение. После сенсационных визитов в Индию великого битника Аллена Гинсберга и битлов, избравших своим гуру Махариши Махеш Йоги — сейчас он возглавляет одну из богатейших «империй духа», — несколько расторопных святых наперегонки занялись строительством кондиционированных келий и вообще подгонкой индуизма к запросам зарубежной клиентуры.

Разворачивался экспорт быстрорастворимой нирваны, мистики на любой вкус — индийской духовности для западного потребления, суммарно прозванной в Индии «карма-кола».

Но спрос продолжал расти, потенциал рынка настолько превышал возможности одиночных гуру, что понимающему человеку было ясно: пора вводить в действие конвейерное производство. Для него требовалась символическая фигура.

И тут судьба указала перстом на до толе безвестного бенгальца по имени Абхай Чаран Де.

Сын богобоязненного калькуттского лавочника, он вырос в очень ортодоксальной среде, с детства изучал санскрит, потом учился в колледже, работал на химическом предприятии Боса, женился, открыл собственное фармацевтическое дело — биография достаточно обыкновенная. Наступила полоса невзгод, дело пришлось в упадок, в семье начался разлад — тоже, к сожалению, бывает.

Но Индия — страна особая: она традиционно чтит людей духа и никогда не даст им пропасть. Абхай Чаран Де, че-

ловек религиозный, решил оставить мирские заботы и поручить себя воле бога. Долго описывать, как он мыкался со своим английским переводом древней «Бхагавад-пураны», который никто не желал печатать, как искал себе богатого покровителя, пока, наконец, ему не помогли выехать в Америку, куда он сильно рвался.

И не стало ничем не примечательного Абхая Чарана Де — через два года мир узнал о великом святом и вероучителе Его Божественной Милости Шриле Бхактиведанте Прабхупаде.

Индустрия масскультуры нашла именно то, что требовалось: индус с наклонностями проповедника, нищ, наивен, тщеславен — им легко управлять. А сделать из него фигуру, в данном случае Божественную Милость, — дело привычное.

История, которая укладывается, как говорится, без зазора в привычный нам стереотип: жуликоватый святоша, одуревший от наркотиков хипари, которых потянуло на экзотическую мистику, парочка-тройка ловкачей, учувших в этом большие деньги, а за сценой — вездесущее ЦРУ.

Оперировать стереотипами удобно, поскольку всякий стереотип есть упрощение сложной реальности до бесхитростной схемы, освобождающей от мыслительного труда, но опасно, так как даром это не проходит.

Из ничего бывает только ничего.

Интерес к огромному опыту духовного развития, накопленному Индией за пять тысяч лет ее истории, не тема для зубоскальства, душевное смятение людей, цепляющихся за любые варианты нравственности и духовности, на Западе ли это происходит, или у нас, — и того меньше.

Не случайно в эпоху фрагментаризации знания целостное видение мира, постигнутое Индией чуть не на заре человеческой цивилизации, представление о взаимосвязанности и взаимозависимости всех форм жизни все сильнее интересуют не только философов, но и ученых самых разных специальностей: от медиков до исследователей космоса.

К тому же из концепции единства всего сущего вытекает мысль о сострадании, о ненасилии, о терпимости как о законе бытия.

Поэтому, когда четверть века назад дети западной цивилизации, изверившись в ее превосходстве, оторвавшись от технического прогресса, лишаящего человека индивидуальности, запутавшись в противоречиях мира, оцетиненного ненавистью, подозрительностью, страхом, потянулись в поисках альтернативы к иной цивилизации, — их можно было понять.

Но дети-цветы тянулись к экзотичной, таинственной Индии, которая укажет им прямой и легкий путь к мистическому блаженству, к упоительным взлетам духа...

Увы. Как Колумб заблудился в пути и не добрался до Индии, так и мятущаяся молодежь открытой им Америкой.

Свами Локешварананда, один из руководителей Миссии Рамакришны, говорит:

«Молодежи свойственна тяга к необычному, к драматизму в поиске истины. Но нет краткого пути к постижению высшего знания — путь к нему всегда крут, он требует труда и отваги духа».

Прабхупада освобождал от необходимости карабкаться по крутизне к высотам духа. Его путь требовал не отваги, а подчинения: повторять мантры за Его Божественной Милостью, перебирать четки, выполнять древние обряды — не важно, что они утратили всякий смысл от трансплантации на чужую культурную почву, — и верить, что бог Кришна лично опекает тебя. Все.

Придут другие времена, взойдут другие имена, например, «живого бога» Раджниша, который утверждает, что дисциплина — это бред, и оправдывает любую распущенность, половую или душевную; авторитетом все той же древней духовной традиции Индии.

Индустрия масскультуры выполняет любой социальный заказ, только бы деньги шли.

Правда, есть одна интересная закономерность: масштабное производство «карма-колы» обязательно кончается уголовщиной — тоже масштабной.

Привыкают эти гуру ко всевластию, что ли? Забывают, что, кроме божеских, есть и законы, установленные людьми?

Раджниша выставили из Америки, предъявив ему список из тридцати пяти обвинений: Индию ему пришлось покинуть — там потребовали, чтобы он уплатил налоги. Пока что господа богу удалось пристроиться в Уругвае.

ФБР и налоговое управление США предъявили целую серию обвинений и нынешней кришнаитской Божественной Милости Киртананде Свами Бхактипаде. Божественная Милость — Кейт Хэм в миру — обвиняется в убийстве, вымогательстве, растлении малолетних, мошенничестве, насильственном похищении и, конечно же, в неуплате налогов. В индийских газетах пишут, что кришнаитская штаб-квартира в бенгальском городке Маяпуре вообще исключила Божественную Милость из ИКСКОНа, правда, не только за уголовщину, но еще и за притязания на место единственного наследника Прабхупады.

Самому Прабхупаде повезло — он прожил последние годы жизни в добре и холе, двенадцать раз объехал мир, проповедуя Истину. Он и в Москве побывал, но мы ему не понравились, и, как повествует его официальный биограф, Прабхупада, стоя у окна «Националя», изрек: русские, изготовившиеся к войне, напоминают демонов-асуров из ведических сказаний.

Преставился он в 1977 году в городе Вриндабане, который предание связывает с детскими годами Кришны, богастушка, играющего на флейте, возлюбленного прекрасной Радхи, одного из любимых богов Индии. Толпы паломников стекаются сюда помолиться Кришне — это Индия, и Кришна есть часть ее культуры.

И обряды, совершаемые паломниками, и одежды их, и даже лица — все это естественно похит этим выцветшим от солнца небом, все это — жизнь истории, породившей и Кришну, и других богов.

А уж как это отличается от натужных и претенциозных молебствий на Арбате!

Кстати, как сама Индия относится к буму вокруг своей духовной традиции, которой она гордится?

Первая волна индуистов-самозванцев произвела сенсацию в Индии: вчерашние «белые сахибы» падают в ноги бродячим садху, покаянно едят пыль у индусских храмов — что делается! Признали наконец превосходство индуизма над христианством, оценили наконец величие культуры, которую иные европейцы столетиями называли «набором суеверий»! В те времена в Индии любили писать: это компенсация за урон, который христианские миссионеры столетиями причиняли нам.

Сейчас велеречивый гуру в окружении иноземных учеников — неисчерпаемый источник анекдотов и карикатур.

Они, однако, смешат не всех — многих тревожит «извращенное, предельно упрощенное и вулгаризованное толкование нашей традиции», — как пишет президент Азиатского Общества Джаганнатх Чакраворти. И продолжает:

«Суровая дисциплина мысли, стремящейся постигнуть человека в мире и мир в человеке, тяжелый многолетний труд по самосовершенствованию подменяются набором бессмысленных фраз, вера в безграничность человеческих возможностей — оккультными ритуалами... От этого нельзя отмахиваться, это нужно разъяснять, не боясь потерять популярность в глазах молодежи».

Что же до обыкновенного верующего индуса, то он, не мудрствуя лукаво, просто отвергает новоявленных единоверцев. Почему?

дна из фундаментальных доктрин индуизма заключается в том, что судьба человека зависит от его кармы — воздаяния за добрые и за дурные деяния, не ограниченного одной жизнью, но продолженного и на последующие рождения. А потому человек рождается индусом, когда придет его кармический час, принять же индуизм нельзя, в отличие от всех других религий.

В «Вishну-пуране», которая, конечно же, не включена в круг чтения «преданных», сказано:

«Лишь пройдя через великое множество рождений и смертей, лишь накопив в себе добродетелей без числа, рождается человек брахманом в Индии».

Сурово — кто спорит? — но ничего не подделаешь. Сколько бы ни распедали кришнаиты свои мантры, сколько бы ни посвящали друг дружку в брахманы, надевая один другому самодельные брахманские шнуры, — для верующего индуса это все равно кощунство.

Понятно, что Прабхупаде пришлось путем сложнейших богословских построений доказывать, что его последователи, истинно проникшиеся сознанием Кришны, «преданные», выше всех индусов на свете. И так же понятно, что ученые богословы — пандиты только пожалели плечами в ответ. Учение Прабхупады, которое он сам определил, как «сочинение индийской мистики и американских денег», впечатления на них не произвело.

Не произвела впечатления и на политические круги идея, с которой одно время носился Прабхупада, — превратить Индию в кришнаитское государство. Отводил ли он себе роль индустского Хомейни — неизвестно. Известно, что Индия твердо стоит на своем конституционном принципе равенства людей всех вер, и очень хорошо известно, как относится Индия к попыткам использовать ее плюрализм для подрыва национального единства.

А Прабхупада на Индию обиделся. «Индийские лидеры», — говорится в его биографии, — отказываются от Вед и подражают Западу, а многие в Индии, хоть и клянутся, что следуют ведическим заветам, на самом деле являются жертвами лжеучителей, не признающих Кришну высшей божественной сущностью. И Бхактиведанта Свами был вынужден уехать, чтобы насаждать ведическую культуру на Западе».

Смысл, надо полагать, в том, что раз Индия за Прабхупадой не идет, но подражает Западу, то и ведическую культуру она тоже переймет у Западу, где успеет поработать Прабхупада.

ИКСКОН к тому времени, как Прабхупада оставил сей мир, больше всего напоминал транснациональную корпорацию — прекрасно отлаженную инфраструктуру для международного распространения духовного ширпотреба конвейерного производства с филиалами по всему свету.

По мере разрастания ИКСКОНа возросло и противодействие ему: протесты психиатров, которые подняли шум насчет разрушительного воздействия кришнаитских мантр и образа жизни на психику людей, воспитанных в другом духе, протесты родителей молодых людей, бросавших семьи, и, что ИКСКОН беспокоит больше всего, бешеная конкуренция.

Сам Прабхупада неизменно объяснял все нападки на «преданных» происками демонов и материалистов — для него это синонимы.

Подлинное руководство ИКСКОНа оценивало ситуацию под материалистическим углом зрения: принимая во внимание как усилившуюся конкуренцию на мировом «духорынке», так и резкое снижение интереса западного потребителя к мантрам (сменилась мода, появились новые мистические забавы), рынок был разбит на одиннадцать зон с менеджером, дикша-гуру по кришнаитской терминологии, во главе каждой зоны. Особое значение было обращено

на потенциал новых рынков. Советский Союз и сопредельные страны вошли в ведение Свами Киртираджа — Дэвида Якубо в миру, обосновавшегося в Скандинавии. Оттуда преимущественно и получают наши отечественные кришнаиты и божественную литературу, и наставления.

В число наиболее опасных конкурентов ИКСКОН включает семьи «преданных». Не надо удивляться — семьи, а главным образом родители, причиняют ИКСКОНу уйму неприятностей: во Франции они потребовали наложить запрет на деятельность кришнаитов, в Германии, Голландии и в Америке — тоже, подавали на ИКСКОН в суд, привлекая к делу психиатров с целью доказать, что их детям нанесены психические увечья. Отсюда и наставление: если семья становится помехой на пути нравственного совершенствования, не дает человеку жить в сознании Кришны, то «преданному» следует:

«...оставить родителей, которые под влиянием демонической пропаганды становятся совершенно нетерпимыми, а иногда просто сумасшедшими, так как демоны всегда прикрываются словами о «помощи» родителям в деле «вызволения» их детей из сетей «секты».

Ну, а как реагируют в доме на мантры и вегетарианство вначале, а дальше — на брошенный институт или работу, на бегство из города в отшельники (святого отшельника Кришна уберезжет от последствий ядерной катастрофы, что же до всех остальных: сами виноваты, грязно жили), это без труда предоставит себе каждый. Тут можно и не знать содержания писем от родителей «преданных», которых, ой, как немало в редакционной почте!

На шукшинский вопрос: что же это с нами произошло, товарищи? — предстоит еще долго отвечать.

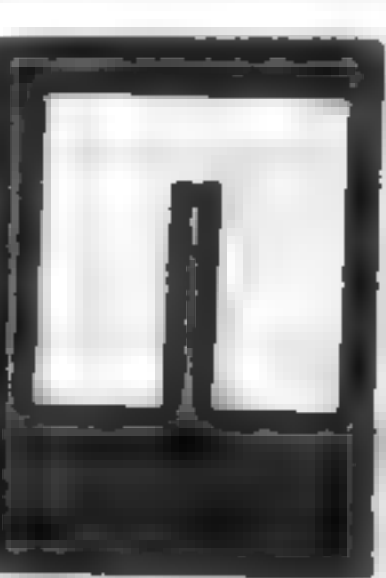
Припоминать, как мы жили, от чего предостерегали детей, и по всей строгости спрашивать с себя.

Жили себе в обстановке большого подъема — и такое поднялось из мутных глубин нашего естества, что теперь в этом разбираться и разбираться.

Кризис веры порождает безверие, однако жить, не веря ни во что, — удел немногих людей, повышенной толстокожести, а люди обыкновенные начинают цепляться за суеверия. Лучше за импортные, поскольку они гораздо престижнее.

Будем держаться принципа презумпции невиновности: пока не доказано противное, будем считать, что отечественные кришнаиты — народ образованный — осознанно выбрали из всех иных путей пение «харе Кришна», веря, будто мантры очистят их от скверны, очистившись же, они спасут мир.

Простим им позу превосходства — они убеждены, что получили доступ к дефицитнейшей истине в последней инстанции, они и работу мысли пугливо заменяют нерассуждающим повиновением гуру, чтобы не утратить чувства исключительности. А Прабхупада гарантирует им правильность выбора.

ри общении с «преданными», особенно с нашими, бросается в глаза их нетерпимость в отношении всех инаковых, душу выматывающий догматизм и какая-то оглашенная агрессивность. Создается впечатление, что не столько они рвутся спасти погрязшее в неведении человечество, сколько показать, у кого в руках ключ к спасению.

На вопрос, а как же сочетаются их нетерпимость и агрессивность с проповедью любви и ненасилия, «преданные» снисходительно поясняют, что распространение их учения и есть ненасилие. Распространится сознание Кришны на все человечество — наступит век ненасилия, а пока лучше добру быть с кулаками.

И цитируют соответствующий абзац из писаний Прабхупады.

Все устремления человеческого духа, все многообразие путей, которые

ми шло человечество к постижению истины, для кришнаитов уместилось в книжце Прабхупады под умопомрачительным названием «Бхагавадгита как она есть».

Бхагавадгита — одно из величайших произведений, созданных человеком, — сложено неизвестным автором тысячелетия назад, и сколько существует она, столько пишутся комментарии к этой книге; ибо составляет она основу основ индийской духовности. Откомментировал Бхагавадгиту и Прабхупада — единственный, кто бестрепетно заявил, что его толкование окончательное. Истина, как она есть. Закрыв, как говорится, тему.

И очень правильно поступают «преданные», не читая ничего другого, потому что стоит познакомиться с трудами индийских богословов, посвященных Бхагавадгите, и Прабхупада останется голым. А его последователям придется перестать заучивать звучные санскритские фразы, а попытаться задуматься над их смыслом. И вообще подумать.

В Индии, где верят, что все сущее — и боги тоже — есть проявление Абсолюта в различных формах, люди поклоняются любому из богов или нескольким сразу.

Это опять-таки одна из основ индуизма, и Прабхупада отлично с ней знаком. Но поскольку масскультура подчинена законам товарного производства, то ее основа — добиваться провозглашения своей продукции единственной и неповторимой. Именно поэтому Его Божественная Милость, умело тасуя и умело переводя древние тексты, провозглашает главенство Кришны над всеми богами индийского пантеона.

Найти в Индии самого главного бога — все равно что в человеческом теле главную клетку найти; стать индусом по выбору — все равно что негром по выбору стать. Прабхупада, не желавший расставаться с положением Божественной Милости, но больше всего мечтавший, чтобы его в этом качестве признали несговорчивые индийские богословы, прибегал к головоломной богословской акробатике в попытках утвердить себя.

Отечественные кришнаиты не усложняют свою и без того непростую жизнь и используют простую, общедоступную логику: раз Индия не признает верховенство Кришны, а их самих напрочь отвергает, то причина тут в том, что Индия погрязла в грубом материализме и невежестве, но зато они, «преданные», открывают ей путь к сознанию Кришны и к спасению!

Слава богу, не все потеряно для Индии: кришнаиты из Мытищ без устали распевают мантры!

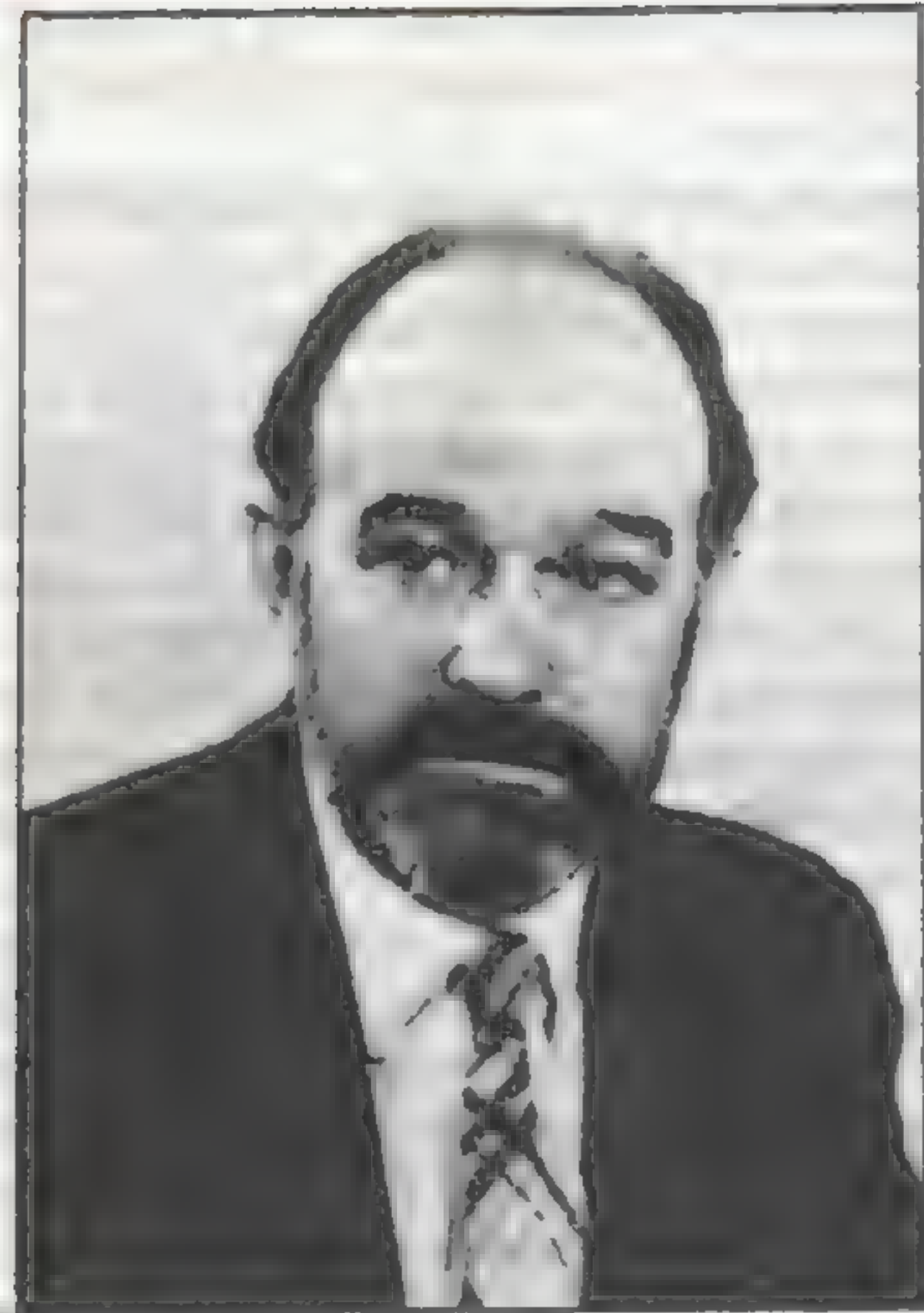
Так что же все-таки происходит со всеми нами? Со всеми, потому что мы несем солидарную ответственность за происходящее в стране и на местном уровне «они» не имеют права. Это местимение уже причинило нам немало вреда — мы так охотно за него прятались, не мешая беззаканному расцвету общественной скверны, от которой сейчас очищается страна. И очистится, иначе не стоит жить.

Никакие не «они», а мы — и, к боли нашей, это понятие включает в себя и матерей-кукушек, и брошенных детей, и чинуш с оловянными глазами, и ненасытных потребителей, и самоуверенных святош, одуревших от импортной духовности...

Похоже, что упоение «карма-колой» — явление эндокринного порядка и проходит с возрастом. Она ведь не в силах утолить жажду нравственности, смысла жизни, социальной справедливости, эта «карма-кола».

Мучительно жаль тех, кто всерьез растрчивает душу на пошлые игры в духовность, кто поверил, будто пение мантр заменяет работу мысли и усилия духа.

Но мы не имеем права ждать, ведь иные могут и сломаться на этой экзотической дешевке! Мы обязаны думать, как помочь им, тем, кто запутался.

ПЕСНЯ О ЮНОМ БАРАБАНЩИКЕ

Владимир НИКОЛАЕВ

С детства помню о барабанщике, который «песню веселую пел, но вражеской пулей сраженный, пропеть до конца не успел». Заканчивалась она так: «Погиб наш юный барабанщик, Но песня о нем не умрет».

Пели мы ее и в школе. Тогда она звучала не только как славная легенда. Потому что жили мы в ожидании войны. И она пришла.

Как-то в конце июня 1941 года я зашел в тихую по-летнему школу и застал там несколько одноклассников. Ничего определенного не зная, все говорили о том, что скоро нам, комсомольцам, куда-то надо будет ехать. Эта новость не вызывала ни особого удивления, ни озабоченности. Раз надо, значит, надо.

И, действительно, еще через день-другой, зайдя снова в школу, я узнал, что комсомольцам девятых и десятых классов надлежит явиться во двор соседней школы. Кроме комсомольцев, приглашались вообще все желающие ученики 9—10-х классов. Было сказано, что надо будет ехать куда-то из Москвы. Зачем и на сколько, никто не знал. Но причина поездки подразумевалась — война.

Дома у меня эта новость переполоха не произвела. И сборов никаких не было. Может, потому, что в те дни еще никто не представлял всей серьезности случившегося. Короче говоря, утром в своем выходном костюме и полуботинках, в новеньком длинном демисезонном пальто я двинулся на сборный пункт. В дорогу захватил шахматы, полотенце, мыло, зубную щетку. Шахматы — под мышку, туалетные принадлежности распихал по карманам. И все! Никто меня не провожал, с отцом и матерью прощание было весьма сдержанным, без особых эмоций.

В чужом школьном дворе, через два переулка от нашего дома, толкалось несколько сот старшеклассников из близлежащих кварталов. Со стороны могло показаться, что они собрались на демонстрацию. Девчата выглядели особенно празднично, нарядно.

Наяривал крохотный духовой оркестр. Приходящих записывали у ворот. О цели всего этого мероприятия — ни слова.

Наконец, после долгого промедления, уже в полдень, всех построили и сделали переключку по только что составленному списку. Сказали, что комсомольцы и молодежь Москвы в связи с начавшейся войной направляются на выполнение специального задания. Коротко и абсолютно неясно! Впрочем, никто из нас, по-моему, и не беспокоился, куда и зачем. Важнее было — «надо».

Потом, уже когда завершилась вся эта эпопея, оказавшаяся, как и многое в то время, одновременно и героической и трагической, стало ясно, что с самого начала переборщили с секретностью. Можно было бы, не вдаваясь в детали, попросить нас

хотя бы экипироваться соответствующим образом, иначе собраться в дальний поход, из которого потом не все вернулись домой. Помню, как уже на Днепре видел старшеклассниц, которые на высоких каблучках бежали от бомб и пулеметных очередей с воздуха. Им бежать от смерти было труднее, чем нам в мальчишеских ботинках. И вот тогда меня вдруг осенило: «Что же это нас никто в Москве не предупредил, куда и зачем мы едем?»

Впрочем, в те первые дни войны, очевидно, мало кто и мог бы делать такого рода предупреждения. Во-первых, все мы готовились мгновенно уничтожить врага на его же земле. Это само собой разумелось. Во-вторых, официальные сообщения Совинформбюро с самого начала войны не могли вызывать особого беспокойства. Их уже сегодня читаешь иначе, зная, как все было на самом деле. А тогда, особенно на первых порах, эзоповский язык этих сводок мог только убаюкивать, а никак не мобилизовывать. Обрушившаяся на страну беда первых дней войны была так страшна, что ее всячески старались утаить. Вот строки тех первых сводок: «Противник был отбит с большими потерями», «Противник успеха не имел», «Противнику при его попытке наступать нанесено значительное поражение»... Более сложный вариант: «Соединения противника на этих направлениях отсечены от его танковых частей» (могли ли мы подумать тогда, что на самом деле это означало танковый прорыв?!). И еще в том же духе: «Наши войска вели бои с просочившимися танковыми частями противника». Затем уже последовало: «Наши войска продолжали отход на подготовленные для обороны позиции»... Но и это не очень настораживало. Враг напал внезапно. Еще несколько дней — мы развернем свои силы и погоним его хоть до Берлина!

...Итак, мы под оркестр двинулись нестройными рядами, но весело, с песнями, через центр Москвы, по направлению к Белорусскому вокзалу. Мы шли по улицам и площадям моего детства. Город в последний раз видел многих из нас.

Мне повезло. В тот летний день 1941 года я не знал, что мой путь навстречу войне, начатый этим маршем к Белорусскому вокзалу, приведет меня 24 июня 1945 года на Красную площадь, на Парад Победы. Парад запомнился на всю жизнь так же, как и расставание с Москвой, с детством летом 1941-го. Шел я к Белорусскому вокзалу по залитой солнцем Москве, шел веселый и беспечный, а по брусчатке Красной площади — под проливным дождем, постарев на четыре военных года, радостный, конечно, и счастливый, но уже не такой беззаботный и легкий, как в 1941-м. В войне сгорели те четыре года, какие могли бы быть самыми лучшими из всех мною прожитых...

Даже прошедшие войну без царапинки были тяжело ранены. Все, кроме отпечетых негодяев, для которых война с ее ужасами — родная стихия.

9 мая 1970 года, ровно через четверть века после Победы, сидел я в деревенской избе с тремя местными ветеранами. Пили, конечно, по случаю такого праздника. Я еще с утра сказал им, что никакого парада в Москве не будет. Они не верили. Терпеливо сидели у телевизора. К полудню убедились в том, что я был прав. Их недоумению и негодованию не было предела. И один из них, столяр, бывший разведчик, как бы отстаивая свое право на горчайшую обиду, произнес нечто вроде монолога, причем отнюдь не о том, как он воевал и кровь проливал. Об этом достойные, уважающие себя люди обычно не говорят. Столяр поведал нам:

— Я со старухой больше не сплю вместе. Она меня прогнала. Понимаете, мне война снится... Все

больше, как я иду в разведку и вдруг напарываюсь на немцев. При этом я вздрагиваю во сне, кричу. Старуха завсегда ругалась. А недавно опять тот же сон. Только схватился я с немцем врукопашную. Душу я его, а он меня, сволочь, душит. Тут я и вцепился ему в шею зубами. Так вот чуть старуху свою не загрыз. Еле она от меня отбилась. С тех пор и прогнала с кровати. А они парад не устроили!..

Да, по случаю 25-летия Победы парада не устроили. Додумались до него только в 1985 году. Но многие ветераны его уже не дождались.

...На Белорусском вокзале мы заполнили вагоны «электрички», к которым был прицеплен паровоз. Выглянул я из окна вагона на платформу и увидел, как прощались парень и девушка. Они обнялись и никак не могли расцепиться, когда наш поезд уже тронулся. Было в их расставании какое-то непонятное мне отчаяние, неутешное горе. Они были года на два постарше меня, и, наверное, чуть больше знали о том, куда мы едем, и лучше понимали, что вообще происходит. А я, глядя на них, удивлялся безмерно их такой не понятной мне беде. И сегодня стоит эта пара перед глазами изваянием из двух слепившихся тел на перроне Белорусского вокзала.

Поезд тронулся и пошел на запад. А я нашел себе партнера по шахматам и, склонившись над доской, не видел, как убегала от меня Москва, а за ней и Подмоскovie.

Из нашего класса, кроме меня, в вагоне было еще трое ребят — Андрей и два Бориса, «большой» и «маленький».

Нас недаром усадили в вагоны от «электрички». Путь был не долг. Нас доставили прямо на берег Днепра, точно в то самое место, где через него был переброшен мост шоссейной дороги.

Мы оказались в Смоленской области. Издешковский район, шестой строительный участок — таким был наш адрес.

Наконец, нам объявили, что к чему. Оказалось, мы будем строить оборонительные сооружения вдоль берега Днепра. Руководить нами будут строители московского метро.

Разместили всех тут же, неподалеку. Нам четверым и еще несколькими ребятами из нашей школы отвели сарай, довольно ветхое строение, но для лета вполне сносное. Натаскали мы туда веток и сена и расположились на ночлег.

Ранним утром нас накормили у походных кухонь, построили, разбили на отряды и выдали каждому по лопате. Показали, как ею пользоваться. Объявили, что работать будем круглосуточно, в три смены, а будет нужно — и в две. Вскоре тысячи юных новоиспеченных землекопов растянулись вдоль берега реки.

Нам поручили рыть противотанковый ров. Он тянулся вдоль левого берега Днепра, параллельно ему; где были начало и конец нашего рва, мы не знали. Был он для нас бесконечен, как и сама река. Если Днепр был естественной широкой преградой, то рву предназначалось быть искусственным препятствием на пути вражеских танков. Был он по сравнению с рекой вовсе пустяковым — метра четыре шириной и два глубиной. Казалось бы, сразу напрашивался вопрос: если танки смогут преодолеть широкую реку, то станет ли наш четырехметровый ров для них серьезной преградой? Неужели, перемахнув через Днепр, они не одолеют с ходу узкий и неглубокий ров? Но тогда такой элементарный вопрос нам в голову не приходил.

Мы начали рыть влажную землю. Большинство — впервые в жизни.

Задание, которое было дано на смену каждой

Отрывок из повести «Московский романс».

группе, состоявшей из нескольких человек, казалось чудовищным, невыполнимым. Нам объяснили, что это обычная средняя норма для такого рода земляных работ.

К середине первой рабочей смены загудели, затекали спины, почти у всех стерлись ладони. Но яма наша заметно углубилась и удлинилась.

Потом, через несколько дней, к удивлению нашему, оказалось, что необходимые в этом деле навыки приходят быстро. Мы добрались и до выполнения нормы и перевыполняли ее. Непривычно было работать в ночную смену, зато день после нее казался полноценным выходным.

На всем обозримом пространстве вдоль реки копались в земле тысячи юных москвичей. Мы быстро втянулись в не знакомый до этого нам физический труд. Тяжело только было, вернее, неприятно, когда приходилось работать по ночам на участках с сырой землей, стоя по колено в густой черной и холодной жиже.

Уставали, конечно. Но мучительным, изнурительным физический труд не оказался. Естественное предназначение человека, он был даже не в тягость, а скорее в радость. Впрочем, в 16 лет почти все легко и просто.

Работали мы у самого моста через Днепр. Шоссейная дорога была перед глазами. Ни днем, ни ночью движение на ней не прекращалось в обе стороны, на запад и на восток. Наше внимание больше привлекали те, что шли и ехали с запада. Измотанные и какие-то притихшие солдаты. Мы жадно расспрашивали их, как там, на фронте, дела. Мы были уверены, что фронт еще далеко от нас, от Днепра. Откуда нам было знать, сколь стремительным было наступление фашистских войск? Мы еще в июле спрашивали бойцов на шоссе о том, как дела там, на границе, а к тому времени Минск уже пал. Это случилось 28 июня... Много лет дата падения белорусской столицы была засекречена; столь неожиданным и обескураживающим был захват ее немцами на исходе всего первой недели войны.

Размеры военного бедствия были просто неопишуты. В известном документальном фильме «Великая Отечественная» говорится, что только в первый день войны было уничтожено 1200 наших самолетов. Несколько лет, предшествовавших 1941-му, мы читали и слушали о грядущей войне, но к таким потрясениям готовы не были. Полстраны двинулось под ружьем на запад, полстраны — на восток, в эшелонах, забитых эвакуированными и вывозимой техникой. И в это разнонаправленное движение десятков миллионов людей страшным смертельным клином вонзалась еще одна сила, поднявшая весь этот трагический хаос, — наступавшие немецкие войска. В первые месяцы войны скорость их продвижения была ошеломляющей. За узкими стрелами танковых прорывов, за своими спинами они нахально оставляли разметенные в разные стороны наши войска.

И, как это ни парадоксально, именно в сказочных первоначальных успехах врага зародилось его неизбежное поражение. Не менее стремительным, чем наступление агрессора, был крах его блицкрига, на который тот стопроцентно рассчитывал. В мгновение ока было захвачено неизмеримо много, а конечная цель все же достигнута не была. И что самое главное — она даже не маячила впереди. Огромная потрясенная страна только-только начинала расшевеливаться и рычать, как разбуженный в берлоге медведь, чей гнев и ярость еще вырвутся вместе с ним из растревоженного ложа.

Такого начала войны и последовавших за ним четырех ее лет вполне хватило бы для любого поколения в качестве одного главного испытания. Но с моим поколением судьба обошлась сурово. Трагедии сорок первого года суждено было разыграться сразу вслед за трагедией тридцатых годов. И, несомненно, есть между ними самая тесная кровная связь.

Закалилось или сломилось от этих испытаний мое поколение? (Правда, для качественной закалки был явный избыток огня и крови.) Впрочем, ответа на этот вопрос, пожалуй, нет. Потому что от поколения немного осталось. Оно полегло в родных и чужих землях — от Вольги до Берлина.

На другой день после падения Минска (о котором, повторяю, страна не знала), 29 июня, Совинформбюро сообщало: «Наступление танковых частей передового эшелона противника на Минск и Слуцком направлениях остановлено действиями наших войск. Танковые части противника несут большие потери». Кто мог подумать тогда, что «остановлено» означает захват Минска и что отныне «Минским направлением» в наших сводках будет называться уже продвижение противника на восток от Минска! Кто-то так и додумался называть эти направления именами городов не только тогда, когда враг шел на них с запада, но и тогда, когда, захватив их, шел дальше на восток.

Третьего июля 1941 года Сталин в своем первом после начала войны выступлении по радио остался верен себе и перед лицом наших катастрофических

поражений заявил: «...Лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты...». Тем самым он дал команду, а уж Совинформбюро сумело этот его тезис развить как надо. Если сложить все потери немцев, подсчитанные в кабинетах Совинформбюро за всю войну, то, думаю, и населения тогдашней Германии не хватит, чтобы их покрыть. Уже в октябре 1941 года начальник Совинформбюро А. Щербаков писал в своей статье, что немецко-фашистские войска потеряли на Восточном фронте более трех миллионов убитыми, ранеными и пленными. В 1979 году в тексте к документальному фильму «Великая Отечественная» говорилось, что на нашу территорию в 1941 году вторглось пять с половиной миллионов немцев. А вот Сталин в своем докладе 6 ноября 1941 года заявил, что немцы потеряли к тому времени более четырех с половиной миллионов человек!

В сводке Совинформбюро от первого июля 1941 года мы читали: «Днем 1 июля наши войска вели упорные бои на Мурманском, Кексгольмском, Двинском, Минском и Луцком направлениях. На остальных направлениях и участках фронта наши войска удерживали госграницу и вели борьбу с противником, пытавшимся ее нарушить». А в те дни госграница как таковая осталась только на нашем далеком Севере. Через три дня после падения Минска Совинформбюро сообщало: «На Минском и Двинском направлениях наши войска в ночь на 2 июля развернули боевые действия по уничтожению передовых танковых частей противника». Для нас это звучало как начало разгрома немцев под Минском, а на самом деле они наступали дальше, уже захватив город...

Приносила ли пользу тогда вот такого рода «информация»? Сейчас трудно сказать. Но если такого рода «информация» и сыграла в те годы свою положительную роль, то только потому, что других источников информации практически не было (редкие в то время радиоприемники были у владельцев конфискованы в самом начале войны). Сейчас, сорок с лишним лет спустя, в наш транзисторный век, такая «информация» не только не проходит, она наносит страшнейший вред...

Мое поколение, — вернее, та небольшая часть его, которая не погибла и пережила войну, — испытало на себе колоссальное воздействие так называемого «взрыва информации». Причем у нас он потряс всех людей и все основы с удесyтеренной силой. Ведь в довоенные годы все сто процентов информации о мире, окружающем нашу страну, исходило из наших же источников. Во время войны это железное правило было нарушено, когда мы, преследуя немцев, вступили на их территорию и в страны Восточной Европы и увидели неведомый нам мир.

Еще до этого, тоже в ходе войны, контакты с западными союзниками — США и Англией — обрушили на нас много неожиданной информации. Мне запомнились встречи с американскими и английскими моряками на Северном флоте. Большие морские караваны, огибавшие с севера Скандинавию, доставляли на наши базы не только оружие, военное снаряжение и продукты, но и тысячи чужеземных моряков и офицеров. Личное знакомство с ними, с их образом жизни, так отличавшимся от нашего, вызывало удивление, порождало необычные мысли. Бросалась в глаза их раскованность, свободная манера поведения. Не могла не поражать их более чем солидная материальная обеспеченность, которая на фоне нашего существования выглядела прямо-таки богатством, роскошью. Странно было видеть у них отсутствие той крепкой дисциплины, которой отличался наш флот. И, наконец, завезли они к нам массовые венерические заболевания, чего до них наш Север не знал.

А наши солдаты и офицеры, которые пришли в Германию и страны Восточной Европы, вообще столкнулись с лавиной новых впечатлений. Со мной в военно-морском госпитале на соседней койке лежал молоденький десантник, бывший в Германию с моря. Война не оставила в его душе такого следа, какой оставили немецкие деревни. Он, крестьянский сын, мог без конца рассказывать об увиденном там. Даже молодые немки, тоже поразившие его воображение, стояли на втором месте после деревенских впечатлений.

Тогда я с высоты моего столичного и флотского воспитания снисходительно выслушивал забавные истории, которые рассказывал мне этот милый паренек. Сегодня я вижу его в ином свете. С его неожиданно расширившимся кругозором, новыми знаниями, озаренными огнем войны, вижу я революцию информации, пережитую в те годы всей страной. Ту самую революцию, которая продолжается сегодня и набирает темпы.

Не многовато ли информации для одной человеческой жизни? Вопрос, увы, риторический. Ее поток не остановишь. И людям свойственно ее жаждать. В довоенные годы, будучи на голодном информационном пайке, придумывали у нас всякие чудные небылицы. Скажем, разнесся по Москве слух, что поймали дикую женщину ростом с двухэтажный дом

и посадили в зоопарк. Туда началось паломничество. Не помню точно, но, кажется, даже в газетах было разъяснение по поводу этого вздора. Или другая нелепица тех лет: бесконечные разговоры о том, что какие-то преступники крадут детей и делают из них... мыло.

Но вернемся в год 1941-й под Смоленск. Над нами то и дело летали вражеские самолеты, днем летали высоко, так как мост был защищен зенитной артиллерией, ее немцы побаивались. Наш ров они не бомбили вовсе. Очевидно, их специалисты считали эту нашу затею бессмысленной и к тому же притягивающей к себе десятки тысяч рук, которые можно было бы с пользой употребить в другом месте.

Для нас стало привычным делом наблюдать воздушные бои, которые часто сводились к поединку двух самолетов, нашего и фашистского. Даже когда в небе сталкивалось несколько машин, они все равно обычно делились на пары и гонялись друг за другом по кругу.

По ночам фашисты то и дело бомбили мост. Мы жили в сарае совсем неподалеку от него, и под нами аж земля вздрагивала от разрывов тяжелых бомб. А однажды утром, проснувшись после такого очередного налета, мы с удивлением обнаружили, что угол нашего сарая был прошит крупнокалиберным пулеметом. Вероятно, немец стрелял на бредущем полете, но из нас никого не задело...

А какое благодатное тогда стояло лето! Хлеба выше головы! Урожай ожидался отменный...

Я ходил теми тучными полями с нашей стройки до Издешкова на почту. Туда, до востребования, писали нам из дому, оттуда мы отправляли письма в Москву. Один, так далеко от дома, в полях (несколько километров пути до почты), я никогда еще не бывал. В своем самом ярком летнем цвете открывалась передо мной наша земля в те дни 1941 года. Потом, уже отступая к Москве, я видел те же поля в огне. Потому, наверное, запомнились они так отчетливо: в цвету, душистые, в зеленых волнах.

Июль 1941-го горячо ласкал Смоленщину, а с запада уже и к ней подкатился враг. По многим тревожным признакам мы ощущали приближение беды, наше шоссе и наш мост через Днепр были зеркалом, отражавшим страшный лик идущего на нас фронта. Но нам никто ничего не говорил, не сообщал о действительном положении дел (ни сводки Совинформбюро, ни наши строительные начальники, ни бредущие по шоссе бойцы).

Впервые на понятном для нас языке кое-что определенное сказали нам орудийные раскаты. Шли они на нас с запада, с того берега Днепра. И по-прежнему нам никто ничего не сообщал, но и без того было ясно, что фронт подошел к нам.

А мы продолжали рыть землю. И жили в нашем сарае. Привыкли уже к лопате, и оставалось время на откуда-то добытые книжки, шахматы, футбол, даже... на драки. Как-то я сцепился с одним десятиклассником. Год разницы — невелика беда, но он тоже был спортсменом, причем сильным. Серьезная была драка, я даже заплакал потом, чему сам удивился, потому что любил подраться и в этом смысле был закаленным.

В свободное время мы много говорили, чаще всего перед тем, как отойти ко сну. Это были по-настоящему серьезные разговоры. И главное — искренние (нам было по 16 лет!). Воспитанные четко по схеме «всех шапками закидаем», мы впервые сами увидели войну не в кино, а наяву. Разительный, вопиющий контраст между нашими представлениями и действительностью! И в спорах, разговорах мы искали выход из густой чащи недоуменных вопросов, которые вдруг встали перед нами. Прийти к чему-то определенному, додуматься до чего-то, найти хотя бы полубъяснение происходившему мы, конечно, не могли, но наши беседы несколько разгружали от свалившейся на нас тяжести непонятных открытий.

Мы так и держались вместе, четверо одноклассников — Андрей, оба Бориса и я. Постоянно вспоминали Москву и школу, как самое милое, родное и ушедшее. Едва только столкнувшись с войной, уже вовсе не задумывались о том, как это мы будем учиться дальше, в девятом классе. Даже самое главное в нашей жизни — учеба — отодвинулось куда-то из-за войны, которая, нам было уже ясно, еще многое сотворит с нами.

Под первые орудийные раскаты, громыхавшие еще далеко-далеко и едва доносившиеся до нас, мы проводили в Москву Бориса «маленького». Он тяжело заболел, температура была под сорок. Наверное, простудился, когда мы работали в ночную смену по колено в грязи. Через несколько дней, утром, когда мы собирались на работу, объявили общее построение. Один из наших метростроевских начальников сказал несколько слов, суть которых сводилась к следующему:

«Все работы прекращаются. Приказываю всем разбиться на группы по три-четыре человека и немедленно идти в восточном направлении по шоссе, на Москву. Если невозможно будет двигаться по шоссе, идти параллельно ему, все время на восток.

Каждой группе взять по одной девушке и помогать им в дороге, не бросать их одних. Выходить отсюда сразу после того, как получите хлеб и сыр».

Мы взяли по краюхе хлеба, куску сыра и двинулись.

Было нас снова четверо. Вместо Бориса «маленького» девушка, не из нашей школы, незнакомая десятиклассница, она казалась много старше нас. Совсем не оробевшая, боевая, сильная, полногрудая девушка сама подошла к нам и сказала: «Можно я пойду с вами?»

Не было и намека на панику. Во-первых, молодость, которая ничего не боится. Во-вторых, полное отсутствие достоверной информации о положении на фронте. Мы спокойно, даже весело пошли вдоль шоссе, по обочинным дорожкам и тропинкам: само шоссе было забито, да идти стороной, по зелени, в тени, было приятней. Нас поразила первая же деревня на пути. Почти все жители оставили ее. Значит, опасность была уже так близка?! Очевидно, деревенские знали о положении на фронте получше нас, в общем-то изолированных от внешнего мира на нашей стройке. Пожалуй, впервые мы немного растерялись. Большая деревня без людей! Среди бела дня пустынно, как ночью.

Отыскали все же один дом с людьми. Пожилая пара, встретившая нас, была настроена мрачно. Уходить, как они сказали, не было сил, а оставались как на погибель. Женщина по-деревенски причитала над нами, как над уже попавшими в большую беду. Для нее мы были вовсе несмышленными мальчишками.

Так шли мы, шли вдоль шоссе, и вдруг — затор. Говорят, впереди высадился немецкий десант и перерезал дорогу. Тут же откуда-то налетели самолеты, начали бомбить и расстреливать дорогу из пулеметов. Мы подались в лес. Куда идти? Вперед? А десант? Отошли по лесу от дороги с полкилометра, присели под кустом. Решили переждать бомбежку. Начали играть в карты — в подкидного дурака. Под грохот бомбежки. Это была не бравада и не дурачество. Просто, как и до этого, в нашем сарае у моста, было не страшно. Объяснить это могу только молодостью.

В самый разгар «подкидного» над нашими головами раздался пронзительный свист бомбы. Он нарастал и нарастал, как будто ввинчивался в наши макушки. Наконец, через какие-то мгновения он и вовсе оглушил нас. Но взрыва мы не услышали. Вдруг стало тихо-тихо, только треснули ветки и посыпались листья. В нескольких метрах от нас стоял торчком, воткнувшись в землю, бомба ростом с человека. В густом кустарнике она выглядела, помнится, серо-зеленой.

Мы быстро собрали карты и зашагали дальше, в сторону от шоссе. То ли мы обошли десант, то ли он был уже уничтожен; то ли его вообще не выбрасывали; не знаю. Снова зашагали вдоль шоссе, чтобы не сбиться с дороги.

Переночевали в поле, в сене. С утра двинулись дальше. Бомбить и обстреливать с воздуха стали чаще. Мы отбегали в сторону от дороги, в лес или кустарник, отсиживались там и потом продолжали путь.

То и дело наталкивались на такие же группы московских школьников. Обменивались, как теперь говорят, информацией. Узнавали о первых жертвах, убитых и раненых ребятах. Похоже было, что мы избежали главной опасности, не застряли в тылу наступающих острыми клиньями фашистских войск. Встречавшиеся нам рассказывали, что многие школьники из других строительных районов не успели высочить так же благополучно, как мы, и оказались в тылу у немцев. Уже в те дни в наших сводках говорилось о «крупных боях на Смоленском направлении», которое неожиданно появилось в сообщениях вместо Минского. На языке тех скудных сводок «крупные бои» могли означать наступление очень больших сил, и ясно, что многим нашим сверстникам выбраться оттуда не удалось.

Возвращаясь на шоссе после очередной бомбежки, мы не раз видели ее страшные следы, разбитые и горящие машины, мертвецов и раненых. Я боялся близко подходить к ним. Дело в том, что уже около первого раненого, рядом с которым я случайно оказался, мне сделалось плохо. Молодой солдат был ранен в грудь. Он лежал на спине и стонал, зеленая гимнастерка потемнела от крови. К нему подбежал кто-то, очевидно, знающий в этом деле толк, и одним махом распорол на нем гимнастерку и рубашку под ней. Потом распахнул их на стороны, словно полы пальто. И тут я увидел вместо белой груди одно сплошное мясо, совсем как в магазине на прилавке, но только живое, чуть ли не дымящееся. Меня замутило...

На Смоленской дороге судьба вырвала меня из отрочества и бросила в суровый мир войны и взрослых людей. И побрел я в иную жизнь по самой многострадальной дороге России. Кто только не осквернял ее тяжелой поступью захватчика! Татары, немцы, поляки, французы... И обильной русской кровью каждый раз смывалась эта скверна. Но одно

дело читать о Смоленской дороге в книгах, другое — самому идти по ней, по прибитой кровью пыли. Идти в шестнадцать лет под надсадный хрип отступающих. Идти, задыхаясь не от усталости или страха (ни того, ни другого, повторяю, по молодости не испытывал), а от неопишемого удивления: что же это происходит?!

В те дни над Смоленским трактом не звучали преступно-легкомысленные песни, расплывшиеся у нас в канун войны, песни о том, как мы мгновенно разобьем всех врагов на их же земле. Да, brave мелодии тех песен уже не были слышны, но они давили на души отступающих не меньшим грузом, чем походное снаряжение на их плечи.

Не раз потом писали у нас о нашей недостаточной готовности к войне (с точки зрения военной, технической, кадровой и т. п.), о наших просчетах. А как с моральным просчетом? Еще, наверное, хуже... И с тем большим величием проявилась по ходу войны главная сила, определившая ее исход, — русский характер. Недаром Сталин, едва придя в себя от потрясения первых дней войны, вдруг вспомнил в своем выступлении третьего июля 1941 года о великих русских именах. Он обратился к ним как к спасительному талисману. А к народу, их породившему, он взывал как к «братьям и сестрам». Потом, как известно, ему пришлось вспомнить даже русскую православную церковь. Не она, конечно, внесла решающий вклад в нашу победу, но и без нее не обошлось.

...Не помню, почему, словно по наитию, у дорожно-го указателя «Гжатск» (ныне Гагарин) мы свернули в сторону и скоро добрались до железнодорожной станции. Была уже ночь. Наткнулись на порожний состав, управлявшийся в Москву, забрались в пустой вагон. На рассвете были в Москве. На Белорусском вокзале к нашему составу устремились часовые, проверили вагоны, извлекли нас и отвели в комендатуру. На всех четверых у нас был один документ — ученический билет Бориса. Он не произвел впечатления на дежурного, и тот спросил наши телефоны. В этот утренний час наши домашние оказались дома. Переговорив с ними и записав телефоны, дежурный отпустил нас. Через несколько минут я был дома и узнал, какое это, оказывается, блаженство принять ванну. А потом — ел, наверное, не меньше часа.

От войны мы пока ушли, а от бомб нет. Москву бомбили. Вскоре, когда волна воздушных налетов на столицу прошла, оказалось, что особые повреждения нанесено не было. А выглядели эти налеты не то чтобы страшно, но эффектно, красочно.

Вначале немцы увлекались «зажигалками» — небольшими зажигательными бомбами. Думали, очевидно, спалить город. Но, по-моему, кроме Тишинского рынка, ничего более солидного не сожгли.

Я хорошо видел бомбежки с крыши, а одну — с Пушкинской площади.

На площади меня с моим одноклассником Андреем, тем самым, что был на Днепре, застала воздушная тревога. Надо было куда-то укрыться. А тогда в самом центре площади, на проезжей части, стоял, простите, общественный туалет. Он был запрятан под асфальтом и выступал над ним метра на полтора, деля проезжую часть на две стороны. Под вой сирены мы с Андреем сообразили, что до бомбежки можно скрыться от глаз патрулей именно в туалете, а потом высунуться наружу и без помех наблюдать за всем, ибо в центре площади наверняка не будет никого, никаких патрулей, и видно оттуда во все стороны. Так и сделали. И не прогадали.

В тот раз к центру Москвы прорвалось несколько самолетов. Бросали много «зажигалок». Штук шесть упало на площадь. Их потушили. С ними научились управляться быстро. Где-то ухали и тяжелые бомбы, но не около нас. А в небе шарил десятка яркочеловеческих прожекторных лучей, освещая причудливые толстые «колбасы» — надутые огромные баллоны, по идее, служившие преградой на пути вражеских самолетов. Время от времени белый луч вдруг выхватывал из черно-синего неба самолет, и тут же несколько других лучей скрежидились на нем и уже не выпускали обратно в темноту. К этому скрежению устремлялись цветные трассы пуль, а вокруг него рвались снаряды. Вся эта какофония звуков и феерия красок дополнялись тем, что немцы бросали на город осветительные ракеты. Подвешенные к небольшим парашютам, они медленно опускались на город, заливая светом его опустевшие улицы и площади.

Та тревога продолжалась несколько часов. Мы насмотрелись вдоволь.

Еще большее поле обозрения открывалось с крыши нашей школы. Когда мы вернулись с берегов Днепра, то сразу же направились в школу, где преподаватель физкультуры, Ефим Михайлович, зачислил нас в отряд противовоздушной обороны. Жили мы все рядом со школой и должны были по тревоге бежать туда и пулей лететь на крышу. Ждать там «зажигалки». Так мы и делали.

Несколько ночей просидели мы, когда на крыше,

когда на чердаке, в зависимости от погоды. Всегда там было под руководством физкультурника пять-шесть ребят и наш школьный дворник. Однажды тяжелая бомба прошла насквозь подъезд многоэтажного дома метрах в ста от нас. Говорили, что погибло человек тридцать. «Зажигалок» на нашу крышу не падало, их вообще стали бросать меньше, перешли на бомбы, убившись, что город не спалишь.

А вскоре пришло и наше последнее дежурство. Было прохладно. Поэтому мы столпились не на крыше, а на чердаке. И мы еще не знали, что нам уже чудовищно повезло, когда мы решили не выбираться, как обычно, на крышу.

Затем заспорили с Ефимом Михайловичем. Он требовал, чтобы мы разделились на две группы и разошлись в разные концы чердака. А мы же категорически протестовали. Всем вместе, мол, веселее. А до «зажигалки» всегда успеем добежать. Как-то мы одолели нашего учителя и устроились в середине чердака. Так нам повезло в ту ночь во второй раз.

Снова где-то ухали бомбы, громыхали зенитки, трещали зенитные пулеметы... И вдруг раздался такой же вой, что и на шоссе на Смоленщине. Он так стремительно нарастал, но тишиной не оборвался. Разодрав уши, вой потонул в грохоте взрыва и скрежете железной крыши. Похоже было, что она приподнялась и снова опустилась на прежнее место. Страшная пыль (поднявшаяся с чердачного пола) закрыла от нас все и мгновенно забила горло, нос и глаза. Мы оглохли и ничего не могли разглядеть. Показалось, что здание качнулось. Но мы никуда не упали. Не знаю, сколько секунд прошло до того момента, когда мы сделали первый шаг к выходу с чердака. Пробирались на ощупь. Только начали двигаться, обнаружили, что дворник ранен в голову. Остальные уцелели. Подхватили его под руки и наполовину несли, наполовину волокли. Труднее всего было на лестнице. Она качалась. За перила уже не схватиться. Пробирались по стенке, а она вся пошла трещинами. Кое-как спустились. Бомбой оторвало угол нашей школы, а около стены, на заднем дворе, образовалась большая воронка. Если бы мы по совету физкультурника разделились на две группы, расположившись по краям чердака, то одна, несомненно, погибла бы, причем не оставив после себя и следа. Так меня миновала моя вторая бомба.

Наступила осень 1941-го. На крыше полуразрушенной школы дежурить было уже невозможно. Я пошел в военкомат.

Жизнь была трагична и стремительна. Фронт неудержимо надвигался на Москву. К середине октября 1941-го немцы на западном направлении вышли на ближайшие подступы к столице.

В те дни я был, наверное, одним из самых беззаботных и счастливых москвичей, потому что только-только начал ходить в новенькой с иголки военной морской форме. Встретил в ней и 16 октября — самый трудный день в истории Москвы после осени 1812 года. Собственными ушами слышал сообщение по радио о том, что положение под Москвой значительно ухудшилось. Немцы вплотную подошли к Химкам. Сейчас на этом рубеже стоит монумент в виде гигантских противотанковых «ежей». Их увидишь вскоре после того, как выедешь из Москвы, следуя на запад по Ленинградскому шоссе.

Мне пришлось в тот день идти пешком через всю Москву. В первый и последний раз за годы войны город кое-где поддавался панике. Не работало метро, во многих магазинах продукты не продавались, а раздавались или растаскивались, тысячи жителей устремились к магистралям, ведущим на восток.

А через несколько часов я уже ехал в военном эшелоне, впервые в жизни в товарном вагоне, набитом до предела такими же юнцами, как я.

Через открытую дверь вагона было видно, как на окраинах города москвичи строили баррикады, прямо на улицах устанавливали противотанковые «ежи». В те дни можно было прочитать в «Вечерней Москве» большую статью, которая называлась «Уличные бои».

...Наша школа стоит по-прежнему. В ее дворе сооружен памятник. Четыре фигуры — двое девушек и двое парней. Они уходят. Один из парней прощально машет школе рукой. На постаменте надпись: «Школьникам Свердловского района Москвы, павшим в 1941—1945 гг.».

И снова, как и в начале биографии моего поколения, звучит все та же песня — «Погиб наш юный барабанщик»... Но слышится она уже не на улице, а только в душе моей. У каждого времени свои песни.

Говорят, что от мужской половины поколения 1920—1925 годов осталось после войны только три процента. А сейчас сколько?.. Будто их и не было. Но они были. И была вокруг них тогдашняя жизнь. Вынуть ее из истории и выбросить нельзя. Без нее нет настоящего и будущего, которые вырастают из прошлого. При этом радость уходит с ушедшими, а горе, если оно не высказано и не оплакано, проступает родимым пятном в будущем.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВРУБЕЛЬ

Сама личность Врубеля удивительна. Широко образованный, знавший многие европейские языки, всегда аккуратно и даже щегольски одетый, вежливый и тактичный, хотя и способный на собеседника взглянуть свысока, он при этом почти всю жизнь бедствовал, иногда оставаясь с пятью копейками в кармане или с трудом перебиваясь малым вознаграждением, получаемым за уроки рисования. Он болезненно ощущал несправедливость, но специально не искал успеха, его не интересовали художнические дела, он даже не ходил на выставки. Он поражал своих друзей нелепыми выходками: мог в состоянии неуравновешенности записать картину, разорвать прекрасный акварельный рисунок. Он ценил не столь результат, сколь творческий процесс. Из своей жизни Врубель сам творил легенду. Он жаждал свершений, сильных впечатлений, больших событий. Внутренняя страсть, наполнявшая душу конфликтами, словно сотрясала

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА.
ПОРТРЕТ
Н. И. ЗАБЕЛЫ-ВРУБЕЛЬ.
1905

Начало на вкладке 1

КАМИН (фрагмент)

ВЕНЕЦИЯ. 1893.

«земную поверхность» его жизни. Круги, расхопившиеся от его внутреннего напряжения, достигали не только всех обыденных обстоятельств бытия, но и проникали в плоть каждого произведения. Рукой художника как бы водила его внутренняя боль, борьба. Движение руки становилось прямым выражением душевного движения.

Свои образы Врубель наполнял многообразными смыслами, которые нельзя перевести в словесный ряд, литературно проиллюстрировать. Он погружает нас в сокровенные тайны природы,

одушевляя ее, соединяет живое и мертвое, словно напрягает мятущуюся душу самой материи, из которой выстроен земной мир. Его мышление поистине мифологично. Дело не в том, что его героями становятся Пан или Богатырь. Не менее мифологичны врубелевская «Сирень» или «Раковина», а может быть, даже и портретные образы Мамонтова или жены художника — замечательной певицы Забелы-Врубел. Они как бы выведены из обыденной реальности, возвеличены, но одновременно и абсолютно правдивы.

ДЕКОРАТИВНАЯ ВСТАВКА «ПАВЛИН»

Стремясь к глубокому осмыслению и обобщению натуры, Врубель совершал подлинные открытия в области художественной формы. Он «гранил» фигуры или предметы плоскостями, пересекающимися друг с другом и словно создающими устойчивую конструкцию. Он постигал самоценность цветового пятна и добивался того, чтобы краски на его холстах сияли внутренним светом, сверкали, как драгоценные камни. Бесконечно любя натуру, Врубель вместе с тем выводил образ из-под власти поверхностного жизнеподобия, часто ставил зрителя перед загадкой не только сюжета или темы, но и формы самого предмета, заставляя домысливать, додумывать, творить вслед за художником.

Творческая жизнь Врубеля была довольно короткой. После Академии художеств, которую не окончил, он проработал несколько лет в Киеве, затем переехал в Москву, где прошло его лучшее время (с 1890-го до 1902-го). В начале века тяжелый недуг прервал расцвет художника. С 1902 года и до самой смерти большую часть времени он проводил в лечебницах. Ему пришлось бросить живопись и целиком перейти на графику. За четыре года до кончины слепота заставила его оставить и графику.

Он сошел со сцены тогда, когда не признававший его прежде художнический мир наконец-то понял гениальность Врубеля. Слава пришла слишком поздно. Она уже ему не помогла.

ДЕТСКАЯ ПЕЧЬ-ЛЕЖАНКА

ТРИ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Начало на стр. 8.

отнодь не прерывались в этом тонком и изысканном искусстве. Не случайно рядом с фантазией, сказкой, мечтой в среде «голуборозовцев» рождался и неоприми́визм, превратившийся позже в сильное направление русской живописи 1910-х годов и целиком ориентированный на национальные образцы народного творчества.

Однако последовательное воплощение эта новая тенденция искусства получила в творчестве художников, создавших объединение с вызывающим названием «Бубновый валет», а еще позже на выставках, организованных Ларионовым, — «Ослиный хвост» и «Мишень». Художники «Бубнового валета», отвергая своих прямых предшественников — передвижников, академистов, «мирискусников», символистов, вовсе не пренебрегали традициями вообще. Они вдохновлялись народным творчеством — городским и крестьянским. Их интересовал лубок, народная игрушка, роспись по дереву, северная икона, деревянная скульптура, вышивка, уличные вывески — все то, что исполнено было необычайной остроты народного зрения, простодушного юмора, открытого представления о мире, не знающего тонких эстетических ухищрений, не ведающего разницы между высоким и низким, поэтическим и прозаическим. При этом русские неоприми́висты (как они сами себя называли) обращались именно к национальным истокам. Но, кроме того, они возрождали внутренние традиции русского искусства — сюжетного жанра, рассказа, пластического повествования.

Через неоприми́визм прошли многие художники русского авангарда. Для Ларионова этот этап был едва ли не самым плодотворным, хотя за ним последовало и изобретение одного из видов беспредметной живописи — лучизма. Для Малевича неоприми́визм стал шагом на пути к супрематизму. Кандинский использовал в своем абстрактном экспрессионизме наследие народной религиозной картинки. Прими́визм как бы вплавлен в сердцевину творчества Филонова и Шагала.

В 1910-е годы художнические объединения становились все более кратковременными. Несколько лет продержался петербургский «Союз молодежи», куда входили Филонов, Розанова и другие. Затем художники Москвы и Петербурга начали устраивать футуристические выставки, а все авангардное движение было объединено общим понятием кубофутуризма. Понятием, включившим в себя два несочетаемых. Кубизм, который распространился в то время по всей Европе, начав свой путь из парижских мастерских, во многом противоречил и противостоял футуризму — течению, возникшему в Италии и захватившему почти все виды художественного творчества. Наименование — «кубофутуризм» — оправдывалось скорее не чисто стилистическими соображениями, а тем, что под его «крышей» нашли себе место для творчества, сотрудничества и дружбы поэты-футуристы (или будетляне, как они себя называли) и живописцы, так или иначе прошедшие опыт кубизма. Ларионов и Маяковский, Хлебников и Филонов, Татлин и Бурлюки, Лентулов и Каменский, Малевич и Крученых — все они составили единый круг, одно общество, где поэт учил живописца образно мыслить, а живописец поэта — зорко смотреть.

Они сотрудничали, устраивали диспуты, издавали манифесты, эпатажили публику с ее привычными буржуазными вкусами, часто спорили и соперничали друг с другом. Эти несколько предреволюционных лет стали настоящей школой для поэтов и живописцев, талант которых в спорах только мужал и креп. Русские авангардисты не занимались «чистой живописью». Они, как и многие их предшественники, искали ответа на важнейшие вопросы жизни, проповедовали, пророчествовали, мечтали о духовном возрождении человечества и прилагали все силы к тому, чтобы это возрождение осуществилось. Что бы они ни говорили сами о разрушении старого, их творчество было сплетено с глубинными традициями русской культуры.

В большинстве своем русские художники, настроенные прогрессивно, ждали революцию, приняли в ней участие и вскоре же начали ей служить. Они сразу нашли для себя широкое поле деятельности — в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды, в оформлении городов к праздникам, в охране памятников культуры и старины, в преподавании в самых различных школах и изостудиях, которые позволяли привлечь к искусству людей, прежде не имевших о нем даже приблизительного представления. Сначала «левые», а затем и остальные живописцы постепенно приобщились к этой новой деятельности, которая укрепила их место в жизни, раскрыла перспективы, указала цели.

Между тем, когда прошли годы наивысшего напряжения в жизни молодой Советской республики и на-

чалось планомерное восстановление хозяйства после разрухи, искусство вновь подчинилось естественному ходу своего развития, стремясь воссоединиться с волей народа, с теми процессами, которые происходили в стране. Оказалось, что традиции 10-х годов живы, практически не прерывались и стали обретать новое качество. Многие живописцы, которые были связаны с реализмом передвижников, с традициями «Союза русских художников», образовали АХРР (Ассоциацию художников революционной России); бывшие «голуборозовцы» и «мирискусники» составили ядро объединения «Четыре искусства»; традиции предреволюционного экспрессионизма легли в основу мастеров объединения ОСТ (Общества станковистов); ученики и последователи Ларионова, в то же время уже находившегося в Париже, сколотили группу «Маковец»; Малевич возглавил целое направление, связанное с «изобретенным» им супрематизмом; из опыта Татлина в 20-е годы родился конструктивизм, который захватил и изобразительные искусства, и архитектуру; бывшие «Бубновые валеты», а с ними вместе и некоторые прежние импрессионисты образовали ОМХ (Общество московских художников).

Я перечислил здесь лишь некоторые — хотя и важные — группы и направления в искусстве 20-х годов. Их было гораздо больше. Они возникли не только в Москве и в Петрограде, не только в столицах республик, но и в маленьких городах. Эти объединения устраивали свои выставки, подчас издавали плакаты или литературу об искусстве, писали программы, манифесты, формулировали свои творческие задачи. Многие спорили друг с другом; некоторые оставались нейтральными, хотя, не вступая в спор, весьма последовательно проводили именно свою линию. Разумеется, каждое из таких объединений завоевывало свою публику, своих зрителей, почитателей и «болельщиков».

Эта свободная борьба, этот дух соревнования, дававшие возможность каждому направлению, каждой индивидуальности выразить свое собственное творческое суждение, были отличительным качеством художественной жизни 20-х годов. Именно такой принцип руководства искусством выдвинула тогда партия. В 1925 году была принята резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», где говорилось о свободном соревновании различных группировок и течений, о недопустимости администрирования и казенно-бюрократического подхода к руководству искусством. Именно эта политика способствовала тому, что почти все художественные направления, развернувшиеся в предреволюционное время, получили новые импульсы после свершения революции и сумели найти свое место в художественной жизни этого десятилетия.

Разумеется, нельзя представлять себе первую треть XX века — и в том числе 20-е годы — как некий идеальный «золотой век» искусства (не помышляя на «серебряный век»). Шла тяжелая и трудная борьба. Подчас совершались акты несправедливости. Современники кого-то не замечали или недооценивали. Но прошло время. И уже история восстанавливает справедливость. Пришло время объективно смотреть на прошлое. Тем более что опыт прошлого может сегодня служить современности. Структура живописи 20-х годов и предреволюционного десятилетия дает нам живой пример сложного художественного многообразия, завоеванного не капризом творческих личностей, а самим ходом исторического развития.

Есть и другие причины, заставляющие нас сегодня обратить взоры к искусству 20-х годов. Художники в то время не ограничивали свою деятельность лишь созданием картин. Они шли в промышленность, проектировали мебель, делали эскизы тканей, разрабатывали такой язык искусства, который открывал путь к промышленному дизайну, к художественному осмыслению визуальной информации. Сегодня в нашем искусстве окончательно разделились сферы станкового и прикладного творчества. Универсализм 20-х годов остается недостижимой мечтой.

Итак, восстанавливая связь времен мы начинаем с первых трех десятилетий XX века. Открывая обзор живописи этого периода Врубелем, мы обращаемся действительно к творчеству родоначальника. Хотя в дальнейшем мы не собираемся строго придерживаться хронологии в общем повествовании. Молодые будут соседствовать со старшими, мастера первого ранга — с художниками второго. В этом свободном передвижении от старших к младшим и обратно, от «первых» ко «вторым» и снова к «первым» мы ищем непринужденного суждения о живописи. Не хочется, чтобы наши подборки напоминали страницы учебника или выстроенной по рангам истории искусства. Но все же мы рассчитываем на то, что подписчик или просто читатель «Огонька» через какой-то срок сможет собрать своеобразный альбом русской живописи, который доставит ему радость и принесет пользу.

Нина МОЛЕВА

ДЕРЕВО И ГОРОД

Преступление? Да, преступление — бесполезно искать иных определений, смягчающих обстоятельств, просто объяснений. Последние два года Москва стала зоной сплошного лесоповала. Трещат под топорами и пилами дворовые посадки, вырубается палисадники, десятками обрушиваются вековые деревья на бульварах. Не удалось отыскать виновных в порубке шестидесяти столетних деревьев на Страстном бульваре. Никто не дал себе труда ответить на бурю писем, вызванную сплошным уничтожением Рождественского бульвара. Любимое место прогулок Льва Толстого и Репина, куда они доходили полюбоваться Москвой из Хамовников, «бульвар вдохновения» П. И. Чайковского и В. Г. Перова больше не существует. Впереди задуманная вырубка четырехсот старейших деревьев на Цветном бульваре. Но это впереди, а 14 января 1987 года топор положил конец существованию настоящей московской святыни — сада, насаженного полтора столетия назад «патриархом русской поэзии», по выражению Гоголя, Иваном Ивановичем Дмитриевым. Его бывший адрес — улица Алексея Толстого, бывшая Спиридоньевская, № 17.

Отечественная война 1812 года лишила Дмитриева насиженного гнезда. На Спиридоньевке он приобретает владение родоначальника семьи Воронцовых Лариона Романовича, тоже сожженного, зато огромное — в целых два нынешних гектара.

Поэт отстраивает небольшое, хотя и необыкновенное жилище. По проекту строителя первого варианта храма Христа Спасителя А. Л. Витберга его стены возводятся из поставленных вертикально бревен, скрепленных железными обручами. В нем размещается превосходная библиотека хозяина. Но главным — главным оставался сад. В нем Дмитриев своими руками сажает каждое дерево, выискивает повсюду семена и отростки редких растений.

Со смертью Дмитриева все владение переходит в руки брата С. Т. Аксакова, и почти полвека аксаковская семья — в 1856 году здесь жил и устраивал свои вечера и сам писатель — бережет старый сад. Серьезные перемены наступают с появлением в 1893 году нового хозяина Саввы Тимофеевича Морозова. По проекту Ф. О. Шехтеля строится на месте старого новый дом, но так, чтобы по возможности не трогать сада. Вековые деревья скрывали морозовский особняк от улицы. Когда-то скрывали они и окна кабинета на втором этаже, где Савва Тимофеевич прятал от полиции Н. Э. Баумана и где собирались опекаемые им «политические», студенты, московские литераторы.

Сегодня деревья больше нет. Спилить их было непросто: в два обхвата толщиной, они сопротивлялись долго всем механизмам. Никто не сомневается, порубка кем-то когда-то была согласована. Правда, не Управлением благоустройства и озеленения ГлавАПУ и не архитектором района. Согласования прошли много «выше», так высоко, что вершители судеб деревьев-памятников не заметили ни меняющихся обстоятельств нашей жизни, ни требований гласности и демократии, необходимости думать об интересах не ведомств, но прежде всего москвичей. В дурмане привычных волевых решений они не задумались над исторической ценностью сада и уж, во всяком случае, постарались избежать всяких разговоров с историками.

Совсем недавно жители микрорайона на улице Воровского провели героическую борьбу за единственный на своей улице 250-летний вяз, который понадобилось уничтожить для возведения на месте крохотного зеленого клочка земли очередной ведомственной стройки. Именно героическую, потому что охраняли свое дерево много недель днем и ночью, в холод и дождь, несмотря на многократные лживые заверения районного и городского руководства и прямые угрозы. И никто не поверит заверениям «зеленых инженеров», что новые посадки будут лучше старых. Каждому новому деревцу надо выдерживать испытание условиями большого города, а о том, как это сложно, говорят и вымирающие липы на улице Горького, и сбрасывающие листву деревья у путепровода под Арбатской площадью. Дмитриевский сад был целым вековым бором, и это несмотря на близость Садового кольца.

Разговор о действиях Управления лесопаркового хозяйства Москвы поднимается не впервые. Почта по поводу них огромна. Значит, необходимо вмешательство государственной вневедомственной экспертизы, а вместе с ней и жесткого контроля общественности. Дерево в городе не может быть ведомственным достоянием. Никто не вправе лишать нас возможности пройти по аллее Пушкина и Гоголя, тем более никто не вправе ухудшать экологических условий. Город должен беречь свои деревья.

«SOS»

ЛОСИНОГ

Борис РЯЗАНЦЕВ,
Дмитрий ДЕБАБОВ (фото),
специальные
корреспонденты «Огонька»

Странная ситуация: чем чаще печать и телевидение привлекают внимание к состоянию Государственного природного национального парка «Лосиный остров», тем чаще он становится мишенью для «любителей природы» различного толка и ранга. Они спешат, пока не поздно, урвать долю от народного достояния. И не гнушаются при этом использовать свое служебное или общественное положение. Свидетельство тому многочисленные факты.

У

браконьера была завидная выдержка. То ли сказывалась привычная безнаказанность, то ли профессиональная подготовка. Житель подмосковного Калининграда Виктор Строганков — сотрудник вневедомственной охраны, специалист по сигнализации. Так вот, он промышлял в заповеднике. Кроме лосиной шкуры, у него обнаружены капканы и винтовка с нарезным стволом, хранение которой грозит лишением свободы на несколько лет. И невозмутимый охранник должен был знать об этом хотя бы по службе. А может, на ее защиту рассчитывал? На поддержку партбюро, членом которого являлся, на поддержку профкома, председателем которого состоял?

Ну и что с того, что в заповеднике охотился. Разве убедит? Тем более его все равно растаскивают кто во что горазд. Кто под гаражи собственные земли занимает, а кто своей властью гектарами отхватывает.

К примеру, земляк «охотника», председатель того же Калининградского горсовета К. Г. Манаенков, — человек с размахом. Поскольку его чрезвычайно заботит, что в «условиях острого дефицита городских земель режим охранной зоны почти на трети городской территории не позволит решить вопросы перспективного развития города в полном объеме, предусмотренном комплексным планом», Константин Григорьевич от имени исполкома считает необходимым «изменить границы охранной зоны». И отхватить от парка ни много ни мало полторы тысячи гектаров. Как будто город не может развиваться не в сторону Москвы, а от нее. И еще обещает, что взамен самовольных гаражей будут построены многоэтажные.

И уж совсем анекдотична ситуация с Калининградским тароремонтным предприятием, расположенным в парке. Сюда едут за ящиками и бочками! А лес для их ремонта и изготовления везут из Сибири. Предприятие активно развивается, несмотря на то, что ему выделена территория вне парка.

Про котельную, о которой «Огонек» сообщал в № 42 (1987 г.), и вообще разговора нет. Слово не вырублены тысячи сосен, словно не разместилась она посреди векового бора. Ни слова о лихорадочном форсировании ее строительства. Не достроив трубу, соорудили временку, чтобы запустить котлы. Чтобы поставить перед свершившимся фактом — есть котельная, значит, новые кварталы в лесу надо возводить. Есть, однако, тому препятствие — на ее эксплуатацию Госкомиссия по охране атмосферного воздуха разрешения не дает. Нет ответа из Калининграда.

Как и про воду, которая даже после очистных сооружений остается остро токсичной. В силу гидрологических условий района она может попадать и в мытищинский водопровод. А ведь когда-то она целебной считалась. Но памятью о том лишь коллектор и столь же старинная Мытищинская водопроводная станция, которую ГПНП «Лосиный остров» предлагал реставрировать и, вернув живую воду, превратить

в действующий музей. У местных властей другие планы — реконструировать станцию. Сотни вековых деревьев уже обречены. А из корпуса старинной кладки тем временем исчез уникальный камин. «Реконструкция», судя по этому факту, началась...

Продолжается пребывание в самом сердце заповедника Центральной научно-исследовательской лаборатории Главохоты РСФСР, несмотря на неоднократные решения о ее выселении оттуда. Людская молва окружила это место нелестной славой: здесь, мол, охотятся «свои» люди. Мы убедились в этом наглядно, застав на местных прудах рыбаков, отказавшихся назваться и сославшихся на приглашение начальства Главохоты. Уму непостижимо: до какой степени может дойти кощунство — охотиться в заповеднике!

В столичной части национального парка тоже не все благополучно. Еще в 1983 году Моссовет готовил решение о строительстве Сокольнического водопроводного регулирующего узла. Тогда

О ОСТРОВА

Лось без опаски
ходил
по Лосиному
острову.
Но в заповедном
лесу
его ожидала
винтовка...

проект отклонили. А вот, совсем недавно, 2 ноября 1987 года, заместитель председателя Моссовета А. С. Матросов благословил его. В результате Главное управление капитального строительства Мосгорисполкома получает под площадку шесть гектаров леса в охранной зоне национального парка близ платформы Яуза. Успели подсчитать: 1707 деревьев будут срублены. А сам узел займет место заповедной речки Будайки, пожалуй, единственной в столице, из которой еще можно напиться, не опасаясь за здоровье. Кстати, Сокольниковский РК КПСС возражает против этого строительства.

Казалось бы, средства массовой информации всеми силами стараются привлечь к бедам Лосино острова всеобщее внимание. Но на многих администраторов призывы эти не воздействуют. Напротив, вызывают совершенно обратную реакцию. «Огонек» так и не дождался ответа от генерального директора производственного объединения «Красный богатырь» М. Г. Муравьева. Вместо письма, видимо, было дано указание форсировать строительство пансионата на территории парка. При этом строители как бы «нечаянно» рвали кабели паркового хозяйства. Познакомимся мы и с актами о завозе «Красным богатырем» мусора на территорию парка. А чтобы не перепутали, от кого «подарок», снабдили «визитными карточками» — бланками производственного объединения. Взывать в этом случае к каким-либо добрым чувствам бесполезно. Его уже и не оценишь как служебное нарушение, скорее, как нарочитый вызов общественности. Мы, мол, по-прежнему в силе. Впрочем, это дело компетентных органов, которым пора бы построже взглянуть на «озорство» неумных администраторов.

Некоторые документы, с которыми довелось познакомиться в дирекции национального парка, со всей очевидностью свидетельствуют либо о полном равнодушии иных начальников к природе, либо об упоении властью. Как, скажем, расценить письмо некоего генерального директора научно-производственного объединения, ратующего за строительство в парке... профилактория и медсанчасти. С той же просьбой на полном серьезе обращается и депутат Моссовета В. А. Солдатенков. А кому, как не ему, по долгу своему перед людьми, избравшими его в Совет, заботиться об интересах большинства.

Между тем в результате выступлений печати и телевидения национальный парк в последнее время получил более пяти тысяч писем в защиту «Лосино парка» и лишь три послания от возмущенных «огородников», лишившихся самовольно разбитых грядок. Весьма показательная статистика.

Самочинные огороды все еще остаются на землях национального парка. Сейчас в производстве только прокуратуры Калининграда двадцать восемь дел о самовольных захватах. Да и на берегу Яузы ситуация остается «веселой». Во всяком случае, «веселыми» были почти все обитатели бункеров и землянок в один из последних выходных. Что делать посреди зимы на огородах? Почему вьются дымки из труб подземных «коттеджей»? Ответ нашли... в баллоне с брагой...

Продолжается активное движение бумаг, но остается на месте дело. Исследования ученых показали, что в последнее время экологическая ситуация в парке резко ухудшилась: вымирают пчелы, сохнут верхушки сосен, чрезвычайно загрязнен воздушный бассейн, появились «кислые дожди», в угрожающем состоянии вода и почва.

ОТ РЕДАКЦИИ: «Огонек» продолжает ожидать от названных в материале организаций не только официальных ответов, но и радикальных изменений по отношению к Государственному природному национальному парку Лосиный остров.

Грэм ГРИН

РОМАН

Рисунки
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Сотрудника британского разведывательного управления Дэвиса подозревают в передаче секретных материалов экономического характера иностранной разведке.

При обсуждении этого вопроса глава разведслужбы Харгривз и доктор Персивейл склоняются к тому, что виновного необходимо устранить без суда и следствия таким путем, чтобы его смерть выглядела естественной.

Полковник Дейнтри указывает на отсутствие прямых улик, позволяющих обвинить Дэвиса. Он также считает, что в случае обнаружения виновного дело следует передать в суд.

Приехав на работу в четверг, Морис Касл увидел записку, в которой секретарша Синдра сообщила о болезни Дэвиса.

Накануне Дэвис провел вечер с доктором Персивейлом.

В тот же день Касл и Синдра проводили Артура. Больной рассказал им,

что чувствует какое-то недомогание: ему не подчиняются руки и ноги.

И вдруг в субботу Морису сообщают о том, что Дэвис умер.

стояла бутылка виски и грязный стакан, рядом валялся журнал «Плейбой».

— Я предупреждал Дэвиса, что ему необходимо бросить пить,— обратился к Каслу Персивейл.— Однако он не придал моим словам никакого значения.

В комнате находились еще два человека. Один из них пролистал «Плейбой» и потряс им над столиком. Второй сотрудник просматривал ящики письменного стола.

— Тут записная книжка с адресами,— сказал он своему напарнику.— Наверно, лучше всего пройтись по всем фамилиям. Надо проверить номера телефонов по справочнику, нет ли разночтений.

— Никак не пойму, что они там ищут,— заметил Касл.

— Обычная проверка,— объяснил доктор Персивейл.— Я пробовал связаться с вами, Дейнтри, поскольку этот случай, собственно говоря, больше касается вас, однако выяснилось, что вы были где-то на свадьбе.

— Да, верно.

— В последнее время у нас в конторе сплошь и рядом отмечаются факты невнимательного отношения к документам. «С» сейчас в отъезде, но не сомневаюсь, что он пожелал бы убедиться, что бедный парень не оставил здесь какие-либо секретные бумаги.

— К примеру, телефонные номера, не указанные в справочнике?— съязвил Касл.— Это трудно назвать невнимательным отношением к документам.

— Ребята всегда действуют в установленном порядке. Не так ли, Дейнтри?

Полковник проигнорировал реплику. Он стоял в дверях спальни и смотрел на Дэвиса.

— А ну-ка взгляни, Тейлор!— воскликнул один из агентов. Он передал напарнику какой-то листок, и тот зачитал вслух:

— Бонн шанс. Каламазу. Вдова Твэнки.

— Белиберда какая-то, верно?

— «Бонн шанс» по-французски значит «удача», Пайпер. «Каламазу» — похоже на какой-то город в Африке,— прокомментировал Тейлор.

— Африка, говоришь? Это пахнет уже чем-то серьезным.

— Посмотрите-ка лучше выпуск вечерних новостей,— посоветовал им Касл.— Возможно, выяснится, что это клички лошадей. Дэвис всегда по выходным играл на тотализаторе.

— Ах, так...— несколько разочарованно заметил Пайпер.

— Думаю, лучше не мешать ребятам,— предложил доктор Персивейл.

— А как быть с родными Дэвиса?— поинтересовался Касл.

— Ими уже занимаются. Из близких родственников, похоже, остался лишь двоюродный брат, проживающий в Дройтвиче. Он работает зубным врачом.

— А вот с этим, сэр, тоже, кажется, не все в порядке,— обратился к Персивейлу Пайпер.

Он протянул доктору книгу, но первым взял ее Касл. Это был небольшой томик стихотворений Роберта Браунинга. На первой странице виднелся оттиск герба королевской классической школы в Дройтвиче; из напечатанного текста следовало, что книгой в 1910 году был награжден ученик по имени Уильям Дэвис за отличные успехи в изучении английской литературы. Ниже от руки сделана надпись уже самим Уильямом Дэвисом. Она гласила: «В подарок сыну Артуру по случаю блестящей сдачи экзамена по физике. 29 июня 1953 года». Браунинг, физика, шестнадцатилетний юноша... Комбинация на самом деле была не из простых, но Пайпер, видимо, имел в виду нечто другое, заметив, что с книгой «не все в порядке».

— Так в чем же там дело?— переспросил доктор Персивейл.

— Это просто стихи Браунинга,— ответил Касл.— И мне кажется, с ними «все в порядке».

В то же время Касл не мог не признать, что небольшой томик стихов не вписывался в образ Дэвиса, он как-то плохо сочетался с работой в Олдермастоне, игрой на тотализаторе, увлечением «Плейбоем», нудными служебными обязанностями и секретной перепиской с Заиром. Или после смерти всегда так бывает: если покопаться как следует, окажется, что даже в самом простом человеке скрываются сокровенные тайны? Могло, конечно, быть и так, что Дэвис хранил книгу просто из сыновней почтительности к родителям, но несомненно и то, что он ее читал. И в последний раз, когда Касл навещал Дэвиса, он цитировал стихи Браунинга.

— Если посмотреть повнимательнее, сэр, то в книге есть несколько пометок,— обратился к доктору Персивейлу Пайпер.— Вы ведь гораздо лучше меня разбираетесь в шифрах. По-моему, стоит обратить на это ваше внимание.

— Что вы думаете по этому поводу, Касл?

— Да, здесь встречаются пометки.— Касл полистал сборник.— Книга принадлежала еще отцу Дэвиса, и не исключено, что они сделаны им. Правда, если судить по цвету чернил, пометки совсем недавние. Рядом на полях проставлена буква «с».

— Полагаете, это может представить для нас интерес?

Касл никогда не воспринимал серьезно ни самого Дэвиса, ни его пристрастие к спиртному, ни игру на скачках, ни безответную любовь к Синдре. Но просто отбросить в сторону случай со смертельным исходом нельзя. Сейчас же Дэвис его впервые по-настоящему заинтересовал. Уйдя из жизни, Дэвис стал что-то значить и обратил на себя внимание. Поэтому покойники, наверно, и мудрее нас. Касл, словно какой-нибудь почитатель стихов Браунинга, листал томик, надеясь постичь их скрытый смысл.

Дейнтри отошел от двери и спросил:

— Так что там особенного в этих самых... ну, в пометках в книге?

— Особенного?

— Ничего такого, что могло бы представить для нас интерес?— Полковник дословно повторил вопрос Персивейла.

— Представить интерес? Думаю, кое-что пригодится. Чтобы лучше понять его настроения и взгляды на жизнь.

— Что вы имеете в виду?— вмешался в разговор Персивейл.— Вы действительно полагаете, что?

Последние слова доктор Персивейл произнес с такой надеждой, будто только и ждал подтверждения того, что покойник, находившийся в соседней комнате, угрожал безопасности их ведомства. «В какой-то мере,— подумал Касл,— Дэвис действительно был опасным». Любовь и ненависть — источник опасности, об этом предупреждал он Бориса. Касл невольно вспомнил гостиничный номер в Лоренсу-Маркише, шум кондиционера, телефонный звонок и слова Сары: «Я приехала»... И внезапное чувство радости, нахлынувшее на него. Любовь к Саре привела его к Карсону, а Карсон в конечном итоге — к Борису. Влюбленный человек идет по жизни, словно анархист, имеющий при себе бомбу замедленного действия.

— Вы на самом деле думаете, здесь есть доказательства?— задавал вопросы доктор Персивейл.— Вы ведь специально обучались шифровальной технике. А вот мне не довелось.

— Послушайте, например, вот эти строки. Они подчеркнуты вертикальной чертой и отмечены буквой «с»:

«Но все же я скажу,
Что говорят друзья,
Добавив только чувства.
Но все же я решусь
И за руку возьму,
Чего бы там ни вышло...»

— А вы не могли бы предположить, что означает буква «с»?— спросил Персивейл. И вновь в его

Н

е ожидал, что все так произойдет,— заметил Персивейл, обращаясь к ним.

Фраза показалась Каслу равнодушной и холодной, как тело Дэвиса, распростертое на кровати. Пижамы была растергана на груди,— наверно, первым делом пытались установить, бьет ли сердце. Но ув! Раньше Касл

считал доктора довольно добродушным человеком, однако сейчас Персивейл выглядел другим. Более того, доктор смущенно, как бы извиняясь, произнес нечто несурзное, неуместное в данной обстановке.

В тишине необустроенной комнаты, так диссонировавшей с многоголосием свадебного застолья, обилием фарфоровых сов и шумным открыванием бутылок шампанского в доме миссис Дейнтри, Касл вдруг понял трагичность случившегося. После неудачной реплики Персивейла все замолчали. Доктор отошел от кровати, как бы приглашая недоброжелательных критиков оценить представшую перед ними картину, с трепетом ожидая их приговора. Полковник тоже не проронил ни слова и, похоже, с удовольствием наблюдал за доктором Персивейлом, будто тому предстояло объяснить явные просчеты в выставленной для обозрения картине.

Касл понял, что надо прервать затянувшееся молчание.

— Что за люди в гостиной? Чем они занимаются?

Доктор Персивейл с неохотой отвернулся от кровати:

— Какие люди? Ах, эти... Я обратился в спецслужбу, чтобы разобраться, что к чему.

— Зачем? Вы полагаете, его убили?

— Нет, разумеется, нет. Ничего похожего. Просто печень была в ужасном состоянии. Несколько дней назад ему делали рентген.

— Тогда почему вы сказали, что не ожидали?..

— Не думал, что все произойдет так быстро.

— Надо полагать, будет вскрытие?

— Разумеется, разумеется.

Его «разумеется», словно трупные мухи, заполнили комнату.

Касл прошел в гостиную. На кофейном столике

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—8.

голосе прозвучала скрытая надежда, что покорило Касла. — Не означает ли «с», скажем, «смотри», то есть не напоминает ли о том, что он уже использовал эти строки для шифра? В книжном шифре, если не ошибаюсь, важно не прибегать дважды к тому же тексту.

— Вы правы, именно так. Ну, а вот, к примеру, еще несколько строк, отчеркнутых вертикально:

«Эти туманные глаза
столь неотразимы,
эти чудные локоны
столь мне дороги,
что ради них одних
способен я стремиться,
ждать и страдать,
идти хоть в ад за ними...»

— По-моему, это похоже на стихи, сэр, — вставил Пайпер. — Здесь есть еще одна вертикальная линия и буква «с», доктор Персивейл.

— Значит, вы действительно считаете?..

— Как-то однажды Дэвис сказал мне: «Я не умею выглядеть серьезным, когда я по-настоящему серьезен». Так вот, мне кажется, что в поиске нужных слов он обращался за помощью к Браунингу.

— А злополучное «с»?

— Всего лишь сокращение от женского имени, доктор Персивейл, «с» означает Синдра. Так зовут его секретаршу, девушку, в которую Дэвис был влюблен. Она работает вместе с нами. Так что данное дело не подходит ребятам из спецслужбы.

Дейнтри хранил молчание, но, судя по всему, не находил себе места и о чем-то глубоко задумался.

— Необходимо сделать вскрытие, — осуждающе заметил, наконец, полковник.

— Безусловно, — заверил его Персивейл, — если будет настаивать врач. Ведь я не являюсь лечащим врачом Дэвиса. Я просто сослуживец, хотя и консультировал его, и посылал на рентген.

— Кстати, его доктор должен бы уже появиться.

— Я попрошу связаться с ним, как только наши люди закончат осмотр квартиры. Полагаю, вы, полковник Дейнтри, больше других понимаете важность данной процедуры. Безопасность у нас всегда на первом месте.

— Интересно, доктор Персивейл, что, по-вашему, покажет вскрытие?

— Думаю, не ошибусь, если скажу, что печень у него должна быть почти полностью разрушена.

— Каким образом?

— Потому что он пил, полковник, как же иначе? Помните, что я говорил Каслу?

Касл оставил коллег, дав им возможность обрушить друг на друга изощренные колкости. Он решил в последний раз взглянуть на Дэвиса, пока им не занялись патологоанатомы. Касл с удовлетворением отметил, что выражение лица у Дэвиса было умиротворенным. Касл запахнул пижаму на впадой груди покойного. Одной пуговицы не хватало. В обязанности прислуги, приходившей убирать квартиру, не входило пришивание пуговиц. В телефоне рядом с кроватью что-то щелкнуло, но звонка не последовало. Видимо, где-то на линии отключили микрофон и магнитофон. Это означало, что с Дэвиса сняли наблюдение. Теперь он был свободен.

Глава VIII

Касл приступил к составлению своего последнего, как он решил, донесения. Поскольку Дэвиса нет в живых, то и поток информации из африканской

секции тоже должен прекратиться. В противном случае, если утечка информации по-прежнему имела бы место, сомнений бы не было, кто в этом повинен. Если утечка информации прекратится, вина, безусловно, будет возложена на покойного. Страдания уже не грозили Дэвису, его досье будет закрыто и послано в центральный архив, где никому до него нет дела. Ну, а если в досье были факты измены? Независимо от этого, подобно всем секретным правительственным документам, оно будет скрыто от посторонних глаз в течение тридцати лет. Как ни печально, но своей кончиной Дэвис отдал себя во власть провидения.

Касл слышал, как Сара читала что-то Сэму перед сном. Обычно сын ложился спать на полчаса раньше, но сегодня мальчику требовалось особое внимание после первой, не совсем удачной недели занятий в школе.

Какой изнурительной была работа по составлению шифрованного сообщения с использованием книги! Теперь он уже никогда не дочитает «Войну и мир» до конца. Завтра в целях безопасности он сожжет свой экземпляр романа на костре из осенних листьев, не дожидаясь получения по почте книги Тrolлопа. Облегчение и сожаление одновременно овладели Каслом. Облегчение, поскольку в меру своих сил он отблагодарил Карсона за его доброту, и сожаление, поскольку никогда уже не сможет довести до конца дело, связанное с проектом «Дядюшка Римус», и по-настоящему отомстить Корнелиусу Мюллеру.

Закончив работу, Касл спустился в гостиную в ожидании Сары. Завтра — воскресенье. Он оставит свое послание в тайнике, третьем тайнике, которым никогда уже пользоваться не будут. О том, что он собирается прибегнуть к тайнику, Касл дал знать,

позвонив из телефона-автомата на Пиккадилли-серкус перед тем, как отправиться домой. На передачу последнего сообщения уходило, таким образом, много времени, но более быстрый и более опасный способ общения со связным Касл припас на крайний случай.

Касл налил себе виски, и невнятное бормотание в комнате сына позволило ему на какое-то время расслабиться. Дверь в комнату Сэма плавно закрылась, Сара прошла по коридору, а затем заскрипела лестница, ступени поскрипывали, когда по ним спускались вниз. Касл представил, насколько скучной и домашней, даже опостылевшей своим однообразием, могла бы показаться кому-то данная сцена. Каслу же эти звуки говорили о надежности, которую он все время боялся потерять. Касл заранее знал, что скажет Сара, войдя в гостиную, знал он и то, что ответит ей сам. Близость любимого человека как бы защищала от мрака неизвестности, царившей на улице и исходившей от зажженного фонаря полицейского участка на углу Кингс-роуд. Касл всегда представлял себе полицейского в форме, которого, не исключено, знал в лицо, в сопровождении одного из сотрудников спецслужб — это означало бы, что пришел его час.

- Ты налил себе виски?
- Давай я тебе тоже плесну?
- Только совсем немного, дорогой.
- С Сэмом все в порядке?
- Он успел заснуть прежде, чем я подвернула одеяло.

В разговоре супругов не было ни одной фальшивой нотки, как в телеграмме, где каждая буква на своем месте.

Касл передал Саре бокал. У него практически не было возможности рассказать ей о том, что стряслось.

- Как прошла свадьба, милый?
- Просто ужасно. Жаль беднягу Дейнтри.
- Почему это он бедняга?
- Он лишился дочери, и сомневаюсь, что у него вообще есть друзья.
- Похоже, что в вашей конторе сплошь да рядом — одни одинокие.
- Ты права. У нас работают одни одиночки, не считая тех, кто женился на своих же. Допей, пожалуйста, Сара.
- Куда спешить?
- Я хочу налить нам обрим.
- Почему?
- Случилось нечто ужасное, Сара. Я не мог тебе сказать при Сэме. Речь идет о Дэвисе. Он умер.
- Умер? Дэвис?
- Да.
- Как это произошло?
- Доктор Персивейл говорит, что у него большая печень.
- Но ведь от печени не умирают скоропостижно — буквально за пару дней.
- Так считает доктор Персивейл.
- Но ты не очень-то ему веришь?
- Не совсем. Думаю, Дейнтри тоже ему верит не до конца.

Сара добавила себе еще виски, что делала крайне редко.

- Бедный, бедный Дэвис.
 - Дейнтри хочет провести официальное вскрытие. Персивейл возражать не стал. Он, видно, вполне уверен, что подтвердится его собственный диагноз.
 - Если он в этом уверен, значит, так и есть.
 - Не знаю. Действительно, не знаю. В нашей конторе горазды на всякие там премудрости. Им и вскрытие фальсифицировать ничего не стоит.
 - А что мы скажем Сэму?
 - Правду. Не стоит скрывать от ребенка. Ведь все равно от этого никому не уйдешь.
 - Ведь он так любил Дэвиса. Дорогой, давай не будем ничего говорить малышу неделю или две. Пусть он пока привыкнет к школе.
 - Ты всегда права.
 - Молю бога, чтобы ты раз и навсегда распрощался с этими людьми.
 - Так и будет — через несколько лет.
 - Хочется, чтобы ты это сделал сейчас. Сию минуту. Давай разбудим Сэма и уедем куда-нибудь за границу. Первым же самолетом.
 - Подождем, пока я выйду на пенсию.
 - Я ведь могу устроиться на работу, Морис. Можно уехать во Францию. Там жилось бы намного легче. Во Франции привыкли к чернокожим.
 - Это невозможно, Сара, пока невозможно...
 - Почему? Ну, объясни хотя бы, почему?..
- Касл постарался успокоить ее:
- Ты ведь понимаешь, нужно заблаговременно направить прошение об отставке.
 - А они тоже обо всем оповещают заблаговременно?
- Касл поразился тому, как быстро сработала у жены интуиция, поскольку она тут же переспросила:

— А Дэвиса они тоже оповестили заблаговременно?

— Если все дело действительно в большой печени... — стал успокаивать ее Касл.

— Но ты ведь сам в это не веришь, не так ли? Не забывай, мне довелось работать на тебя, а значит, и на них — тоже. Я тогда была твоим агентом. Не думай, будто я не заметила, как раздражен ты весь месяц, взять хотя бы тот случай с газовщиком. Наверно, где-то там у вас произошла утечка информации, не так ли? И именно в вашем секторе?

— Кажется, они так считают.

— И во всем обвинили Дэвиса. Неужели ты веришь, что Дэвис виноват?

— Утечка информации могла быть допущена и неумышленно. Он очень невнимательно обращался с документами.

— И ты думаешь, они рассчитались с ним за то, что он был невнимателен?

— И все же допускаю, что в нашем ведомстве существует такое понятие, как «преступная невнимательность».

— А ведь могло случиться и так, что заподозрили бы тебя, а не Дэвиса. И тогда не стало бы тебя. От чрезмерного употребления виски.

— Не стоит так, я всегда стараюсь быть крайне осторожным, — произнес Касл и грустно пошутил, — не считая того, что я влюбился в тебя.

— Куда ты собрался?

— Подышать воздухом за компанию с Буллером.

В дальней части Коммона, почему-то называвшейся «Холодной заводью», буковая роща спускалась к дороге на Остридж. Касл присел у обочины, пока Буллер обнюхивал землю и рылся в прошлогодних листьях. Касл знал, что задерживаться здесь не надо. От него требовалось положить сообщение в тайник и вернуться домой.

Со стороны Беркампстеда медленно приближалась машина. Касл посмотрел на часы. После его условного звонка из телефона-автомата на Пиккадилли-серкус прошло четыре часа. Касл разглядел номер, но он был ему незнаком, как, собственно, и сама машина, маленькая красная «тоэта». Автомобиль остановился у сторожки при въезде в Остриджский парк. Машин и прохожих поблизости не было видно. Водитель включил фары, но потом, как бы передумав, снова включил габаритные огни. Сзади раздался какой-то шум, и сердце Касла учащенно забилось, но оказалось, что в кустах папоротника резвился Буллер.

Касл отошел от дороги и углубился в рощу, пробираясь между деревьями, в сумерках напоминавшими темных великанов. Еще в детстве, почти пятьдесят лет назад, он нашел здесь дупло, в шестом по счету дереве от дороги. Тогда ему приходилось вытягиваться во весь рост и вставать на цыпочки, чтобы дотянуться до дупла, и сердечко билось так же возбужденно, как и сейчас. Каслу было десять лет, и он оставлял в дупле любовные записки: девочке было семь. Как-то на пикнике он показал ей свой тайник и сказал, что в следующий раз положит туда для нее что-то важное.

При первой же возможности Касл положил в дупло пакетик мятных леденцов, завернутых в плотную бумагу. Проверив позднее тайник, он не обнаружил там леденцов. Тогда он оставил в дупле записку — признание в любви, написав ее печатными буквами, поскольку девочка только что научилась читать. Когда Касл пришел в третий раз, он увидел свою записку, ярко разрисованную.

«Наверно, нашли мой тайник», — решил он. Касл просто не поверил, что это могла сделать девочка, пока не встретил ее на другой стороне Хай-стрит, показывающей язык. Она, видно, очень разочаровалась, не найдя в очередной раз своих леденцов. Это были первые любовные переживания Касла. Он не вспоминал о дупле почти пятьдесят лет, пока однажды не встретил в холле отеля «Риджент-палас» незнакомую мужчину, которого потом больше не видел, предложившего ему подыскать новое место для тайника.

Касл надел Буллеру ошейник и, спрятавшись за папоротником, стал наблюдать. Водителю пришлось воспользоваться фонариком, чтобы найти дупло. Когда он направился к машине, Касл пошел домой.

«Это — мое последнее сообщение», — повторил он про себя. Касл почему-то снова вспомнил ту свою семилетнюю знакомую. Тогда на пикнике, когда они впервые познакомились, девочка казалась робкой и совсем некрасивой. Может, именно этим она его и привлекла.

«Почему некоторые из нас не способны любить удачливых, властных и красивых? — задумался Касл. — Возможно, потому, что считаем себя недостойными их, поскольку чувствуем себя своими в компании неудачников». Однако Касл решил, что дело не в этом. Скорее всего людям необходима гармония, какой обладал Иисус Христос, легендарная личность, в которую бы так хотел верить Касл.

«Найдите же во мне покой все, кто обременен и подавлен». И тогда на том пикнике девочка, несмотря на свой юный возраст, казалась действительно робкой и подавленной. И Каслу просто захотелось, чтобы она почувствовала, что ее кто-то любит, и он влюбился в нее. Это не было порождено жалостью, как и чувство Касла к Саре, когда он полюбил ее, хотя она ждала ребенка от другого. Любовь восставила гармонию. И это вполне естественно.

— Тебя что-то долго не было, — обратилась к нему Сара.

— Хотелось немного побыть на воздухе. Как Сэм?

— Спит, разумеется. Налить тебе еще виски?

— Да, только немного.

— Немного? Что так?

— Не знаю. Возможно, захотелось показать самому себе, что еще могу сдерживаться. Или потому, что я просто счастлив. Только, Сара, пожалуйста, не спрашивай, почему. Счастье исчезает, когда говорят о нем.

Такое объяснение устраивало обоих. За последний год совместной работы в Южной Африке Сара научилась не надоедать ему расспросами. Ночью, наедине со своими мыслями, Касл долго не мог заснуть. Снова и снова повторял он про себя заключительные слова своего последнего сообщения, составленного с помощью «Войны и мира». Касл несколько раз наобум открывал роман, чтобы найти «ключевую фразу», на которой была построена шифровка. «Вы говорите: я не свободен. А я поднял и опустил руку». Этой фразой Касл как бы бросал вызов секретным службам. Сообщение, которое должно попасть Борису или кому-то другому, заканчивалось словом «прощайте».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ Глава I

После кончины Дэвиса Касл стал плохо спать по ночам, его преследовали кошмары, отдельные сцены из прошлого. Однако сам Дэвис ему не снился, может, отчасти потому, что Касл много думал о нем днем, находясь на работе в опустевшем и унылом кабинете. Призрак Дэвиса витал в воздухе, когда Касл занимался заирской почтой и просматривал телеграммы, которые Синдра расшифровывала еще безграмотнее, чем раньше.

Ночами Каслу чаще снились ужасные сцены из южноафриканской жизни, но иногда всплывали эпизоды, связанные с той Африкой, которая была ему по-настоящему дорога. Однажды приснилась Сара в парке Йоханнесбурга. Сара сидела среди мусора и окурков на скамейке только для черных. Касл повернулся и стал искать другую скамью. Вместе с Карсоном они подошли к общественному туалету, и Карсон вошел в дверь, предназначенную только для черных, а Касл в растерянности остался на улице. На третью ночь ему привиделся совсем другой сон.

Проснувшись, Касл сказал Саре:

— Странно. Мне приснился Ружмон. Я так давно не вспоминал о нем.

— Ружмон?

— Да, совсем забыл. Ты ведь никогда не встречалась с ним.

— А кто он?

— Фермер из Фри-Стейта. Он мне очень нравился, как и Карсон.

— Он тоже был коммунистом? Впрочем, не думаю, ведь он фермер.

— Ты права. И скорее всего ему не поздоровится, когда твои люди придут к власти.

— Мои люди?

— Разумеется, я хотел сказать «наши», — поспешил уточнить Касл, будто боялся нарушить данное кому-то слово.

Ружмон проживал на окраине полупустыни, неподалеку от мест, где бушевала англо-бурская война. Его предки — гугеноты бежали из Франции от преследований. Но французским он не владел и объяснялся лишь на африкаанс и английский. Он унаследовал уклад жизни голландских поселенцев, однако сторонником апартеида никогда не был. Он жил как бы особняком, никогда не голосовал за националистов, терпеть не мог объединенную партию, и некое необъяснимое чувство верности своим предкам предостерегало его отдать свой голос за небольшую партию прогрессистов. Его поведение вряд ли можно было назвать героическим, хотя он, как, видимо, и его дед, считал, что героизм начинался там, где кончалась политика.

Он по-доброму и с пониманием относился к чернокожим работникам, не издевался над ними. Как-то раз Касл был свидетелем разговора Ружмона со старшим работником о состоянии зерновых — они беседовали на равных. Семья Ружмона и племена чернокожих переселились в Южную Африку примерно в одно время. И дед Ружмона, в отличие от деда Корнелиуса Мюллера, не был страусовым миллионером. В шестьдесят лет дед Ружмона ушел сражаться против английских завоевателей, был ранен

в родных местах, где буры сотню лет назад высекли на скалах изображения животных.

— Представь только себе, как они с полной выкладкой карабкались по камням под оружейным огнем, — восхищался английскими солдатами Ружмон, обращаясь к Каслу.

Ему нравились их мужество и выносливость, проявленные вдали от дома, хотя из учебника по истории можно узнать, какими отъявленными мародерами зарекомендовали тогда себя английские солдаты, так же как в свое время прославились викинги, высадившиеся на побережье, где обитали саксы. Ружмон без предубеждения относился к наследникам викингов, испытывая все же некое чувство горечи за народ, не имеющий исторических корней на этой древней, изможденной, но прекрасной земле, где обосновались его предки три столетия назад.

Однажды, потягивая виски, Ружмон как-то сказал Каслу:

— Ты говоришь, что пишешь книгу об апартеиде, но тебе никогда не удастся разобраться в наших проблемах. Я ненавижу апартеид не меньше тебя, и все же мои рабочие мне ближе, чем ты, поскольку ты — чужестранец. Мы ведь живем здесь, а ты — такой же визитер, как и туристы, которые приезжают и уезжают.

Касл был уверен в том, что, когда наступит решающий час, Ружмон снимет со стены гостинной винтовку и станет с оружием в руках защищать свои угодья, расположенные рядом с пустыней. И если он погибнет в бою, то не ради апартеида или торжества белой расы, а ради тех акров земли, которую он считал своей и на которой боролся с засухой и наводнениями, переносил землетрясения и спасал от падежа скот, и где к змеям относился примерно так же, как мы к мошкаре.

— А Ружмон был одним из твоих агентов? — поинтересовалась Сара.

— Нет, но, как ни странно, именно через него я познакомился с Карсоном.

Касл мог бы еще добавить: «А через Карсона я вышел на врагов Ружмона». Тогда Ружмон нанял Карсона адвокатом для защиты одного из своих рабочих, которого местная полиция преследовала за преступление, в котором он не был виноват.

— Мне иногда хочется снова стать твоим агентом, — заметила Сара. — Ты делишься со мной гораздо реже, чем тогда.

— Но я никогда особенно и не посвящал тебя во все детали, может, тебе так только казалось. Я старался говорить как можно меньше для твоей же безопасности. И то зачастую это не было правдой. Как, например, мое намерение написать книгу об апартеиде.

— В Англии, мне казалось, все будет иначе, — продолжила Сара. — Я думала, здесь не надо таиться.

Сара глубоко вздохнула и снова погрузилась в сон. Касл долго еще не мог заснуть. В такие вот минуты им овладевало страстное желание поделиться с Сарой, выговориться, подобно тому, как мужчина внезапно хочет исповедаться жене в том, что у него была связь с другой женщиной, а теперь все кончено. Касл раз и навсегда хотел объяснить Саре, чем вызваны вынужденное молчание, мелкие обманы, переживания, о которых он не вправе был говорить. И все же, как и другие мужчины, он пришел к заключению: «Зачем, собственно, расстраивать ее, если все кончено?» — ибо Касл искренне надеялся, что хотя бы на время он вышел из игры.

Каслу казалось довольно странным, что в кабинете, в котором он многие годы проработал вместе с покойным Дэвисом, прямо против него за столом сидел человек по фамилии Корнелиус Мюллер. Другой, преобразившийся Мюллер сразу обратился к нему со словами соболезнования:

— Весьма сожалею. О печальном известии я услышал, вернувшись из Бонна... Конечно, я не знал вашего коллегу лично... Но представляю, каким потрясением это явилось для вас...

Мюллер начал походить уже на нормального человека, а не на сотрудника БОСС, и его вполне можно было принять за случайного попутчика пригородного поезда. Касл обратил внимание и на искренне сочувственный тон Мюллера.

«В Англии, — подумал он, — все более и более цинично стали относиться к смерти тех, с кем нас не связывают прочные узы. Однако если усопшие и дороги нам, мы тем не менее считаем естественным быстро надеть маску безразличия в присутствии посторонних, ибо смерть — это одно, а дело остается делом».

Вот в голландской реформистской церкви, к которой принадлежал Мюллер, вспомнил Касл, смерть человека по-прежнему рассматривалась важной вехой в жизни семьи. Каслу пришлось однажды присутствовать на похоронах в Трансваале, и его поразила не скорбь, а достоинство, с которым вели себя

прихожане, отдавая дань уважения покойному. Поэтому и для Мюллера, хотя он являлся сотрудником БОСС, смерть сохраняла свою социальную значимость.

— Да, все произошло довольно неожиданно, — заметил Касл и, помолчав, добавил: — Я попросил секретаршу принести досье по Заиру и Мозамбику. Что касается Малави, то тут мы зависим от МИ-5, и я не могу ознакомить вас с документами без соответствующего разрешения.

— Я как раз хотел встретиться с вашими коллегами после нашего разговора, — сказал Мюллер. — Я так признателен за вечер, проведенный у вас дома. Был очень рад познакомиться с вашей женой... — он несколько замялся — и вашим сыном.

Касл полагал, что вводные фразы были скорее данью вежливости, прежде чем Мюллер перейдет к новым вопросам о том, каким образом Саре удалось тогда бежать в Свазиленд. Противника можно допустить на безопасное расстояние лишь при условии, что противник уже призрак, ибо враг не имеет права на воскрешение. И правы были те генералы, которые запрещали солдатам обмениваться рождественскими приветствиями с неприятелем.

— Разумеется, мы с Сарой были очень рады вашему визиту. — Касл позвонил. — Прошу прощения, чертовски долго не дают документы. Смерть Дэвиса внесла сумятицу в нашу работу.

Незнакомая секретарша зашла в кабинет.

— Я пять минут назад позвонил и попросил принести досье, — сказал Касл. — Где Синдра?

— Сегодня ее не будет на работе.

— А почему?

— Она взяла отгул, — невозмутимо ответила секретарша.

— Она что, заболела?

— Не совсем.

— Как вас зовут?

— Пенелопа.

— Так вот, Пенелопа, скажите мне, что вы имеете в виду под этим «не совсем»?

— Она в расстроенных чувствах. Это естественно, не так ли? Сегодня ведь похороны Артура.

— Сегодня? Простите, забыл. И все же, Пенелопа, прошу вас, принесите нам эти досье, — добавил Касл.

Когда за секретаршей закрылась дверь, он обратился к Мюллеру:

— Прошу извинить за неразбериху. Вы, должно быть, подумали, что мы вот так здесь и работаем. Но я действительно забыл, что сегодня похороны Дэвиса. Отпевание назначено на одиннадцать часов. Похороны несколько отсрочили из-за вскрытия. Видите, секретарша помнит, а я вот запамятовал.

— Вы меня тоже простите, я наверняка бы перенес нашу встречу, если бы знал об этом.

— Ну что вы, вы здесь ни при чем. Все дело в том, что у меня два ежедневника: один — для служебных записей, другой — для личных. Видите, тут у меня записано, что встреча с вами назначена на четверг на 10 часов утра. Ежедневник для личных записей находится у меня дома, в нем я и отметил, когда состоятся похороны Дэвиса. К сожалению, я вечно забываю просмотреть оба дневника.

— И все же... забыть о похоронах... довольно странно?

— Верно. Фрейд бы в этом случае заметил, что я умышленно хотел забыть об этом.

— Давайте условимся о другом времени для нашей встречи, я не стану вас больше задерживать. Завтра или послезавтра?

— Нет, зачем же. Что для нас все-таки важнее? «Дядюшка Римус» или отпевание бедного Дэвиса? А где, кстати, похоронили Карсона?

— У него на родине. В небольшом городке неподалеку от Кимберли. Наверно, вы удивитесь, если я вам скажу, что присутствовал на его похоронах?

— Ничуть. Надо полагать, требовалось выяснить, кто приходил на похороны.

— Кому-то, вы правы, нужно было за всем проследить. И я решил отправиться туда сам.

— А почему не капитан Ван Донк?

— Его бы там сразу узнали.

— Что они там так долго копаются с этими досье...

— Дэвис, видимо, не так много значил для вас? — поинтересовался Мюллер.

— Да, пожалуй, меньше, чем Карсон, которого убили ваши люди. Но моему сыну Дэвис очень нравился.

— Карсон умер от воспаления легких.

— Ну да, конечно. Вы ведь мне говорили уже об этом. Просто я запамятовал.

Когда досье наконец принесли, Касл просмотрел документы, сообщив Мюллеру лишь то, что считал уместным и допустимым.

— Мы пока не располагаем еще достоверной информацией, — сказал Касл, заметив про себя, что повторяет эти слова уже в третий раз.

Разумеется, то была заведомая ложь, просто Касл не мог раскрыть Мюллеру источник информа-

ции, поскольку они приступили к довольно деликатному обсуждению вопросов, в которых трудно определить водораздел, где интересы их разведслужб совпадали, а где — расходились.

— Полагаете ли вы, что проект «Дядюшка Римус» может быть действительно реализован? — спросил Касл Мюллера. — Лично я с трудом верю в то, что американцы когда-либо снова пойдут на участие в конфликте — я имею в виду военное участие на незнакомом континенте. Они ведь ничего не знают об Африке, как в свое время не знали об Азии, за исключением, пожалуй, романов Хемингуэя...

— При усиленном осуществлении «Дядюшки Римуса», — ответил Мюллер, — практически отпадает надобность в применении войск. По крайней мере в крупных соединениях. Потребуется, конечно, помощь нескольких специалистов, но мы уже ими располагаем. Америка имеет на территории республики станцию слежения за ракетами с системами наведения и станцию слежения за космическими объектами. Пока никто не выступал по этому поводу с протестами и не устраивал демонстраций, не было студенческих волнений в Беркли и специальных запросов в конгресс. Дело в том, что наша служба внутренней безопасности до сих пор работала безупречно. Как видите, наша расовая политика и законы в какой-то степени оправданны, они служат отличным прикрытием. Поэтому нам незачем судить кого-либо за шпионаж — это лишь вызовет ненужный интерес. Ваш приятель Карсон был довольно опасен, он стал бы еще более опасным, выдвини мы против него обвинение в шпионаже. В настоящее время станции слежения привлекают к себе пристальное внимание, поэтому мы так стремимся к тесному сотрудничеству с вашими людьми. Вам легче выяснить, где таится угроза, а мы потом все спокойно нейтрализуем. В какой-то степени у вас гораздо больше возможностей для внедрения в среду либеральных элементов и даже чернокожих националистов. Приведу лишь один пример. Весьма признателен вам за сведения, которые вы дали по Марку Нгамбо, разумеется, нам было известно о нем и раньше. И все же теперь мы вполне довольны, что не упустили ничего существенного. Здесь нам пока нечего опасаться, по крайней мере в ближайшем будущем. Видите ли, последующие пять лет имеют для нас жизненно важное значение, я хочу сказать, важны для нашего выживания.

— Послушайте, Мюллер, можно ли вам надеяться на выживание? Ведь у вас такая протяженная и практически открытая граница, всю ее заминировать невозможно.

— Согласен, невозможно старыми методами, — ответил Мюллер. — Нам повезло, что с появлением водородной бомбы атомная бомба стала обычным тактическим оружием. «Тактическое оружие» — очень удобный термин. Никто не начнет ядерную войну из-за того, что в какой-то далекой, малонаселенной стране применили тактическое оружие.

— Ну, а как... насчет радиации?

— В этом смысле нам повезло с розой ветров и пустынями. Кроме того, тактическая бомба не дает сильного заражения. Не больше, скажем, чем взрыв в Хиросиме, который, как известно, имел ограниченные последствия. В районах, которые на протяжении нескольких лет могут оказаться радиоактивными, проживает не так уж много белых африканцев. Кроме того, мы собираемся проводить будущие наступательные операции по строго определенным направлениям.

— Могу себе представить... — проговорил Касл.

Он вспомнил, как с сыном рассматривал в газете фотографию местности, пораженной засухой. На ней был изображен обезображенный труп, пожираемый грибами. «А теперь и стервятники подохнут от радиации», — подумал Касл.

— Я приехал сюда специально для того, чтобы вы могли составить представление о проекте в целом. Нет необходимости вдаваться в детали. Важно, чтобы вы имели возможность соответствующим образом оценить получаемую вами информацию. В настоящее время самое пристальное внимание надо уделить станциям слежения.

— Подобно расовым законам они служат прикрытием для самых разнообразных «грешков»?

— Вот именно. Нам с вами незачем играть друг с другом. Знаю, вас проинструктировали о том, чтобы вы не все рассказывали мне, это вполне понятно. Я получил точно такие же указания. Самое главное для нас — представить себе общую картину, нам предстоит сражаться на одной стороне, поэтому важно рассматривать происходящие события под одним углом зрения.

— Действительно, ведь все мы в одной упряжке, не так ли? — заметил Касл, пошутив про себя над всеми ними: над БОСС, своей собственной службой и даже над Борисом.

— В одной упряжке? Да, пожалуй.

Перевела с английского Мария ОСИНЦЕВА.

Продолжение следует.

В

аэропорту олимпийской столицы пограничные и таможенные формальности заняли считанные минуты. Пожалуй, дольше не выпускали из объятий огромные бутафорские белые медведи Хади и Хауди — талисманы Олимпиады и ставили на руку печать, удостоверяющую нашу прямую причастность к пятнадцатым «белым

Играм». Велик был соблазн не смывать ее до возвращения домой, дабы продемонстрировать родным и знакомым, но пришлось этим сувениром поступиться — все-таки Олимпиада длится шестнадцать дней.

С «печатью» путь в город открыт. Теперь на две недели самая ценная вещь для автора этих строк, как и для всех журналистов, — аккредитационная карточка. Без нее ты в Калгари — ноль. Подходишь к стадиону и думаешь: только бы запищала. Твоя карточка обязательно должна подать голос сотруднику службы безопасности, когда он проводит по ней световым карандашом, соединяя лучом с центральным компьютером.

Сейчас в Калгари 640 тысяч жителей. Половина из них прибавилась в последние двадцать лет. Поручение провести Олимпиаду привлекло в Калгари новоселов со всего света.

Многое к Олимпиаде сделали. Не буду все перечислять. Достаточно назвать двадцатитысячный стадион для хоккеистов и фигуристов, уникальный крытый стадион для конькобежцев, трамплины для прыжков на лыжах, трассы для бобслеистов и саночников. Спортсменов собралось рекордное число — 1789, журналистов приехало четыре с половиной тысячи — по 2,5 на спортсмена. Билеты на соревнования продавались по сумасшедшим ценам — (и почти все были раскуплены), места в отелях, цены в магазинах подскочили в несколько раз.

Тревогу организаторов вызывало лишь отсутствие снега. Жаркое солнце и теплый ветер поступили с ним безжалостно. Хорошо еще, в горах он держался, а там, где появлялись пролешины, на подмогу приходила снежная артиллерия.

Яркий, красочный, я бы отметил, демократичный праздник открытия «белых Игр» с помощью телевидения имели возможность наблюдать около трех миллиардов человек.

Но пора переходить к медалям. Первой чемпионкой в Калгари стала победительница в лыжной гонке на 10 километров. Приятно, что это была советская спортсменка — студентка пединститута из Вильнюса Вида Венцене. До дня ее триумфа — 14 февраля 1988-го, прямо скажем, ее имя и фамилия мало кому были известны. Серьезно заниматься лыжами она стала, когда ей исполнилось 19 лет. Правда, до этого Вида хорошо бегала, особенно «длинный спринт» — 400 метров. Оказывается, можно и поздно встать на лыжи, не обладая какими-то феноменальными физическими данными и даже жить не в такой уж долгие снежной Литве и добыть олимпийское «золото».

Отлично прошли «десятку» и другие советские лыжницы. Свою четвертую Олимпиаду Раиса Сметанина отметила серебряной наградой. Светлана Нагейкина и Тамара Тихонова финишировали четвертой и пятой. Это позволяло надеяться и на дальнейшие успехи советских лыжниц. Что в основном и подтвердилось.

«Золото-серебряный» старт лыжниц воодушевил многих спортсменов в советской делегации. На третий и четвертый день были сделаны еще два таких «дубля». 30 километров быстрее всех прошел наш лыжник с грозной фамилией Прокуроров. «Серебро» здесь досталось Владимиру Смирнову. Алексей Прокуроров родом из села близ древнего города Муром.

Не всем понравились успехи советских спортсменов на лыжне. Канадский тренер М. Холлом додумался до того, что обвинил наших чемпионов в... употреблении скрытого допинга. Голословно обвинил. Некрасиво получилось.

Ведь вот в Сараево одна из финских лыжниц выиграла несколько медалей: что ж, ее тоже надо было подозревать? Напротив, она приезжала к нам на гонки, ее отметили специальным призом.

Затем дружно восшествовали на пьедестал почета фигуристы — любимцы Калгари Екатерина Гордеева и Сергей Гриньков, ставшие чемпионами, и серебряные призеры Елена Валова и Олег Васильев.

Лыжники в первой половине Олимпиады, о которой сейчас рассказ, подкрепили свои первые успехи «золотом» Михаила Девятьярова в гонке на 15 километров и в женской эстафете, а также еще рядом серебряных и бронзовых медалей.

Однако для успеха в командной борьбе требуется собирать награды и в других видах спорта. А там пока больших достижений в первой половине у нас не было. Хотя приятно отметить Николая Гуляева, добывшего «золото» на дистанции 1000 метров. «Бронзой» поддержал его Игорь Железовский. В соревнованиях на других дистанциях наши конькобежцы успеха не добились, а на некоторых был полный провал. Не порадовали высоким классом прыгуны с трамплина, саночники, нечего сказать и о наших горнолыжниках. А ведь было время, они подавали надежды.

Тем временем мощное наступление на пьедесталы почета начали спортсмены ГДР. Хотя главные «козыри», как полагают, они предъявят во второй половине Олимпиады. Но и сейчас саночники и саночницы выиграли почти все медали. Конькобежцы Уве-Йенс Май и Андре Хоффман с мировыми рекордами победили на дистанциях 500 и 1500 метров. Франц-Петер Реч первенствовал в состязаниях биатлонистов.

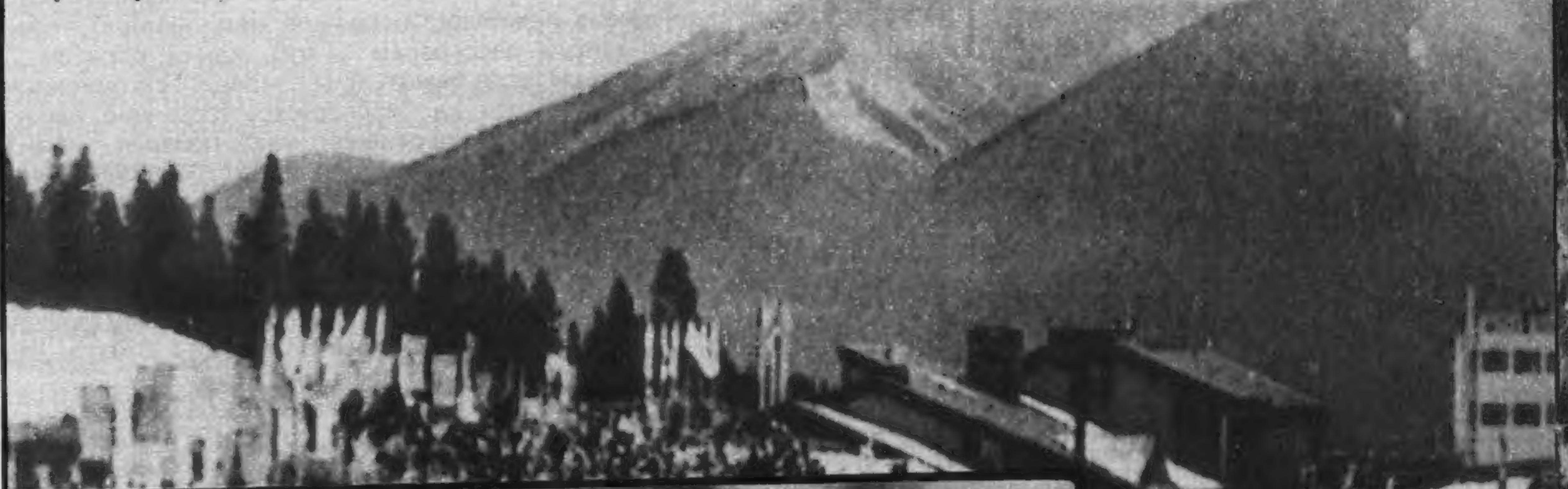
Есть олимпийские победы у спортсменов США, Швеции, Австрии, Финляндии и других стран.

Интересно, со многими сюрпризами проходит олимпийский хоккейный турнир. Сборная СССР вышла в финальную часть, набрав максимально возможные 4 зачетных очка.

РАДОСТИ И ВОЛНЕН

Владимир ДВОРЦОВ,

корреспондент ТАСС
(специально для «Огонька»)

Спортсмен из Владимира Алексей Прокуроров на пути к своей первой олимпийской медали — труднейшей гонке на 30 километров.

Понятная радость Анфисы Резцовой, Тамары Тихоновой, Светланы Нагейкиной и Нины Гаврылюк: они победили в эстафете 4x5 километров.

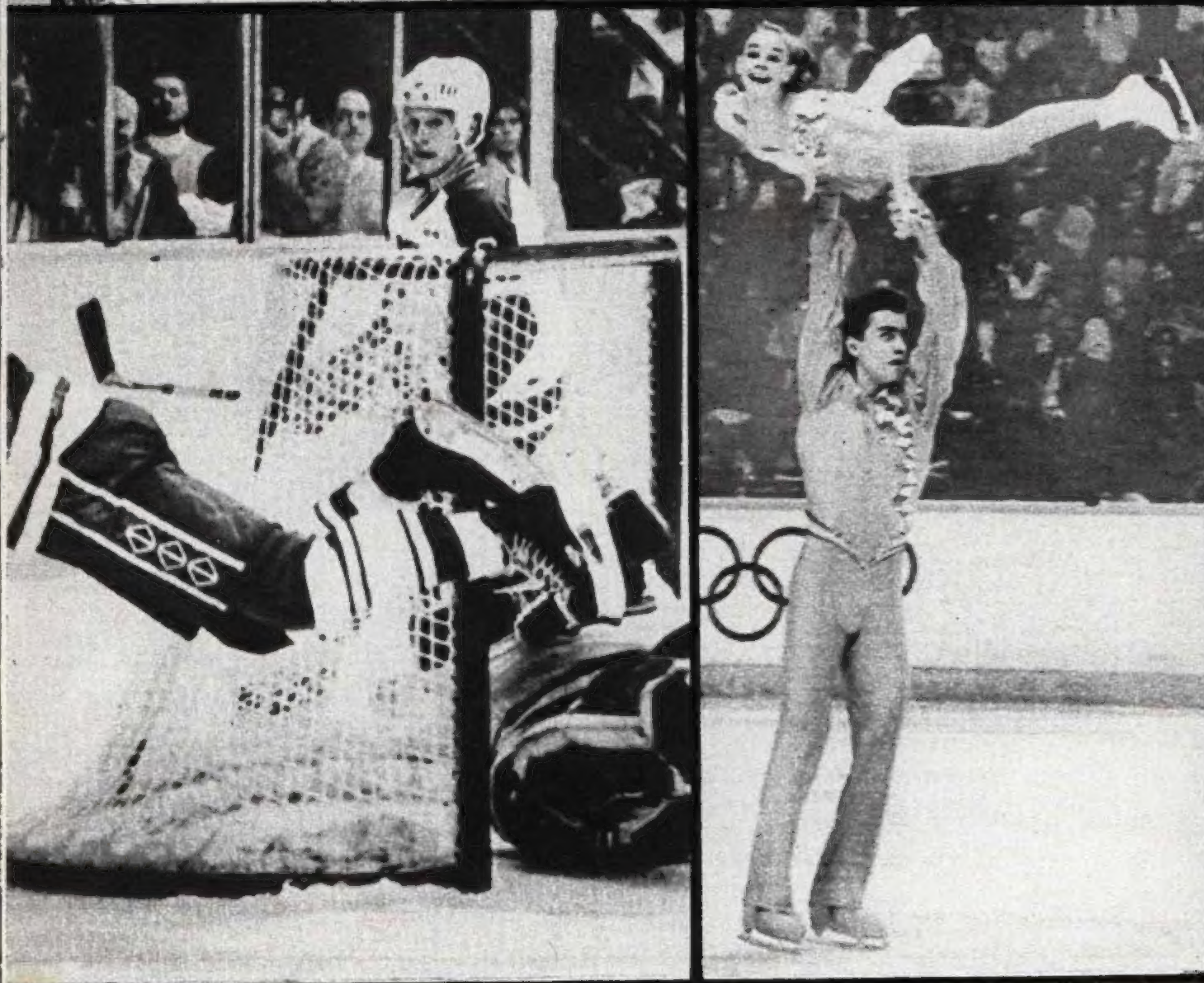
Матч старых олимпийских соперников — хоккейных сборных СССР и США. Выиграли наши мастера — 7:5. В атаке — Сергей Макаров.

Верхнюю ступеньку пьедестала почета заняла пара — Екатерина Гордеева и Сергей Гриньков.

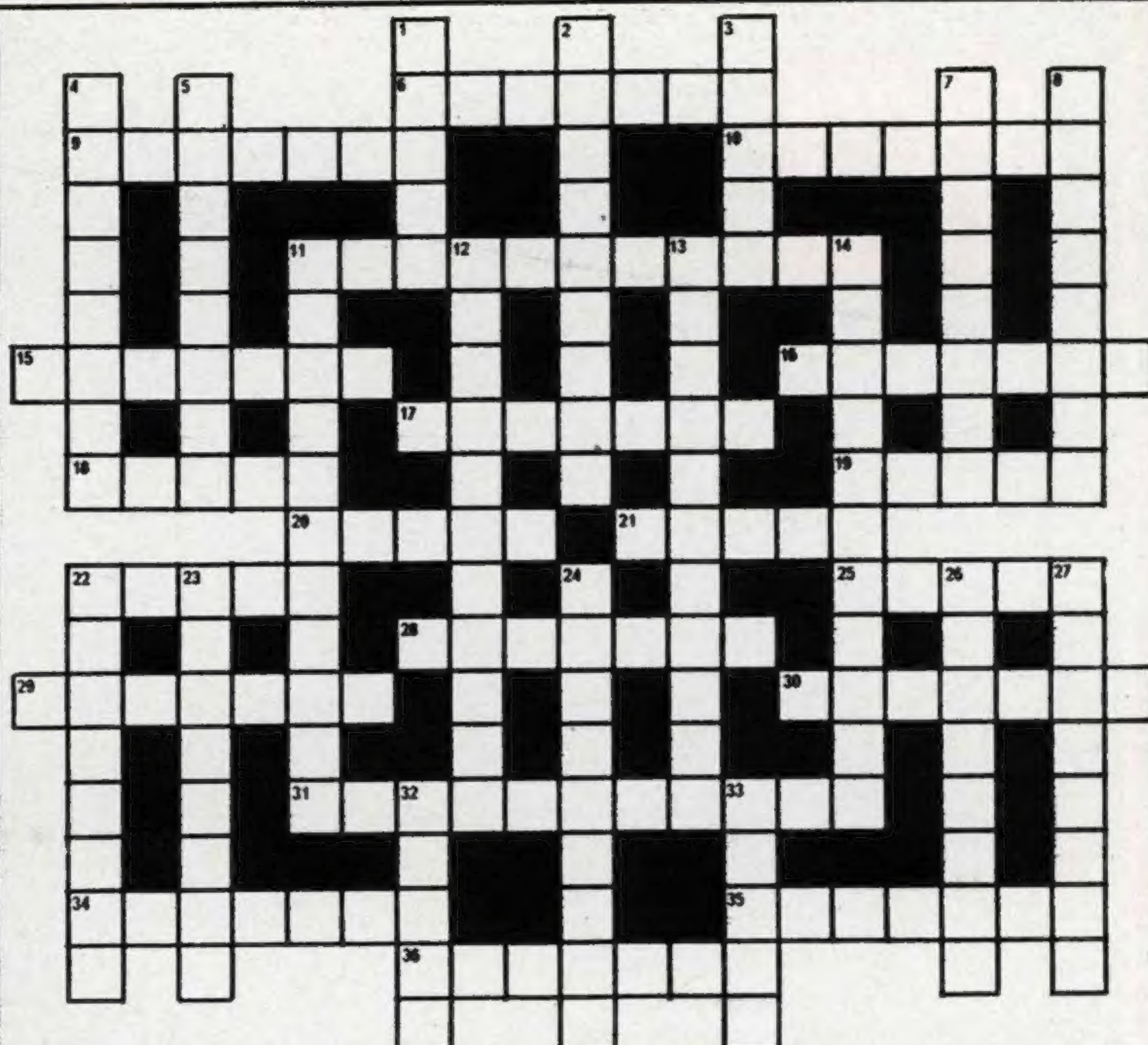
Фото В. ЗУФАРОВА и А. ЯКОВЛЕВА.

ИЯ КАЛГАРИ

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Наилучший вариант решения задачи, путь достижения цели. 9. Устройство, выполняющее по заданной программе операции без непосредственного участия человека. 10. Самая большая река в Бирме. 11. Система, обладающая способностью накапливать электрические заряды. 15. Художественный и культурно-исторический музей в Ленинграде. 16. Ткань высших растений, древесина. 17. Зодиакальное созвездие. 18. Общественная деятельница Австралии, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 19. Радиоактивный химический элемент. 20. Периодическое понижение уровня моря. 21. Автор сборника сказов «Малахитовая шкатулка». 22. Персонаж из рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой». 25. Автор песни «Смело, товарищи, в ногу». 28. Часть гребного и воздушного винта. 29. Приток Кубани. 30. Порт в Японии на острове Кюсю. 31. Точка наивысшего напряжения, подъема в определенном развитии. 34. Музыкальный ансамбль. 35. Химическое соединение. 36. Советские высшие офицерские курсы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рыба, обитающая в реках Приморья. 2. Советский военачальник, маршал авиации. 3. Академик, один из организаторов освоения Северного морского пути. 4. Шкаф для одежды. 5. Воинское звание сержантского состава. 7. Вид синтетического полимера. 8. Должностное лицо представительства государства за границей. 11. Областной центр в Туркмении. 12. Предприимчивость, умелость в работе. 13. Воздухоплавание. 14. Восстановление в первоначальном виде. 22. Инструмент для нарезания зубчатых колес. 23. Декабрист. 24. Единица длины. 26. Спортсмен, метатель гимнастического снаряда. 27. Хребет на Тянь-Шане в Киргизии. 32. Союзная советская республика. 33. Инструмент для доводки и зачистки деревянных изделий.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Фейерверк. 10. Геройство. 12. Фронт. 13. Конотоп. 15. Вавилон. 16. Волгоград. 17. Штурмовик. 20. «Машинисты». 22. Мокроусов. 25. Связистка. 29. Тимошенко. 31. Полевой. 32. Агрегат. 33. Слава. 35. Рокировка. 36. Буденновец.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ректорат. 2. Черномор. 3. Шведов. 4. Гриф. 5. Тест. 6. Конрад. 7. Асатиани. 8. Уваровит. 11. Погон. 14. Подвойский. 15. «Варшавянка». 18. Урок. 19. «Киев». 20. Миус. 21. Слет. 23. Охлопков. 24. Рецензия. 26. Селектор. 27. Котантен. 28. Эшпай. 29. Толуол. 30. «Огонек». 33. Сакс. 34. Амур.

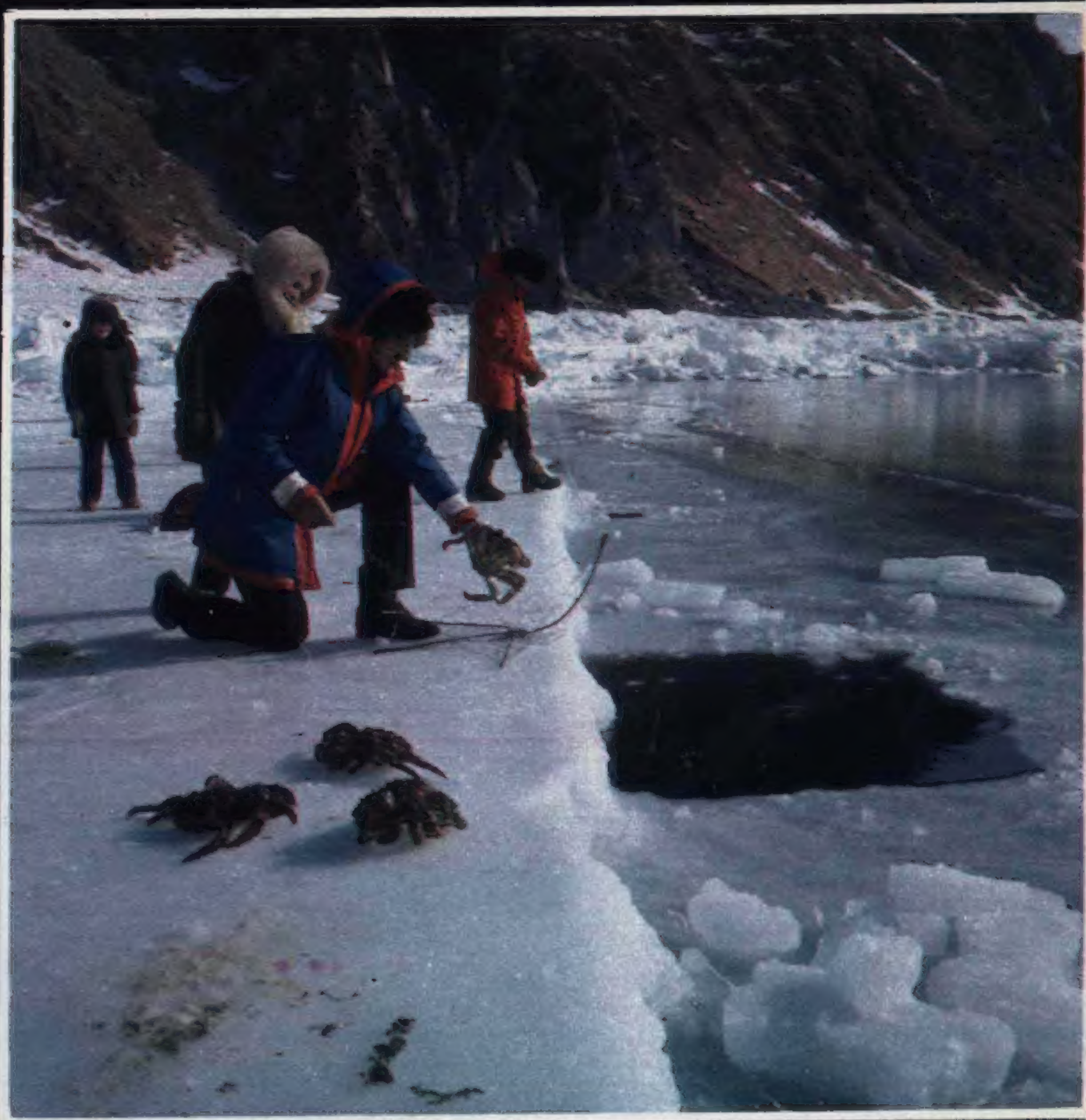
Рисунок М. БЕЛОМЛИНСКОГО

НЕТ ПРОБЛЕМ?

ГЛАС НОСТЬ!

ОГОНЁК

Лихо скатиться
с горки,
чтобы дух захватило,—
от этой забавы,
пожалуй, ни один
ребенок не откажется.
У юных магаданцев
есть свои «привилегии»:
участие в зимней
ловле крабов —
и страшновато,
и любопытно!
А как интересно
наблюдать
в лютую стужу
за взрослыми
«моржами» —
им нипочем ни мороз,
ни студеная вода!

Фото
Виталия
ДАНИЛЬЧЕНКО.

